АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Краткие сообщения
ИНСТИТУТА
НАРОДОВ АЗИИ

56

Международные отношения

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 43/1а

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Краткие сообщения ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ

56

Международные отношения

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

Редакционная коллегия:
В. Н. Никифоров (гл. редактор), *А. Е. Бертельс*,
Л. Р. Гордон-Полонская, А. И. Динкевич, В. И. Киселев,
Н. А. Кузнецова (отв. секретарь), *П. П. Моисеев, Ю. В. Рождественский*,
Н. А. Сыромятников, А. Г. Яковлев

Ответственный редактор выпуска
А. Г. Яковлев

П42419
Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

Л. А. Фридман

ИНОСТРАННЫЕ МОНОПОЛИИ В ЕГИПЕТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(до второй мировой войны)

Важнейшей особенностью египетской фабрично-заводской промышленности в период между мировыми войнами являлась весьма высокая концентрация производства и централизация капитала, монополизация целых отраслей производства одной или несколькими иностранными компаниями.

В капиталистических странах Европы и в Соединенных Штатах Америки высокий уровень концентрации производства и централизации капитала — результат длительного развития промышленности и действия внутренних законов капитализма.

В Египте высокий уровень концентрации производства и централизации капитала имел место с самого начала и являлся результатом вторжения в его промышленность уже сложившегося иностранного монополистического капитала. Этот уровень был особенно высок в тех отраслях, которые полностью контролировались иностранным капиталом — в сахарной, цементной, горнодобывающей, табачной и др.

Иностранные монополии, действовавшие в Египте, делились на две основные группы. К первой принадлежали филиалы или дочерние предприятия крупнейших банков, торговых, финансовых, промышленных компаний стран Западной Европы и США, созданные (преимущественно или полностью) путем использования средств, аккумулированных на рынке капиталов в этих странах.

Другая группа иностранных компаний была основана иностранными резидентами, проживавшими в Египте, на средства, нажитые в самой стране путем беспощадной эксплуатации ее населения хищническими методами первоначального накопления. История многих иностранных промышленных монополий, контролировавших почти все отрасли фабрично-заводской промышленности Египта, восходит своими корнями к деятельности французских, английских, итальянских искателей наживы, приехавших в Египет в 40—60-х годах XIX в. без гроша в кармане и сколотивших огромные состояния на таких «достойных» и «высоконравственных» операциях, как ростовщичество, грабительская торговля, жульнические подряды, концессии, полученные обманным путем, спекуляция государственными землями и владениями хедива Исмаила, эксплуатация полурабского труда египетских феллахов на сахарных плантациях и т. д. и т. п.

Еще до превращения Египта в английскую колонию, в 60—70-х годах XIX в., в Александрии, Каире и других городах были организованы тесно связанные с английскими и французскими банками «деловые дома», конторы купцов-банкиров, менял, ростовщиков. Их основатели

обычно до этого находились на службе у хедива, где и сколотили немалые средства либо нажились на торгово-ростовщических операциях. Источником быстрого обогащения для многих иностранных резидентов были махинации с египетским государственным долгом, которыми занимались не только крупные английские и французские банкирские дома, но и жившие в Египте торговцы и ростовщики, охотно ссужавшие хедива Исмаила деньгами под краткосрочные векселя египетского казначейства. Так, вексельный долг, бо́льшую часть которого образовали ссуды иностранных резидентов и левантийцев, проживавших в Египте, носил откровенно ростовщический характер и приносил заимодавцам до 25—35% прибыли в год[1]. В дальнейшем эти средства были вложены в торговлю и промышленность, особенно в те отрасли производства, которые не могли стать конкурентами промышленности Англии, Франции и других империалистических стран. Так, например, торгово-ростовщическая и банкирская контора Суареса вместе с английским дельцом Э. Касселем участвовала в создании сахарной компании «Нэшнл Бэнк оф Иджипт», основала компанию «Вади Ком-Омбо», владевшую сахарными плантациями в Верхнем Египте, была одним из инициаторов создания крупнейшей ипотечной компании «Крэди Фонсье Эжипсьен». Тот же Суарес совместно с английской транспортной монополией вложил часть средств, нажитых в торговле и ростовщичестве, в узкоколейные железные дороги.

Крупные купцы-экспортеры хлопка Карвер, Пил, Рейнгардт, Россано, Ласкарис, Сальваго, Роло, Пинто и другие инвестировали свои средства в транспортные предприятия, хлопкоочистительные и хлопкопрессовальные фирмы, в компании речного и морского судоходства, а позже — в 20—30-х годах XX в. — и в прядильно-ткацкую промышленность. Их имена фигурировали в списках акционеров и директоров всех крупных промышленных компаний.

Некоторые купцы-оптовики, занимавшиеся внутренней торговлей — Лаппас, Ганаклис и другие, — основали предприятия по производству вина и различных напитков. Спекулянты земельными участками в пригородах Каира бельгийцы братья Ампэн были в числе «пионеров» строительства электростанций, захватили контроль над трамвайными и автобусными компаниями.

Немалую роль среди крупнейших дельцов, ставших основателями иностранных колониальных монополий в Египте, играли отставные английские чиновники. Так, первым председателем «Нэшнл Бэнк оф Иджипт» был бывший английский финансовый советник при египетском правительстве Э. Пальмер. В 30-х годах XX в. после введения нового защитительного тарифа несколько высокопоставленных английских чиновников после выхода в отставку начали создавать новые промышленные компании совместно с иностранными и местными финансистами[2].

Процесс первоначального накопления в Египте привел к обогащению не египетской, а иностранной и инонациональной буржуазии. Таким образом, исходным пунктом для создания относительно крупных фабрично-заводских предприятий в Египте в конце XIX — начале XX в. послужило предварительное накопление денежных средств иностранны-

[1] L. C. Wright, *U. S. Policy towards Egypt, 1830—1914,* New York, 1957, p. 110.

[2] См. отчеты компаний в журн. «Revue d'Egypte économique et financière» за 1929—1944 гг. (далее — «Revue d'Egypte...»); El-Gritly, *The Structure of modern industry in Egypt,* Le Caire, 1947, pp. 373—377 (далее — El-Gritly, *The Structure...*); M. A. Rifaat, *The Monetary system of Egypt,* Loindon, 1935, p. 108, passim.

ми компаниями в сфере торговли и финансов Египта, осуществлявшееся грабительскими колониальными методами.

Вкладывая часть своих капиталов в промышленность, иностранные дельцы отнюдь не прекращали торгово-ростовщических и банкирских операций[3], а, наоборот, стремились вести их таким образом, чтобы добиться получения возможно большей прибыли благодаря сосредоточению в своих руках источников сырья, предприятий по его переработке и операций по сбыту готовой продукции. Египетский экономист Аль-Гритли правильно подчеркнул, что «современная египетская промышленность была создана в то время, когда эпоха конкуренции клонилась к упадку»[4]; она развивалась в узких рамках, обусловленных колониальным положением Египта, в условиях господства иностранного монополистического капитала.

Размеры и темпы накопления капитала в крупной иностранной промышленности были во много раз выше, чем на принадлежавших египтянам мелких и средних предприятиях ремесленно-мануфактурного типа, находившихся в крайне неблагоприятных условиях в отношении финансирования, а также организации закупки сырья и сбыта готовой продукции. В результате этого разрыв между размерами производства и величиной капитала в крупной машинной промышленности и в мелком ремесле и мануфактуре с течением времени все более увеличивался. Разумеется, это не означает, что мелкие и средние промышленные заведения вообще не развивались. В отдельных отраслях производства наблюдалось возникновение и укрепление предприятий «среднего» типа, но это явление было все же исключением. Абсолютное экономическое господство иностранного монополистического капитала с самого начала крайне сузило сферу действия механизма «свободной конкуренции» в промышленности Египта, явилось важнейшей предпосылкой образования и развития монопольных объединений в большинстве отраслей производства и во многом определило особенности формирования национальной промышленной буржуазии.

Наглядное представление об уровне концентрации производства и капитала в промышленности Египта накануне второй мировой войны дают сведения промышленной переписи 1937 г. По данным этой переписи в стране насчитывалось около 2700 предприятий с десятью рабочими и более; они имели также механические двигатели мощностью в 20 *л. с.* и более. Этой группе соответствует 2828 заведений с капиталом от 500 егип. ф. и более, которые мы и будем рассматривать как предприятия фабрично-заводского типа[5].

Из общего заявленного капитала в 31,4 млн. егип. ф., принадлежавшего 67 769 заведениям, сообщившим сведения о своем капитале, на долю фабрично-заводской промышленности приходилось 29,5 млн. егип. ф., распределенных между 2828 предприятиями. На долю 312 наиболее крупных предприятий, имевших в среднем по 10 тыс. егип. ф. капитала (11% всех предприятий фабрично-заводской промышленности), приходилось 87,5% вложенного капитала. Составляя лишь 0,33% всех заведений, отмеченных в переписи 1937 г., они сосредоточивали 82,2% всего заявленного капитала[6]. Из 312 отмеченных выше предприятий

[3] El-Gritly, *The Structure...*, p. 375.

[4] Ibid., p. 502.

[5] См. «Industrial and commercial census of Egypt. 1937», Cairo, 1942, pp. 514, 742, passim. О признаках понятия «фабрика» см.: В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России,* — Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 3, стр. 468.

[6] Подсчитано по: «Industrial and commercial census...», passim.

251 принадлежало «акционерным компаниям с ограниченной ответственностью», корпорациям и обществам с держателями акций. Почти все они контролировались иностранным капиталом; среди акционерных обществ, действовавших к тому времени в Египте, лишь в 19 компаниях группы Миср господствовал национальный капитал [7].

Однако и эти цифры не дают достаточного представления о действительном уровне концентрации капиталов в промышленности Египта, ибо они не выделяют самые крупные предприятия, имевшие от 100 тыс. до 500 тыс. егип. ф. капитала. Более показательны такие данные: в 1941 г. активы 91 промышленной компании (не считая транспортных, горнодобывающих и водопроводных) достигали 30 млн. егип. ф., в том числе активы крупнейших компаний, имевших по 500 тыс. егип. ф. капитала и более, составляли около 19,5 млн. егип. ф. [8]. Весьма высокой была и концентрация производства. Группировка предприятий по числу занятых на них рабочих дает следующие результаты: в 1944 г. 45 предприятий, имевших по 500 рабочих и более и составлявших 1,3% всех предприятий фабрично-заводской промышленности, сосредоточивали около 43% всех рабочих [9].

Уровень концентрации капиталов в отдельных отраслях производства иллюстрируют следующие данные промышленной переписи 1937 г. В промышленности, изготовляющей напитки, из 1,3 млн. егип. ф. всего заявленного капитала, распределенного между 238 предприятиями, 1,1 млн. егип. ф. приходилось на долю 19 компаний с капиталом от 10 тыс. егип. ф. и выше. В табачной промышленности из 7,20 млн. егип. ф. всего заявленного капитала 7,19 млн. приходилось на долю 16 крупных предприятий с капиталом от 10 тыс. егип. ф. и более. В ткацкой промышленности из 2,9 млн. егип. ф. капитала, распределенного между 4712 предприятиями, 2,7 млн. егип. ф. приходилось на долю 41 крупного предприятия. В 1941 г. три крупнейшие компании производили более 80% всей пряжи, а четыре ткацкие фабрики — более 50% всех тканей. Уровень концентрации производства в прядильно-ткацкой промышленности Египта был выше, чем в Японии или США [10]. В промышленности по обработке металлов из 1,2 млн. егип. ф. общего заявленного капитала 5510 предприятий 1 млн. егип. ф. приходился на долю 16 крупных предприятий. В горнодобывающей промышленности весь капитал сосредоточивали крупные иностранные компании, имевшие от 50 тыс. до 200 тыс. егип. ф. капитала [11].

Все приведенные цифры с полной очевидностью показывают, что по уровню концентрации производства и централизации капитала как вся египетская фабрично-заводская промышленность, так и основные ее отрасли далеко «обогнали» империалистические страны.

Исключительно высокий уровень концентрации производства и централизации капитала являлся важнейшей, но не единственной причиной и предпосылкой господства иностранных монополий в промышленности Египта. Среди других причин следует отметить следующие.

1. Колонизаторы стремились направить капиталы египтян в сельское хозяйство и всячески препятствовали созданию национальных промышленных компаний.

2. Иностранные банки отказывали в кредитах мелким и средним промышленным предприятиям, стремились отвлечь накопления имущих классов от вложений в промышленность и тем самым препятствовали расширению производства и образованию новых конкурентоспособных фабрик и заводов.

3. Вся система колониальной эксплуатации страны препятствовала накоплению капиталов в ремесленном и мануфактурном производстве и перерастанию его в фабричное.

4. Фабрично-заводская промышленность Египта создавалась на основе использования машинной техники, рассчитанной на массовое производство товаров. Размеры «средних» предприятий фабрично-заводского типа в Египте с самого начала были больше, чем, например, в Англии в эпоху промышленного переворота. Поэтому сравнительно узкий (и притом крайне медленно расширявшийся) внутренний рынок мог быть насыщен товарами, произведенными на двух-трех более или менее крупных предприятиях.

5. В ряде случаев действовавшие в Египте иностранные акционерные общества являлись дочерними предприятиями крупных иностранных монополий и получали от египетского правительства широкие концессионные права. Так, фактическую «концессионную» монополию имели английская нефтяная компания, англо-французские трамвайные компании, электростанции, газовые заводы и другие предприятия, действовавшие в сфере коммунальных услуг.

6. Если в одной отрасли производства действовало несколько иностранных компаний (английских, французских, итальянских), то они заключали соглашения о ценах и квотах производства. Этому немало способствовало и то, что дочерние фирмы принадлежали иностранным монополиям, нередко имевшим соглашения у себя на родине, в метрополии.

7. Территориальная концентрация предприятий в Каире, Александрии и их окрестностях также облегчала соглашения о совместном сбыте изделий, квотах, ценах и т. д., а также контроль над их осуществлением. Тот факт, что владельцы контрольных пакетов акций большинства промышленных компаний составляли очень немногочисленную группу людей одного социального круга, постоянно встречавшихся на заседаниях правлений различных компаний, входили в иностранную колонию, отделявшуюся резким, хотя и «невидимым», барьером от собственно египетского общества, облегчал создание монопольных объединений. Приведем такой пример: список директоров всех зарегистрированных в Египте акционерных компаний в 1941 г. включал 745 человек, которые занимали 1557 директорских постов, в том числе 65 человек (каждый из которых являлся директором или членом административного совета в пяти и более компаниях) сосредоточивали 592 поста, или 38% всех директорских постов в стране [12].

8. Тариф 1931 г. с последующими изменениями ввел запретительные пошлины на цемент, сахар, муку и некоторые другие товары, что обеспечивало предприятиям, работавшим в Египте, монополию на внутреннем рынке. При таких условиях стремление к монопольной прибыли толкало эти предприятия на соглашение с целью повышения цен внутри страны и организации демпинга за границу.

---

[7] Подробнее о концерне Миср см. ст.: Л. А. Фридман, *Концерн Миср в 1920—1939 гг.*, — в кн.: «Очерки по истории арабских стран», М., 1959, стр. 61—102.

[8] El-Gritly, *The Structure...*, p. 489.

[9] Подсчитано по данным промышленной переписи 1944 г., приведенным в кн.: جمال الدين محمد سعيد، اقتصادية مصر، القاهرة، ١٩٥١، ص ٢٢٥ (далее — Г. М. Саид, *Иктисадийя Миср*).

[10] El-Gritly, *The Structure...*, pp. 494, 497; Г. М. Саид, *Иктисадийя Миср*, стр. 224.

[11] Подсчитано по: «Industrial and commercial census...», passim.

[12] Подсчитано по: El-Gritly, *The Structure...*, p. 411.

9. Немалое значение для картелизации иностранных предприятий, работавших в Египте, имела политика созданной еще в 1922 г. Федерации египетской промышленности — организации, объединявшей всех иностранных, а впоследствии и египетских крупных предпринимателей. Эта федерация была настоящим «бастионом монополий» и всеми мерами содействовала созданию новых картелей и других монопольных объединений во всех отраслях египетской промышленности.

10. Наконец, политика египетского правительства также способствовала образованию монополий. Многим иностранным компаниям были предоставлены прибыльные концессии: сахарная компания официально получила монополию на производство и сбыт сахара в стране, правительство поощряло картелизацию хлопкоочистительной, прядильно-ткацкой промышленности, создание монопольных объединений на транспорте и т. д.

Подавляющее большинство монополистических объединений, созданных в египетской промышленности в период между двумя мировыми войнами, приняло форму картелей или синдикатов, и отдельные предприятия в основном сохраняли свою производственную самостоятельность. Практически организация синдикатов и картелей имела целью прежде всего регулирование системы сбыта готовой продукции, однако в ряде случаев регламентировалась в определенных пределах и производственная деятельность членов объединения (фиксированные размеры производства, продолжительность рабочей недели и т. д.)

Первые картельные соглашения в египетской промышленности были заключены еще в начале XX в. между двумя конкурирующими хлопкопрессовальными компаниями. Создание монополии было облегчено тем, что все предприятия были расположены в Александрии и принадлежали франко-английскому капиталу. Еще в 1889 г. путем объединения шести небольших компаний было создано крупное акционерное общество «Сосьете женераль де прессаж э де депо», сосредоточившее переработку около четырех пятых сбора всего урожая хлопка. В 1902 г. оно заключило соглашение со своим единственным конкурентом «с целью положить конец войне путем снижения ставок» и установить единую минимальную цену за прессовку хлопка. Характерно, что созданию крупнейшей хлопкопрессовальной компании содействовали Оттоманский и Англо-египетский банки [13]. Образование картеля позволило обеим компаниям резко увеличить прибыли, достигавшие в отдельные годы (например, в 1921—1923 гг.) 100% и более на акционерный капитал.

Несмотря на то что биржевая цена хлопка упала в 1923—1932 гг. более чем в два раза, компании, входившие в картель, не понизили стоимость его прессовки и по-прежнему получали огромные доходы. (Прибыли хлопкопрессовальных компаний изменялись лишь в зависимости от размеров урожая и квоты каждой фирмы.) Доля стоимости прессовки хлопка в его биржевой цене только в период 1929—1932 гг. увеличилась более чем вдвое, а это означало резкое усиление эксплуатации египетского крестьянства иностранным капиталом через контролируемую им хлопкопрессовальную промышленность. Лишь в 1935 г. ставка за прессовку была снижена до 6,5 пиастра за кантар (1 кантар = 44,9 *кг*), или всего на 13,3%. Однако уже в 1938/39 г. она была вновь повышена до 7 пиастров [14]. Таким образом, после окончания кризиса доля хлопкопрессовальных монополий в цене хлопка была на 23% выше, чем в 1929 г. [15].

[13] См.: «Revue d'Egypte...», 1936, № 204—205, 228; El-Gritly, *The Structure...*, pp. 505—506.

[14] «Revue d'Egypte...», 1936, № 228; 1945, № 664.

В хлопкоочистительной промышленности монопольные организации возникли несколько позднее. Правда, еще в 1905 г. в результате слияния шести предприятий была образована крупная компания — фирма «Ассошиэйтед котн джинерз оф Иджипт», которая сосредоточивала переработку значительной части хлопкового урожая, но кроме нее продолжали существовать десятки мелких предприятий, конкурировавших между собой. Образование монополий в этой отрасли промышленности было затруднено рядом обстоятельств. В стране насчитывалось более 100 хлопкоочистительных заводов, расположенных в разных районах; владельцы их принадлежали к различным национальностям (англичане, французы, немцы, греки, итальянцы, армяне, евреи); одни заводы были крупными и имели современное оборудование, другие — небольшими, с устарелым оборудованием. Поэтому соглашения о ценах, квотах и т. д. стали заключаться предприятиями отдельных районов страны. Так, в 1928 г. формальное соглашение о стабилизации ставок было подписано в Кафр аз-Зайяте между ведущими фирмами, сосредоточившими всю переработку хлопка в этом районе.

Мировой экономический кризис дал толчок к образованию монопольных объединений в других районах страны, где было расположено большинство хлопкоочистительных заводов. В результате длительных переговоров в 1937 г. было заключено соглашение об образовании «пула» хлопкоочистительных заводов Верхнего Египта «с целью поднять ставки и положить конец смертельной конкуренции, господствующей в этой отрасли промышленности» [16]. В 1938 г. соглашение было возобновлено, а через год был образован «пул» и в Нижнем Египте, в который вошли почти все действовавшие заводы, включая предприятия концерна Миср. Картель, объединивший предприятия Нижнего Египта, продолжал существовать и после второй мировой войны, а верхнеегипетское объединение хлопкоочистительных заводов распалось уже в 1943 г. [17].

Картельное соглашение устанавливало общий уровень платы за очистку хлопка и квоты для отдельных предприятий, вводило штрафы для заводов, превысивших установленные для них квоты, предусматривало выплату компенсации владельцам заводов, давших меньшую выработку, и членам картеля, которые работали в районах, где аутсайдеры взимали плату ниже установленной соглашением. Средства, собранные в виде специального налога со всех участников «пула», должны были использоваться как для оплаты административных расходов, так и для компенсаций его участникам [18]. Образование «пула» позволило хлопкоочистительным заводам «реализовать большие прибыли, установив высокие цены» [19], в результате чего доходы основных хлопкоочистительных компаний резко выросли. Так, если в 1938 г. валовая прибыль «Ассошиэйтед котн джинерз оф Иджипт» составляла 64 тыс. егип. ф., то уже в 1939 г. она повысилась до 98 тыс., а в 1941 г. достигла 162 тыс. егип. ф., или 80% на весь оплаченный капитал [20]. В годы второй мировой войны в связи с сокращением посевных площадей в Египте перера-

[15] Подсчитано по: «Annuaire statistique d'Egypte, 1945/46», Le Caire, 1951, p. 693; «Revue d'Egypte...», 1936, № 225, 228; 1945, № 664.

[16] См. «Report on the economic conditions in Egypt for 1937», London, 1937, p. 12.

[17] «Revue d'Egypte...», 1950, № 936.

[18] El-Gritly, *The Structure...*, pp. 503—504.

[19] См. отчет компаний в «Revue d'Egypte...», 1946, № 739.

[20] «Revue d'Egypte...», 1946, № 727.

батывалось примерно в два с половиной раза меньше хлопка, чем в предвоенные годы, но несмотря на это благодаря установлению монопольно высоких цен хлопкоочистительные компании получали прибыль, в два раза большую, чем до войны.

Таким образом, создание монопольных объединений в хлопкоочистительной и хлопкопрессовальной промышленности привело к обогащению иностранных капиталистов, а отчасти и египетских промышленников, к уменьшению доли непосредственного производителя в цене хлопка и, следовательно, к еще большему усилению эксплуатации египетского крестьянства.

Созданная в начале XX в. сахарная компания, контролировавшаяся французским капиталом, фактически уже к 1913 г. давала почти всю продукцию сахара в стране. После введения запретительных тарифов на сахар (пошлина на импортный сахар была увеличена с 4 до 12 егип. ф. за тонну) и предоставления компании в 1931 г. монополии [21] она увеличила производство сахара в очень незначительных размерах с целью сохранения высоких цен на внутреннем рынке. Так, в 1931 г. выработка сахара составила 147 тыс. *т*, в следующем году повысилась до 170 тыс. *т*, но затем вновь упала и в период 1933—1939 гг. не превышала в среднем 149 тыс. *т* [22]. Таким образом, сахарная монополия не способствовала росту производства и, используя систему монопольно высоких цен, удерживала потребление сахара на очень низком уровне. В этом факте особенно ярко проявился паразитизм, свойственный монополистическому капитализму в целом и его колониальным предприятиям в особенности. В результате такой политики во время экономического кризиса, когда цены на хлопок были в Египте в два раза ниже, чем в 1929 г., а цены на пшеницу и кукурузу понизились на 15—20%, цена сахара была повышена на 50% и одновременно закупочные цены на сахарный тростник были понижены в среднем на 12%. В 1931 г. они составляли 120%, а в 1934 г. лишь 106% уровня 1913 г. [23]. Таким образом, сахарная компания закупала у крестьян сахарный тростник по монопольно низкой, а готовый сахар продавала по монопольно высокой цене.

Высокие цены на внутреннем рынке позволили компании осуществить демпинговый вывоз сахара в страны Ближнего Востока для завоевания новых рынков сбыта. Так, в 1934 г. цена сахара в Египте достигала 24 егип. ф. за тонну, а за границей сахар продавался компанией в 1934—1935 гг. по 7,2 егип. ф. за тонну [24]. За счет ограбления потребителей компания увеличила прибыли с 220 тыс. егип. ф. в 1927 г. до 584 тыс. в 1938—1939 гг. [25]. Таким образом, благодаря своему господству на внутреннем рынке, закрепленному в законодательном порядке, «Сосьете женераль...» получала монопольно высокую прибыль.

В 1932 г. крупнейшие поставщики хлопкового масла — английские компании «Иджипшн солт энд сода» и «Кафр аз-Зайят котн» — заключили соглашение с другими конкурирующими предприятиями о совместной продаже продукции по единой цене и об установлении фиксированных размеров производства. Образовавшийся картель немедленно

[21] Монополия была предоставлена правительством Сидки-паши, который был непосредственно заинтересован в прибылях компании, так как входил в ее Административный совет. См. отчет компании в «Revue d'Egypte...», 1945, № 679.

[22] Подсчитано по: El-Gritly, *The Structure...*, p. 561.

[23] Подсчитано по: «Annuaire statistique d'Egypte, 1934/35», pp. 474, 475; «Annuaire statistique d'Egypte, 1945/46», p. 693.

[24] Подсчитано по: M. H. Abbas, *Essai sur l'évolution du commerce extérieur égyptien*, Le Caire, 1946, p. 169; «Revue d'Egypte...», 1934, № 80.

[25] «Revue d'Egypte...», 1945, № 679.

повысил цену на хлопковое масло на 15%. Соглашение о совместной продаже и о единых ценах возобновлялось и в последующие годы (до 1936) [26].

В середине 30-х годов был создан синдикат владельцев молочных заводов. Первая акционерная компания молочных заводов была образована еще в 1924 г. итальянскими предпринимателями при участии египетских капиталистов. Однако уже через три года построенный в Каире завод по переработке молока вынужден был закрыться. В 1934 г. в Каире вновь был построен завод по переработке молока, а через два года уже насчитывалось более 10 молочных заводов. Их собственники образовали синдикат по совместной продаже молочных продуктов, который повел борьбу против не входивших в синдикат владельцев мелких предприятий и торговцев молоком. Синдикат требовал запрещения продажи их продукции под предлогом того, что они сбывают непастеризованное молоко. Образование синдиката позволило установить монопольно высокие цены и организованно грабить потребителя. Цены на молоко и некоторые молочные продукты в Египте были в два-три раза выше среднемировых и импортных. Исключительно высокий уровень цен при крайне невысокой покупательной способности населения крупных городов Египта был одной из причин низкого уровня среднедушевого потребления молока. Так, например, в Каире потребление молока в расчете на душу населения не превышало 0,05 *л* в день [27].

К концу 20-х годов возникли монополии и в табачной промышленности. К этому времени в Египте действовало несколько больших папиросных фабрик, принадлежавших англичанам, грекам, армянам и жителям Сирии и Ливана. В 1927 г. под контролем английского капитала и при участии армянских и греческих предпринимателей была создана крупнейшая табачная монополия «Истерн К°», которая приступила к скупке и поглощению всех местных фабрик по производству сигарет [28]. В 1937 г. эта холдинг-компания имела капитал в сумме 2 млн. егип. ф. и контролировала девять табачных компаний с общим капиталом в 6 млн. егип. ф. из 7,2 млн., вложенных к этому времени в табачную промышленность. Таким образом, к 1937 г. в табачной промышленности монопольное объединение, приближавшееся по своему типу к тресту, сосредоточивало около 83% всего капитала этой отрасли производства [29].

Быстро развивавшаяся в 30-х годах текстильная промышленность оказалась вскоре охвачена системой синдикатных соглашений. Этому способствовала исключительно высокая концентрация производства и капитала в прядильно-ткацком производстве. В 1934 г. компания «Филатюр насьональ», контролируемая англо-швейцарским капиталом, и прядильно-ткацкая компания банка «Миср» в Махалла-Кубре заключили соглашение об учреждении общей торговой конторы для продажи их продукции «с целью положить конец невыгодной конкуренции и удержать выгодные цены на пряжу». Через эту контору продавалось около 80% продукции обеих компаний [30].

[26] «Revue d'Egypte...», 1935, № 133, 134; 1936, № 204, 227.

[27] «Revue d'Egypte...», 1946, № 744; «Processes and problems of industrialisation in underdeveloped countries. United Nations», New York, 1955, p. 46. Высокие цены на молоко были серьезным препятствием на пути развития шоколадной промышленности и некоторых смежных производств.

[28] См.: Mulock, *Report on the economic and financial situation of Egypte for 1927*, London, 1927, p. 34.

[29] El-Gritly, *The Structure...*, p. 510; см. также отчеты компании «Истерн К°» в «Revue d'Egypte...» за 1945—1952 гг.

[30] «L'Egypte indépendante», Paris, 1938, p. 330

После образования новых акционерных обществ, построивших заводы в Кафр-ад-Даваре, из которых один принадлежал английской монополии «Брэдфорд Дайерс Ассошиэйшн», а другой контролировался банком «Миср», между ними было заключено аналогичное соглашение. В 1934 г. «Филатюр насьональ» образовала дочернюю компанию «Сосьете эжипсьен дез эндюстри текстиль», 50% акций которой оставила себе. Продукция этой компании также продавалась через общую синдикатную контору.

В ткацкой промышленности конкурировал ряд компаний, причем бо́льшую часть потребляемых тканей давали иностранные предприятия, экспортировавшие свои товары в Египет. Борьба за полную монополию на египетском текстильном рынке особенно обострилась в 30-е годы. Все большее участие в ней принимали местные предприятия, принадлежавшие как иностранному капиталу, так и банку «Миср». Общее повышение пошлин на текстильные товары в 1934—1938 гг. закрепило за этими компаниями местный рынок, повысило их конкурентоспособность, стимулировало рост производства и прибылей. Бо́льшая часть тканей продавалась через общую контору по сбыту или на основе соглашений о единых ценах, в дальнейшем санкционированных правительством [31]. В период войны крупнейшие ткацкие компании получали монопольно высокие прибыли, намного превышавшие их акционерный капитал. Установленные монополиями цены на пряжу и ткани, которые были значительно выше, чем в Англии и других странах, неизбежно ограничивали уровень потребления хлопчатобумажных изделий в Египте.

Концентрация производства в промышленности строительных материалов и стремление к получению монопольных прибылей привели к образованию синдикатов и в этой отрасли производства. В 1937 г. 15 крупных предприятий сосредоточивали 87% всех капиталов, вложенных в промышленность строительных материалов [32]. Уже в 1934 г. между двумя крупнейшими предприятиями по производству кирпичей было заключено «рабочее соглашение» о квотах и ценах. Весной 1939 г. четыре компании по производству штукатурки, мела и других строительных материалов заключили между собой соглашение о ценах. Эти акционерные общества практически держали в своих руках все производство; только одно из них, наиболее крупное, — «Платриэр дю Беллах» — давало 90% всей продукции гипса. Его прибыль достигала 30% на капитал [33].

Образование монополий в цементной промышленности относится к концу 20-х годов и было непосредственно связано с введением в 1931 г. запретительных пошлин на цемент, которыми воспользовались иностранные компании.

До 1927 г. в Египте был только один цементный завод, который не удовлетворял потребностей страны. Подавляющая часть цемента ввозилась из-за границы. В конце 20-х годов возникли две новые компании с датским, шведским и бельгийским капиталом. В 1930 г. они подписали картельное соглашение, установили квоты и учредили общую торговую контору по продаже цемента. В дальнейшем к картелю присоединилась другая крупная фирма, и таким образом он объединил все предприятия по производству цемента в Египте. В 1933 г. указанные три фирмы совместно приобрели контрольный пакет акций Ливанской цементной компании [34]. Запретительные пошлины на цемент, повышавшиеся в 1931, 1933, 1935 и 1938 гг., обеспечили «египетскому» картелю внутренний рынок. Производство цемента в 30-х годах несколько увеличилось, но поскольку картель стремился сохранить монопольно высокие цены, загрузка заводов не превышала 50% их мощности. Картелю удалось значительно поднять внутренние цены на цемент, которые были примерно вдвое выше импортных. К 1937 г., несмотря на улучшение технологии производства цемента, рост производительности труда, оборудование заводов современной техникой и непрерывное снижение издержек производства, цена цемента в Каире оставалась выше, чем в 1930 г. Установление монопольных цен на продукцию позволило фирмам, входившим в картель, получить высокие прибыли. Только в 1938/39 г. выплаченные дивиденды составили 10% на акцию у «Хелуан К⁰» и 18% на акцию у «Тура К⁰» (капиталы их соответственно достигали 363 тыс. и 565 тыс. егип. ф.). В деятельности цементного картеля принимал участие и концерн Миср. В административные советы иностранных цементных компаний входили председатель банка «Миср» Ахмед Мидхат Якун-паша, видный деятель банка и его промышленных компаний Салих Инан-паша и директор «Миср Конкрит К⁰» Азиз Элюи [35].

В нефтяной промышленности к 1939 г. монополию на добычу нефти сохраняла «Англо-Иджипшн ойлфилдс». Компания получала очень высокие прибыли, достигавшие в среднем около 30% на оплаченный капитал [36]. Во время второй мировой войны ее прибыли значительно увеличились и достигали в отдельные годы 200% на оплаченный капитал [37]. В 1939—1940 гг. в Египте начали разведку нефти несколько иностранных фирм (в основном дочерние предприятия крупнейших американских монополий). Так, «Сосьете дю петроль д'Эжипт» контролировалась «Стандард ойл К⁰ оф Нью-Джерси», а «Сосьете эжипсьен де петроль» принадлежала компании «Калифорния тексас К⁰».

Монополию на добычу марганца и фосфатов имели английские и итальянские фирмы, причем абсолютно преобладал английский капитал.

В 20-х годах началось образование монополий на транспорте. В 1923 г. четыре конкурирующие речные судоходные компании объединились и образовали новое акционерное общество, монополизировавшее судоходство по Нилу. Впоследствии вновь созданная компания морского судоходства банка «Миср» заключила «рабочее соглашение» с английской фирмой «Александриа нэвигейшн», а также с так называемыми Ливерпульскими конференциями — мощным объединением крупнейших английских морских компаний [38].

Даже страховые общества, действовавшие в Египте (как иностранные, так и смешанные), имели соглашение об общих ставках [39].

Наряду с монопольными объединениями, включавшими ряд компаний, в Египте было немало фактических монополий по концессионным условиям. Особенно широко они были распространены на городском транспорте и в коммунальном хозяйстве (газ, водопровод, электростанции). Получая концессию на строительство газового завода, проведение водопровода, прокладку трамвайной линии, иностранная компания ста-

[31] «Revue d'Egypte...», 1937, № 229.
[32] Подсчитано по: «Industrial and commercial census...», passim.
[33] El-Gritly, *The Structure...*, p. 509; «Revue d'Egypte...», 1936, № 204.
[34] «Revue d'Egypte...», 1930, № 124; 1937, № 230.
[35] См. «Revue d'Egypte...», 1929, № 28; 1946, № 713; а также «Who's who in Egypt and the Near East», Cairo, 1952.
[36] «Revue d'Egypte...», 1937, № 231.
[37] «Revue d'Egypte...», 1946, № 750.
[38] El-Gritly, *The Structure...*, pp. 515, 520.
[39] «L'Egypte contemporaine», 1936, janvier, p. 145.

новилась обычно монополистом в своей области и всеми силами препятствовала образованию конкурирующих предприятий. Своеобразная «законодательная» монополия (по концессионному праву) обеспечивала получение огромных прибылей. Так, водопроводная компания в Александрии за период 1924—1933 гг. только в качестве дивидендов выплачивала на акцию в среднем 14,8% в год. Резервы компании, образованные из части прибыли, в два с половиной раза превышали ее акционерный капитал. Английская электрическая компания «Электрик лайт энд пауэр К°» только в виде дивидендов за период 1923—1933 гг. выплачивала на акцию по 25% в год[40]. Валовая прибыль компании Каирского водопровода достигала в 30-е годы 80—100% к акционерному капиталу[41].

В 30-х годах образовалось несколько иностранных компаний, которые, не занимаясь сами производством, покупали акции многих предприятий, принимали участие в их финансировании и получали значительную часть прибылей. Среди таких своеобразных холдинг-компаний назовем прежде всего «Египетское финансовое и промышленное общество», которое скупило крупные пакеты акций не менее пяти различных промышленных предприятий; прибыль его в 1941 г. составила 70% к акционерному капиталу. Другая холдинг-компания «Англо-бельгийское общество» контролировала четыре транспортные компании[42].

Одной из характерных черт деятельности иностранных монополий в египетской промышленности уже на ранних стадиях ее развития была все более четко проявлявшаяся тенденция к осуществлению вертикального и горизонтального комбинирования различных производств и объединению финансовой и коммерческой структур различных компаний. Важнейшей причиной вертикального комбинирования различных предприятий было стремление к монополизации или во всяком случае к обеспечению себя источниками сырья, расходы на закупку которого достигали у некоторых предприятий 75—80% всей суммы издержек производства. Так, сахарная монополия владела обширными плантациями сахарного тростника в Верхнем Египте и, кроме того, заключила соглашение с компанией «Вади Ком-Омбо» о поставках сахарного тростника по более дешевой цене, взамен чего указанной компании отчислялась известная доля прибылей, полученных от продажи сахара по монопольно высоким ценам[43]. Другая компания, «Компани витиколь э виниколь д'Эжипт», специализировавшаяся на производстве вина, соков и различных напитков, скупила пустынные земли в провинции Бухайра и создала плантации цитрусовых и фруктовых деревьев на площади более чем 5 тыс. федданов. Работы, начавшиеся в 1936 г., приобрели широкий размах во время и после войны.

Компания по производству льняных тканей, созданная банком «Миср», через своих многочисленных агентов организовала снабжение крестьян-льноводов семенами и удобрениями, взамен чего они обязывались продавать урожай только ее представителям. Кроме того, она скупила ряд земельных участков, на которых были созданы плантации льна[44]. Другим примером вертикального комбинирования служили соглашения между текстильной компанией «Бейда Дайерс» и концерном

[40] «L'Egypte contemporaine», 1934, № 146—147, p. 467; см. также «Statistique des sociétés anonymes par action travaillant principalement en Egypte», Le Caire, 1936.
[41] См. отчет компании в «Revue d'Egypte...», 1946, № 710.
[42] «Revue d'Egypte...», 1946, № 703, 729.
[43] См. отчет компании «Вади Ком-Омбо» в «Revue d'Egypte...», 1931, № 12.
[44] El-Gritly, *The Structure...*, p. 500.

Миср о направлении тканей, выработанных на предприятиях этого концерна, для окончательной отделки на завод английской монополии, а также соглашения между различными текстильными компаниями об их снабжении хлопком через склады банков, занимавшихся его сбытом.

Одной из причин вертикального комбинирования было стремление сосредоточить на заводах одной компании или финансового объединения все стадии переработки сырья и изготовления различных изделий с целью увеличения прибылей и своеобразной «страховки» от убытков на какой-либо отдельной операции. Так, если до 1897 г. рафинированием сахара занималась одна компания, а дроблением и выжимкой сахарного тростника другая, то после их объединения на предприятиях сахарной монополии были сосредоточены все стадии переработки сырья и производства сахара.

В текстильной промышленности крупнейшие компании создали прядильные и ткацкие фабрики.

Отсутствие в стране достаточно развитой транспортной системы, энергетической базы и широкой сети предприятий по изготовлению запасных частей к машинам порождало у отдельных крупных монополий стремление к своеобразной «автаркии», т. е. обеспечению производства всех необходимых изделий на своих предприятиях. Так, при многих текстильных и транспортных компаниях были созданы небольшие предприятия по изготовлению запасных частей, литейные и ремонтные мастерские и др. Сахарная монополия построила узкоколейную железную дорогу от Нила до сахарных плантаций и заводов по переработке сахарного тростника, а также приобрела ряд пароходов для перевозки сырья по Нилу до рафинадного завода. Текстильные, табачные, транспортные и другие компании построили собственные электростанции. Цементная монополия построила небольшой завод для изготовления бумажных мешков; компании по производству конфет, напитков также владели мастерскими для изготовления тары[45]. В ряде случаев монополии организовывали выработку новых изделий для использования побочных продуктов производства или для дальнейшей переработки своей продукции. Так, при сахарной монополии были созданы предприятия по выработке спирта и некоторых видов химического сырья; цементные компании организовали производство бетонных труб и других изделий.

Наряду с вертикальным комбинированием широкое распространение получила практика горизонтального объединения предприятий. Узость рынка не позволяла в ряде случаев расширять производство отдельных товаров в значительных размерах и ограничивала рост предприятий, а следовательно, и прибыльное применение капиталов в данной отрасли промышленности. Это заставило монополистов устремиться в смежные отрасли или искать совершенно новые каналы для вложения капиталов. История транспортных компаний и коммунальных предприятий дает немало примеров горизонтального комбинирования, применявшегося в борьбе «за каждый истраченный пиастр потребителя». Так, французская монополия «Лебон», начавшая свою деятельность в Египте со строительства газовых заводов в Каире и других городах, в дальнейшем переключилась на сооружение электростанций и к 1936 г. сосредоточила в своих руках до одной трети всей выработки электроэнергии в Египте. Бельгийские капиталисты братья Ампэн владели трамвайными, автобусными компаниями, электростанциями, домами

[45] См. «Revue d'Egypte...», 1937, № 230; El-Gritly, *The Structure...*, p. 499.

и т. д.[46] Финансовое объединение столь разнородных предприятий часто не имело под собой никакой экономической основы, кроме стремления монополистов получить высокую прибыль и «застраховать» себя от убытков путем максимального расширения операций и охвата ими как можно большего числа самых различных компаний и предприятий.

Изучение процессов вертикального и горизонтального комбинирования в промышленности Египта показывает, что иностранный капитал создал здесь сложную систему взаимопереплетавшихся монополистических объединений. В ряде отраслей производства (нефтяная, сахарная) всю продукцию давала одна иностранная компания, которая в ряде случаев добивалась от правительства формальной гарантии своих монопольных прав. В других отраслях (цементная, хлопкопрессовальная, соляная, пивоваренная) образовались синдикаты и картели, в которые входило несколько иностранных компаний, в совокупности дававших также всю продукцию отдельных товаров. Эти компании боролись за производственные квоты, за долю в прибылях, но созданные на основе соглашений монопольные объединения действовали постоянно и не распадались на протяжении 30—40-х годов. Третья группа объединений носила временный характер (маслобойная, молочная, хлопкоочистительная промышленность), и предприятия этой группы хотя и контролировали рынок, но не могли уничтожить всех аутсайдеров. К четвертой группе можно отнести такие монопольные объединения, в которых была велика и притом все усиливалась роль крупного национального капитала в лице компаний концерна Миср. Примером такого объединения служил синдикат в прядильно-ткацкой промышленности. Однако помимо поотраслевых монополистических организаций выделился ряд финансовых группировок иностранных предпринимателей, включавших самые разнообразные компании и предприятия различных отраслей производства. Эти группировки обычно действовали в тесном контакте с иностранными банками, причем компании с франко-бельгийским капиталом («Лебон», «Ампэн» и др.) были близко связаны с «Банк де Пари э де Пэи-Ба» и «Банк Бельж э Энтернасьональ», а фирмы с английским капиталом — с «Нейшнл Бэнк оф Иджипт» и «Бэрклейз Бэнк». Кучка иностранных финансистов заседала в правлениях всех крупных акционерных промышленных обществ. В 1941 г. два десятка иностранных финансовых магнатов сосредоточили около 400 директорских постов[47] и по существу контролировали всю фабрично-заводскую промышленность Египта.

Над системой монополистических объединений — картелей и синдикатов, действовавших в отдельных отраслях промышленности, возвышалась созданная еще в начале 20-х годов Федерация египетской промышленности. Эта организация активно содействовала образованию монополий и концентрации капитала в масштабе всей страны. Она оказывала давление на правительство в интересах иностранного капитала и крупной египетской буржуазии. К концу 30-х годов Федерация насчитывала 430 членов; на предприятиях, которые входили в эту «сверхмонополию», было занято около 150 тыс. рабочих[48], т. е. почти весь египетский фабрично-заводской пролетариат. Федерация египетской промышленности объединяла сначала иностранных, а затем и

[46] «Revue d'Egypte...», 1936, 15, fevrier (специальный выпуск, посвященный промышленной выставке).

[47] Подсчитано по: El-Gritly, *The Structure...*, p. 411; см. также «The Stock exchange year-book of Egypt 1948/1949», Cairo, 1949, passim.

[48] См. отчет Федерации в «Revue d'Egypte...», 1936, № 190.

большинство крупных египетских капиталистов. Она содействовала организации монополистических объединений в отраслях, в которых господствовали различные группировки иностранного капитала, а также выступала в качестве своеобразного «посредника» между иностранными компаниями и предприятиями, принадлежавшими египетской буржуазии. Так, созданная в рамках Федерации палата предпринимателей хлопкоочистительной промышленности сыграла немалую роль в организации «пула» хлопкоочистительных заводов сначала в Верхнем, а затем и в Нижнем Египте.

Правительство Египта характеризовало Федерацию, как «пример единства, гармонии, терпимости и мирного прогресса» и как «международную организацию, в которой сотрудничают египтяне и европейцы»[49]. Действительно, в создании и деятельности Федерации воплощалось единство интересов иностранного капитала и верхушки крупной египетской буржуазии прежде всего в борьбе с рабочим движением, а также координация их политики в интересах получения монопольно высоких прибылей. Под нажимом Федерации египетское правительство в 30-х годах почти вдвое снизило железнодорожные тарифы, а для сахарной и текстильных монополий установило льготные тарифы. По требованию Федерации не были рассмотрены проекты в области социального законодательства. Так, по поводу законопроекта об ограничении рабочего дня представители Федерации нагло заявили, что это «насилие над свободой личности!»[50]. Руководители Федерации во многом определили направление правительственной политики в промышленности и в области социального законодательства. В отчете о деятельности Федерации в 1935/36 г. говорилось: «Наше сотрудничество с государственными органами стало более эффективным и прямым. Мы выражаем нашу искреннюю благодарность представителям государственной администрации за то благожелательное отношение, которое мы встречаем у них». В свою очередь министр финансов Абд аль-Вахаб открыто признавал наличие тесных связей между Федерацией и правительственным аппаратом: «Можно с удовлетворением констатировать, что... существует полная солидарность между правительством и вашей Федерацией. Теперь ваше объединение в той или иной форме представлено во всяком государственном учреждении, которое занимается вопросами промышленности или проблемами труда»[51]. По требованию Федерации египетское правительство установило запретительные пошлины на импорт цемента, сахара и других товаров, обеспечивая тем самым внутренний рынок для иностранных компаний, действовавших в Египте, способствуя образованию монопольных объединений в этих отраслях производства и установлению на некоторые товары монопольно высоких цен. В рамках Федерации был создан ряд палат предпринимателей по отдельным отраслям производства. В большинстве из них господствующие позиции занимали иностранные предприниматели, но по мере роста сил национальной буржуазии она также получала представительство в этих органах. Например, в 1934 г. была образована палата рисоочистительной промышленности, и ее вице-председателем стал крупный египетский купец и промышленник Мухаммед Хасан аш-Шами-бей. В 1937 г. была организована палата шелковой промышленности во главе с представителем концерна Миср Сайид

[49] Ibid.
[50] Ibid.
[51] Ibid.

442419
Национальная научная

аль-Лузи-беем. В 1935 г. при Федерации был создан специальный комитет, куда вошли видные представители крупной египетской буржуазии и крупнейшие деятели банка «Миср»: Исмаил Сидки-паша, Талаат Харб-паша, Хафиз Хасан-паша, Али Яхья-паша, Ахмед Аббуд-паша, Мустафа-бей ас-Садык, Фикри Абаза-бей, Сайид аль-Лузи-бей и Маджид-бей ар-Римали [52].

Эти факты отражали не только развитие самостоятельного национального предпринимательства, но и процесс внедрения египетского национального капитала в иностранные компании. Уже в 30-е годы и особенно во время и после второй мировой войны в наиболее прибыльные концессионные монополии, финансовые холдинг-компании и другие подобные им предприятия начали проникать крупная египетская буржуазия, а также помещики, переводившие часть своих капиталов в промышленность. Акционерами этих иностранных монополий и членами их административных советов стали такие видные представители крупной египетской буржуазии и помещиков, как Али Шамси-паша, Исмаил Сидки-паша, Ахмед Садык-паша, Тевфик Досс-паша, Али Махир-паша, виднейшие деятели концерна Миср: Хафиз Афифи-паша, Садык Вахба-паша, Абд аль-Максуд Ахмед-паша, Али Амин Яхья-паша, Абд аль-Хамид Бадави-паша и др. Таким образом, верхушка египетской буржуазии добилась доступа к империалистическому «пирогу» и захватила определенную долю той монопольной прибыли, которую ранее целиком присваивал иностранный финансовый капитал. При этом иностранные монополии стремились использовать капиталы египтян для расширения сферы своей деятельности и увеличения прибылей. Одновременно, привлекая средства египетской буржуазии и помещиков для укрепления финансовой базы своих предприятий, иностранный капитал препятствовал созданию новых национальных предприятий, которые могли бы стать конкурентами старых упрочившихся монополий. Наконец, уступая часть прибылей местным египетским акционерам, кучка иностранных финансистов, контролировавших подавляющее большинство монопольных компаний, сохраняла за собой основную часть доходов и посредством самых разнообразных махинаций всемерно ограничивала дивиденды «обычных», массовых акционеров.

Превращение египетских капиталистов и помещиков в акционеров иностранных монополий нередко приводило к весьма противоречивым результатам: одни из них использовали новые позиции для дальнейшей ожесточенной борьбы за полный контроль над этими предприятиями, другие удовлетворялись положением «младших партнеров» и стремились лишь к обогащению в «союзе» с иностранным капиталом и к сосредоточению в своих руках как можно большего числа директорских постов различных компаний. «Сотрудничая» с иностранным капиталом и участвуя в прибылях иностранных монополий, определенные слои крупной египетской буржуазии активно выступали за дальнейшее привлечение иностранного капитала и организацию смешанных компаний. Так, в 1940 г. председатель Федерации египетской промышленности Исмаил Сидки-паша выступил с программой широкого привлечения иностранных капиталов, за «сотрудничество» между иностранными и местными монополистическими группировками на базе полюбовного дележа прибылей и совместного грабежа египетского народа. Он писал: «Наибольшей трудностью в развитии египетской промышленности является недостаток необходимых капиталов и персонала. Я бы пренебрег своим долгом по отношению к своей стране, если бы не отметил необходимости получать помощь, в которой мы нуждаемся и которую нам предлагают без каких-либо побочных мотивов. Участие иностранного капитала, который берет на себя первый и наиболее тяжелый риск основания новых предприятий, могло бы побудить к этому также и наш национальный капитал, который все еще колеблется осуществлять вложения в промышленность, а техническое сотрудничество с иностранцами могло бы открыть новые возможности для использования местного труда, а не уменьшить их» [53]. Эта декларация делалась не только от имени старых агентов иностранного капитала, но и определенных слоев крупной египетской буржуазии, которые участвовали в деятельности концерна Миср и одновременно сближались с иностранным капиталом. Одним из каналов, по которым происходило это сближение и «сотрудничество», была Федерация египетской промышленности [54].

[52] «Revue d'Egypte...», 1935, № 159; 1936, № 209.

* * *

Образование монополий в большинстве отраслей промышленности привело к резкому увеличению прибылей предприятий — участников картельных и синдикатских соглашений. Промышленные монополии добивались увеличения прибылей прежде всего путем дальнейшего «раздвижения» закупочных цен на сырье и продажных цен на готовые изделия. Установление монопольно низких цен на сельскохозяйственное сырье и монопольно высоких цен на промышленные товары осуществлялось одновременно и в обоих случаях приводило к росту эксплуатации крестьянства и всей массы потребителей. Иногда закупочные цены на сельскохозяйственное сырье устанавливали непосредственно промышленные монополии, захватывая при этом бо́льшую часть прибыли, полученной не только в процессе производства, но и в сфере обращения. Для многих иностранных промышленных монополий в Египте вообще была свойственна тенденция к объединению в рамках картеля или синдиката всех операций по закупке сырья и сбыту готовой продукции через собственные торговые предприятия. Предпринимательская деятельность в области промышленности соединялась с торговыми и даже ростовщическими операциями в сфере сельскохозяйственного производства.

Особенно четко эта тенденция проявилась в деятельности сахарной монополии. Сахарная компания уже к началу 20-х годов выступала на египетском рынке сахарного тростника как монополист-скупщик. Все предприятия-конкуренты к этому времени разорились и прекратили производство, и десятки тысяч мелких крестьян, занимавшихся выращиванием сахарного тростника в районе Верхнего Египта, могли сбывать свою продукцию только агентам компании по той цене, которую она установила.

Используя свое монопольное положение, компания еще в начале XX в. уплачивала производителям сахарного тростника монопольно низкую цену, стремясь за их счет увеличить массу прибыли. Крестьяне, конечно, были не в силах сопротивляться могущественной монополии, но они отвечали на снижение закупочной цены сахарного тростника переходом на возделывание хлопка и других культур, уходом на заработки в район Дельты и т. д. Посевные площади сахарного тростника

[53] «Revue d'Egypte...», 1946, № 730; «L'Egypte contemporaine», 1940, fevrier, p. 230.
[54] Подробнее см.: Л. А. Фридман, *Концерн Миср в 1920—1939 гг.*

сократились с 75 тыс. федданов в конце XIX в. до 45 тыс. федданов в середине 20-х годов[55]. Такой, хотя и «пассивный», метод борьбы фелахов все же в какой-то степени ограничивал аппетиты монополистов. В 20-х годах соотношение между закупочной ценой сахарного тростника и продажной ценой сахара не изменилось по сравнению с уровнем 1913 г. Так, в 1929 г. закупочная цена тростника составляла около 116%, а продажная цена сахара — примерно 115% уровня 1913 г.[56]. Однако абсолютный уровень закупочной цены и в 1913 г., и в 1929 г. был крайне низким и ни в коей мере не соответствовал высоким расходам при выращивании этой трудоемкой культуры. В многочисленных жалобах крестьян — производителей сахарного тростника указывалось, что даже так называемая средняя закупочная цена в размере 3,75—4 пиастров за кантар не обеспечивала получения сколько-нибудь значительного чистого дохода и что необходимо было повысить ее минимум до 5—6 пиастров; последние цифры, по мнению специалистов, являлись экономически обоснованными[57]. Таким образом, крестьяне были вынуждены продавать свою продукцию по монопольно низкой цене, составлявшей лишь 60—75% экономически обоснованной. Но дело в том, что подавляющее большинство крестьян продавало сахарный тростник по еще более низкой цене, чем та «средняя», которая фигурировала в статистических справочниках. Так, 10—15 тыс. крестьян-арендаторов компании «Вади Ком-Омбо» в 1931 г., когда «официальная» закупочная цена составила около 4 пиастров за кантар, получали, согласно отчету компании, лишь 3 пиастра[58], т. е. вдвое меньше минимальной экономически обоснованной цены.

Взамен поставки сахарного тростника по монопольно низкой цене акционеры компании «Вади Ком-Омбо» получили по условиям специального соглашения право на определенную долю прибылей сахарной монополии. Таким образом, единственным, кто пострадал от этой сделки, оказались непосредственные производители. Не довольствуясь этим, сахарная компания сразу же после получения от правительства монопольных прав на производство и сбыт сахара осуществила дальнейшее снижение закупочных цен на тростник: в 1931 г. закупочные цены составляли 120% уровня 1913 г., в 1932 г.— 108,7%, а в 1933—1934 гг.— лишь 106,3%. За 10 лет (1923—1933) цена сахарного тростника упала на 33%, в то время как общий индекс сельскохозяйственных закупочных цен снизился лишь на 22,5%[59].

Представители сахарной монополии неоднократно выступали в египетской печати со статьями, в которых «объясняли» повышение продажной цены сахара высоким уровнем закупочных цен на сахарный тростник и утверждали, что эти якобы высокие закупочные цены способствуют сохранению в Египте культуры сахарного тростника и обеспечивают благосостояние десятков тысяч феллахов. Все эти насквозь лживые ламентации были призваны скрыть действительное положение вещей, беспощадную эксплуатацию производителей сырья путем установления монопольно низких цен на их продукцию. Именно поэтому доля расходов на сырье составляла лишь 53% всех производственных расходов сахарной монополии, в то время как в целом по промышленности она достигала 75—80%.

[55] «Revue d'Egypte...», 1929, № 114.
[56] «Annuaire statistique d'Egypte 1934/35», p. 488; 1929/30, pp. 368, 369.
[57] «Revue d'Egypte...», 1929, № 114.
[58] См. отчет компании «Вади Ком-Омбо» в «Revue d'Egypte...», 1931, № 12.
[59] Подсчитано по: «Annuaire statistique d'Egypte, 1934/35», p. 488.

Снижая цены на сахарный тростник, компания более чем вдвое повысила цену сахара. Так, в 1929/30 г. цена тонны сахара, по данным «Сосьете женераль», не превышала в отдельные месяцы 10 егип. ф., а в 1933/34 г. она повысилась в среднем до 23,6 егип. ф.[60]. Даже по официальным данным египетского статистического ежегодника, в 1931—1934 гг. оптовая цена сахара была на 50% выше, чем в 1913 г.[61]. Таким образом, доля крестьян — производителей сахарного тростника в цене сахара в 1931—1934 гг. была на 27% ниже, чем в 1913 г., а доля сахарной монополии за этот же период поднялась на 40%.

Сахарная монополия обложила народные массы Египта настоящей данью, заставляя переплачивать более чем вдвое за каждый кусок купленного сахара. По данным торговой статистики, в 1931—1938 гг. цена импортного сахара (до его обложения пошлиной) составила в среднем 6 егип. ф. за тонну[62]. С другой стороны, цена сахара, экспортировавшегося компанией на рынки стран Ближнего Востока, за этот же период составила в среднем 7,75 егип. ф. за тонну. Даже если считать, что это демпинговые цены, а экономически обоснованная цена составляла около 10 егип. ф. за тонну, окажется, что в период 1931—1938 гг. сахарная монополия получила за счет ограбления массы потребителей дополнительную сверхприбыль в размере около 10 млн. егип. ф. (без учета акциза, который отнимал у потребителей еще 3—5 егип. ф. на каждой тонне сахара)[63]. Эта гигантская сумма была почти равна акционерному капиталу всех промышленных компаний в 1929/30 г. Даже половины ее хватило бы для строительства нескольких крупных текстильных комбинатов, подобных тем, которые были созданы в Махалла-Кубре и Александрии.

Монопольно высокие цены на сахар, установленные «Сосьете женераль», привели в свою очередь к соответствующему повышению цен на продукцию кондитерской промышленности, фруктовые консервы и т. д. Цены на сахар, кондитерские изделия, многие виды консервов и другие товары, при изготовлении которых использовался сахар, были в Египте значительно выше, чем в Англии, Франции, США и других странах, несмотря на то что покупательная способность населения в Египте была во много раз ниже, чем в промышленно развитых империалистических государствах[64].

Контроль над всеми источниками сырья, там где он был осуществим, обеспечивал промышленной монополии серьезные преимущества и позволял устанавливать на готовую продукцию исключительно высокую цену, намного превышавшую все издержки производства. Однако и в тех отраслях промышленности, где захват источников сырья невозможен, например в цементной, создание синдиката крупнейших компаний немедленно привело к установлению монопольно высокой цены. В 1928 г. цена тонны цемента в Египте достигла 250 пиастров, во время кризиса она упала почти вдвое и в 1930 г. не превышала 140 пиастров. После введения запретительных пошлин на цемент, с одной стороны, и

[60] См. «Revue d'Egypte...», 1931, № 10; 1934, № 80.
[61] «Annuaire statistique d'Egypte, 1934/35», pp. 474, 475.
[62] Всего было ввезено 93 тыс. *т* сахара за 1144 тыс. егип. ф. и вывезено 188,7 тыс. *т* сахара на сумму 1457 тыс. егип. ф. Подсчитано по кн.: M. H. Abbas, *Essai sur l'évolution...*, p. 169.
[63] Общее потребление сахара в Египте в 1931—1938 гг. составило около 1120 тыс. *т*; цена тонны сахара 23 егип. ф., а с вычетом акцизных сборов — 18 егип. ф.
[64] Так, например, издержки производства (себестоимость 1 *кг*) шоколада в Египте в 1938 г. составляли 5,9 пиастра, а в других странах в среднем 3,75 пиастра. См. Г. М. Саид, *Иктисадийя Миср*, стр. 328.

объединения трех цементных компаний в Египте в синдикат, с другой,— цена цемента в 1933 г. вновь подскочила до 240 пиастров за тонну и была значительно выше импортной, не превышавшей в среднем 158 пиастров[65]. Это обстоятельство значительно удорожало стоимость строительных работ и тем самым препятствовало развитию промышленности. При этом более высокая цена египетского цемента по сравнению с ввозным определялась отнюдь не дороговизной сырья, не относительно более низкой производительностью труда и более высоким уровнем издержек производства в самом Египте, а исключительно политикой цементного синдиката. Об этом свидетельствуют данные, показывающие соотношение издержек производства и продажной цены цемента в промышленности Египта.

Как известно, В. И. Ленин в своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» приводит пример, показывающий политику цен синдикатов, образовавшихся в германской цементной промышленности накануне первой мировой войны. «В цементной промышленности,— писал Ленин,— сырой материал имеется всюду. Но и эта промышленность сильно картелирована в Германии. Заводы объединились в порайонные синдикаты: южногерманский, рейнсковестфальский и т. д. Цены установлены монопольные: 230—280 марок за вагон при себестоимости в 180 марок!»[66] Таким образом, соотношение цены и себестоимости продукции Ленин считал весьма важным показателем при характеристике монопольных цен.

В империалистической Германии монопольная цена в цементной промышленности составляла от 130 до 155% себестоимости. В полуколониальном Египте иностранные компании, создавшие синдикат в 20-х годах, установили монопольную цену, которая составляла 165% себестоимости продукции, даже без учета акцизной надбавки[67].

Иностранные компании, действовавшие в Египте еще более беззастенчиво и грубо, чем в метрополии, грабили потребителей с помощью монопольно высоких цен. При этом цементный синдикат не выделялся среди других монополистических объединений.

Монополии, орудовавшие в текстильной промышленности, устанавливали в ряде случаев относительно еще более высокие цены (табл. 1).

Таблица 1

Структура цены хлопчатобумажных тканей (в %)*

Виды тканей	Издержки производства		Вся прибыль
	на хлопок	другие	
Фуляр	37,3	19,2	43,5
Зефир	35,0	28,1	35,9
Поплин	29,2	30,6	40,2

*Составлено по: Г. М. Саид, *Иктисадийя Миср*, стр. 310.

[65] Г. М. Саид, *Иктисадийя Миср*, стр. 312 (цена импортного цемента подсчитана по кн.: M. H. Abbas, *Essai sur l'évolution...*, p. 193.

[66] В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, — Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 27, стр. 323.

[67] Подсчитано по: Г. М. Саид, *Иктисадийя Миср*, стр. 313. Структура цены тонны цемента складывалась из следующих элементов: издержки производства — 51, 9%, прибыль — 34,3%, акциз — 13,8%.

Защитники текстильных монополий неоднократно выступали в печати, а также в парламенте с заявлениями о том, что относительно более высокая цена длинноволокнистого хлопка, являющегося сырьем для египетской промышленности, по сравнению с коротковолокнистым, употребляемым на текстильных предприятиях в других странах, ставит египетскую хлопчатобумажную промышленность в крайне невыгодное положение и обусловливает более высокий уровень издержек производства и цен египетских тканей. Однако следует подчеркнуть, что более высокая цена многих сортов тканей, как это видно из таблицы, объясняется не только относительной дороговизной египетского хлопка, но и огромными прибылями текстильных монополий, получаемыми за счет значительного превышения продажной цены над себестоимостью продукции.

Еще более высокие цены на свою продукцию установили концессионные монополии, которые не испытывали конкуренции ни местных аутсайдеров, ни ввозимых из-за границы товаров. Филиалы крупнейших иностранных концернов, получившие различные концессии в сфере коммунальных услуг, обычно устанавливали в Египте более высокие тарифы на воду, газ, электричество и т. д., чем те, которые действовали в столицах крупнейших европейских государств. Таким образом, в Египте к монопольной цене, действовавшей в стране-метрополии, присоединялась дополнительная, так сказать, «колониальная надбавка», а вся масса потребителей коммунальных услуг подвергалась двойному ограблению. При этом, как правило, ставки за пользование водой, газом, электричеством не пересматривались в течение многих лет и даже десятилетий, несмотря на то что прогресс техники приводил к неуклонному снижению издержек производства и себестоимости. Так, по словам тогдашнего заместителя министра финансов Абд аль-Ваххаба, в 1931 г. цена кубометра воды в Каире не понизилась по сравнению с 1881 г., за газ потребители даже во время кризиса платили столько же, сколько в 1925 г., когда топливо было гораздо дороже[68].

В своем меморандуме о причинах дороговизны Абд аль-Ваххаб заявил о необходимости уменьшения ставок за пользование коммунальными услугами, но его требование натолкнулось на ожесточенное сопротивление иностранных монополий. Спешно созванное собрание акционеров компании Каирского водопровода категорически отказалось снизить тарифы[69]. Приглашенный правительством иностранный эксперт рекомендовал уменьшить плату за кубометр воды с 27 до 10 пиастров, однако после длительных переговоров с компанией был установлен новый тариф в 14 пиастров[70].

Приблизительные подсчеты показывают, что даже если считать, что монопольная сверхприбыль не превышала 20% тарифной ставки, то в 1920—1938 гг. водопроводные компании выкачали из карманов жителей Каира и Александрии только в виде колониальной сверхприбыли более 1,6 млн. егип. ф.[71]. Этой суммы было бы достаточно, чтобы построить новые водопроводы такой же мощности, как уже действовавшие.

Характерно, что на протяжении 30-х годов, как в период кризиса, так и по его окончании, общая сумма чистой прибыли водопроводных компаний неуклонно увеличивалась.

[68] «L'Egypte contemporaine», 1931, avril, p. 497.

[69] См. отчет компании в «Revue d'Egypte...», 1931, № 12.

[70] El-Gritly, *The structure...*, p. 523.

[71] Подсчитано по: «L'Egypte contemporaine», 1941, novembre, p. 682.

Чистая прибыль водопроводных компаний в 1929—1939 гг. (в тыс. егип. ф.)*

1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
414	439	446	457	460	461

1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
462	467	474	532	543

*Капитал обеих компаний составлял свыше 1 млн. егип. ф. (см. «L'Egypte contemporaine», 1941, novembre, p. 682).

Столь же бесцеремонно грабили население иностранные монополии, владевшие электростанциями. Так, концерн «Лебон», построивший электростанцию в Каире, выговорил себе по условиям концессии право устанавливать тарифную ставку за пользование электроэнергией в размере парижского тарифа с надбавкой в 33%; при этом себестоимость 1 *квт* электроэнергии в Каире была не выше, чем в Париже.

Во время кризиса 1929—1933 гг. муниципалитет Каира, уступая требованиям населения, обязал компанию снизить ставки с 25 до 19 мильем за 1 *квт*. Однако иностранная монополия, ссылаясь на свои концессионные права, отказалась выполнить это требование и опротестовала его в суде. Как и следовало ожидать, смешанный суд, в котором большинство судей было иностранцами, вынес решение в пользу компании, и в результате тариф был снижен лишь на 1,6 мильемы[72].

Подобно другим концессионным компаниям, английская нефтяная монополия «Англо-Иджипшн ойлфилдс» устанавливала цены на нефть и нефтепродукты на основе среднемировых (правда, в данном случае без «колониальной надбавки»), которые, как известно, всегда находились на исключительно высоком уровне. Египетский инженер М. Исмалун в 1940 г. на основе официальных данных произвел расчеты о соотношении издержек производства и цены нефти и нефтепродуктов, реализуемых компанией. Оказалось, что в 1939 г. валовая выручка компании достигла 2,7 млн. егип. ф., а все издержки на добычу и переработку нефти, а также амортизационные отчисления составили 1,1 млн. егип. ф. Таким образом, средняя цена нефти и продуктов ее переработки составляла около 241% себестоимости продукции[73].

Уже в конце 30-х годов бо́льшая часть двигателей на электростанциях и в промышленности работала на нефти и мазуте. Монопольно высокая цена на нефть и нефтепродукты являлась формой взимания дополнительной «дани» со всей промышленности Египта, а также других потребителей электроэнергии в пользу английского монополистического капитала. Расходы на топливо и электроэнергию составляли важную статью издержек производства египетской промышленности (в 1944 г.— 5,6%), и монопольно-высокие цены на нефтепродукты служили одним из тормозов, поставленных иностранным капиталом на пути развития промышленности в Египте. В конечном счете высокие цены на топливо, будучи составной частью себестоимости всей промышленной продукции, удорожали ее и тем самым били по карману потребителя.

[72] См. «Revue d'Egypte...», 1936, № 186.
[73] Подсчитано по: «L'Egypte contemporaine», 1941, janvier, pp. 87—89.

Немалый интерес представляет изучение политики цен, проводившейся иностранными, преимущественно англо-французскими, монополиями, полностью захватившими контроль над хлопкопрессовальной и отчасти над хлопкоочистительной промышленностью. Эти отрасли производства занимали промежуточное положение в египетской промышленности, ибо осуществляли лишь первичную обработку сельскохозяйственного сырья, не выпускали готовых изделий и не были связаны с добычей промышленного сырья или топлива. Хлопок потреблялся на предприятиях английских, французских, германских текстильных монополий, заинтересованных в приобретении сырья по монопольно низкой цене.

Уровень среднемировых цен на хлопок устанавливался под определяющим воздействием условий его производства и сбыта в США. Поэтому хлопкопрессовальные и хлопкоочистительные монополии в Египте не могли произвольно повышать биржевую цену обработанного египетского хлопка, уровень которой от них не зависел. Но они действовали в другом направлении и устанавливали монопольно высокие цены за обработку, остававшиеся стабильными на протяжении длительного времени независимо от циклического колебания биржевых котировок. Разумеется, это положение справедливо лишь для периода мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и последовавшей за ним депрессии 30-х годов, когда на рынке хлопка длительное время господствовала тенденция к понижению цен. В годы первой мировой войны и после ее окончания ставки за обработку хлопка были повышены примерно вдвое, а затем долгое время (вплоть до 1931—1934 гг.) сохранялись на этом уровне. В условиях длительного периода падения цен на хлопок это приводило к дальнейшему уменьшению заготовительных цен, а следовательно, к абсолютному и относительному снижению доходов непосредственных производителей.

Наиболее прочной и полной была монополия у хлопкопрессовальных компаний, которые создали организацию типа картеля. В 1926 г. это монополистическое объединение установило минимальную ставку за прессовку хлопка в размере 7,5 пиастра за кантар. Опубликованные в последующие годы данные показывают, однако, что фактически плата за прессовку и хранение хлопка была у всех компаний гораздо выше этой минимальной ставки (табл. 2).

Таблица 2

Структура расходов по прессованию и хранению одного кантара хлопка в 1927/28 г. (в пиастрах)*

Компания	Цена прессовки	В том числе		Цена в % к издержкам производства
		издержки производства	прибыль	
«Сосьете женераль де прессаж»	9,36	5,24	4,12	179
«Сосьете аноним де пресс либр»	8,85	6,28	2,57	141
«Сосьете аноним де неттуайяж»	8,10	5,32	2,78	152
«Александрия прессинг»	8,83	4,10	4,73	215
Средневзвешенные цифры	9,04	5,27	3,77	172

* Составлено по данным «Revue d'Egypte...», 1929, № 78.

Из таблицы явствует, что в среднем по отрасли цена прессовки и упаковки хлопка в 1927/28 г. достигала 9,04 пиастра за кантар и была на 20% выше минимальной ставки, установленной картелем. Соотношение цены и издержек производства было в общем примерно таким же, как в цементной или текстильной промышленности (172 : 100). В последующие годы плата за прессовку несколько понизилась, но оставалась по-прежнему значительно выше минимальной, зарегистрированной соглашением 1926 г. При этом структура цены изменилась таким образом, что удельный вес издержек производства уменьшился, а прибыли увеличились. Так, уже в следующем, 1928/29 сельскохозяйственном году цена прессовки и упаковки хлопка составляла по отношению к издержкам производства каждой из четырех компаний соответственно 187, 146, 153 и 245% [74].

Установление единой минимальной ставки и образование картеля в хлопкопрессовальной промышленности не означало полного прекращения конкуренции. Правда, после 1926 г. в Египте не было создано новых прессовальных компаний, и борьба с аутсайдерами в этой отрасли производства была исключена. Но тем беспощаднее действовал закон конкуренции внутри монополии. Каждый из участников картеля стремился максимально уменьшить издержки производства и увеличить долю прибыли в цене прессовки хлопка. Условия и история создания и роста четырех компаний определили крайнюю неравномерность их развития. В наилучшем положении оказалась образованная в 1925 г. английскими и египетскими финансистами и экспортерами хлопка компания «Александрия прессинг», которая установила наиболее совершенные прессы, снизила издержки производства и добилась наилучшего соотношения между ценой и прибылью. Компания «Сосьете женераль», получив огромные прибыли в период первой мировой войны и в послевоенные годы, частично заменила старое оборудование новым. Это отразилось на финансовых результатах ее деятельности. В худшем положении оказалось акционерное общество «Сосьете аноним де пресс либр». Оно в основном сохранило оборудование, которое к этому времени морально устарело. Поэтому на заводах указанного общества были самые высокие издержки производства.

Борьба за бо́льшую долю в переработке хлопкового урожая на основе максимального снижения расходов и повышения массы и нормы прибыли составляет основу всей истории картеля. Она свидетельствует о том, что образование монополии не может прекратить конкурентную борьбу, но придает ей новый и нередко еще более острый и разрушительный характер.

Картель хлопкопрессовальных компаний по приблизительным подсчетам в 1919—1939 гг. выкачал из карманов хлопкоробов около 4 млн. егип. ф. прибыли, т. е. сумму, которая почти в шесть раз превысила оплаченный акционерный капитал всех входивших в этот картель компаний.

В отношении хлопкоочистительной промышленности нет сводных данных. Однако опубликованные французским дельцом Шарлем Ру цифры показывают, что накануне первой мировой войны ставка за очистку хлопка составляла в среднем 7,5 пиастра с каждого кантара, а издержки производства 5,15—5,5 пиастра. Таким образом, в этой отрасли производства цена составляла около 135—145% к общим издержкам, а в дальнейшем, в 30-х годах эта цифра несколько уменьшилась ввиду

[74] Подсчитано по: «Revue d'Egypte...», 1930, № 120.

отсутствия прочных монополистических объединений, подобных хлопкопрессовальному картелю.

Изучение материалов о политике иностранных промышленных монополий в области цен показывает, что основным методом получения монопольной прибыли было установление цены готовой продукции на уровне, значительно превышавшем (обычно на 50—70%) все издержки производства. Монополии, образованные в отраслях промышленности, связанных с переработкой сельскохозяйственных продуктов, использовали свою финансово-экономическую мощь и безраздельное господство над мелкими раздробленными товаропроизводителями в сельском хозяйстве для максимального снижения цен на сырье. Таким образом, источником основной массы монопольных сверхприбылей иностранного промышленного капитала в Египте была эксплуатация крестьянства, рабочего класса и всех трудящихся не только в процессе производства, но и в сфере обмена и распределения.

Ниже приводятся данные, основанные на официальных отчетах компаний о норме чистой прибыли основных иностранных промышленных монополий (в % к акционерному капиталу) [75]:

Монополии	1920—1929 гг.	1930—1934 г г
а) хлопкопрессовальные		
„Сосьете женераль де прессаж" . . .	55,7	4 ,7
„Сосьете аноним де пресс либр" . . .	40	24
„Сосьете аноним де неттуайяж" . . .	50 (1923—1929)	19
„Александрия прессинг"	18 (1926—1929)	17,6
б) соляная		
„Порт-Саид солт Ассошиэйшн" . . .	226	94
в) водопроводные		
„Сосьете аноним дез о дю Каир" . .	110	125
„Александрия уотер"	13	14
г) электростанция		
„Электрик лайт энд пауэр"	21	25
д) маслобойная, хлопкоочистительная, мыловаренная		
„Кафр аз-Зайят котн"	64	48
„Иджипшн солт энд сода"	12,2	10

Приведенные данные иллюстрируют не только весьма высокий уровень прибылей, но и большие различия между доходами монополий в отдельных отраслях производства. Следует подчеркнуть, что в целом чистая прибыль или выплаченный монополией дивиденд гораздо больше, чем средний размер дивиденда в немонополизированном секторе. Абсолютная величина дивиденда не может служить сама по себе признаком получения данной компанией монопольно высокой прибыли. Как известно, в империалистических странах дивиденды акционеров (или даже чистая прибыль) монополий, контролирующих различные отрасли тяжелой и легкой промышленности, колеблются от 10—12 до 40—50% на акцию. Но во всех случаях норма прибыли у монополий выше средней нормы прибыли во всей промышленности, а также нормы прибыли в немонополизированном секторе.

Расчеты, сделанные на основе сопоставления чистой прибыли или

[75] Подсчитано по: «Statistique des sociétés anonymes... 1934», Le Cairo, 1936, pp. 151—201.

дивиденда с величиной оплаченного акционерного капитала данной компании, достаточно показательны и сами по себе. Однако они, как правило, занижены, поскольку во многих монопольных компаниях капитал с самого начала оказывался «разводненным». Поэтому целесообразно привести данные об отношении массы прибыли к издержкам производства товаров в различных монополизированных отраслях промышленности. Приводившиеся ранее цифры показывают, что у цементных монополий прибыль составляет 65% к сумме издержек производства, в хлопкоткацкой промышленности — 58—76%, в нефтяной — 141, в хлопкопрессовальной — 72% и т. д. Несмотря на известные ежегодные колебания, приведенные цифры в целом отражают исключительно высокий уровень монопольных прибылей, получавшихся фактически на постоянной основе. Однако прибыли некоторых монополистических организаций, которые существовали в течение ограниченного времени, сильно колебались. Обычно они резко возрастали сразу же после образования монополии в связи с установлением монопольно высоких цен, а затем могли уменьшиться или оставаться стабильными. Так, например, прибыли цементной монополии в 1931—1935 гг. выросли в шесть раз, хотя производство цемента увеличилось не более чем на 31%. Источником стремительного роста доходов монополии служило повышение цены цемента. Прибыль монополии «Кафр аз-Зайят котн» после заключения в 1932 г. соглашения о создании картеля предприятий, производивших хлопковое масло, увеличилась за два года почти втрое, хотя производство масла вообще не увеличилось. Доходы другого участника этого картеля — компании «Иджипшн солт энд сода» — за это же время выросли более чем вдвое. Английская нефтяная монополия «Англо-Иджипшн ойлфилдс» в 1931—1935 гг. сократила добычу нефти с 280 тыс. до 173 тыс. *т* и одновременно увеличила свою чистую прибыль с 320 тыс. до 330 тыс. егип. ф.[76]. В этом случае монополия пошла на временное сокращение производства в целях сохранения высокого уровня цен и прибылей.

Изучение вопроса о прибылях иностранных промышленных монополий свидетельствует о том, что было бы неверно ограничиться приведением и сравнением «средних» цифр, какими бы показательными они ни были. Дело в том, что и дивиденды, и чистая прибыль весьма приблизительно характеризуют лишь общий уровень доходов многочисленных акционеров монопольных компаний. Они не показывают размеров прибылей кучки финансовых магнатов, захватывавших львиную долю всей прибыли и получавших на свой капитал во много раз больше денег, чем средний, массовый акционер. Мы постараемся в дальнейшем показать некоторые основные методы увеличения прибылей, которые применяли в Египте иностранные финансисты, контролировавшие промышленные монополии.

Важным источником обогащения иностранных монополистов служила та часть прибыли, которая оставалась после выплаты дивиденда по обычным акциям. Разрыв между размерами дивиденда, чистой и валовой прибыли достигал очень больших размеров у всех монополий.

Крупнейшая хлопкопрессовальная компания «Сосьете женераль де прессаж» обычно выплачивала в виде дивиденда менее половины валовой прибыли. Распределение ее прибылей в 1928—1935 гг. характеризуется следующими данными (в тыс. егип. ф.)[77]:

[76] См. «Revue d'Egypte...», 1935, № 133, 134; 1937, № 230, 231.
[77] «Revue d'Egypte...», 1936, № 228.

Виды прибыли	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
Валовая	466	446	420	422	352	459	376	366
Чистая	238	212	205	201	182	250	195	179
Дивиденд	200	190	170	160	160	175	145	135

Английская нефтяная компания «Англо-Иджипшн ойлфилдс» также выплачивала в виде дивиденда не более трети суммы валовой прибыли. Кроме того, около 40% чистой прибыли оставалось нераспределенной среди акционеров и различными методами присваивалось воротилами компании. Распределение прибыли «Англо-Иджипшн ойлфилдс» в 1931—1935 гг. характеризуется следующими данными (в тыс. егип. ф.)[78].

Виды прибыли	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
Валовая	548	561	583	576	567
Нераспределенная	134	142	127	117	143
Дивиденд	186	186	186	186	186

Подобная практика была типичной и для всех остальных монополий, которые выдавали «рядовым» акционерам лишь часть полученной прибыли, используя оставшиеся в распоряжении заправил компаний сотни тысяч египетских фунтов для самых различных махинаций с целью обогащения кучки директоров, учредителей, членов административных советов и т. д.

Особенно широко применялся метод всемерного увеличения различных резервов, страховых фондов и т. п., которые в дальнейшем попадали в руки крупнейших акционеров и особенно группы «основателей» компании путем выдачи им совершенно бесплатно новых акций. Так, например, оплаченный капитал компании «Филатюр насьональ» в 1917 г. был равен 49 тыс. егип. ф. Часть валовой прибыли в 1918 г. была обращена в резерв, а затем капитализирована. Номинальный капитал компании был увеличен до 149 тыс. егип. ф., и все 25 тыс. новых акций на сумму 100 тыс. егип. ф. были бесплатно розданы старым акционерам[79], причем на каждую старую акцию были выданы две новые. Компания «Кафр аз-Зайят котн» в 1917—1920 гг. увеличила свой номинальный капитал в четыре раза — с 80 тыс. до 320 тыс. егип. ф. Акционеры этой компании в дополнение к каждой имевшейся у них старой акции получили бесплатно три новые[80].

Хлопкопрессовальная монополия «Сосьете женераль де прессаж» в феврале 1923 г. таким же методом увеличила свой капитал вдвое — с 200 тыс. до 400 тыс. егип. ф.[81]. В 1937 г. «Александрия прессинг» выдала бесплатно своим акционерам дополнительно одну новую акцию на каждые две старые, причем новые акции не облагались никакими налогом.

Бесплатная выдача новых акций означала, что прибыль владельцев старых акций соответственно увеличивалась и в то же время норма дивиденда оставалась «умеренной» и не вызывала критики общественности, выступавшей против монополий и требовавшей снижения монопольно высоких цен. Так, дивиденд, выплачивавшийся компанией «Кафр аз-Зайят котн» в 20—30-х годах, обычно колебался в пределах 12—

[78] «Revue d'Egypte...», 1937, № 231.
[79] «Statistique des sociétés anonymes... 1934», p. 192.
[80] Ibid., p. 160; «Revue d'Egypte...», 1935, № 134.
[81] «Revue d'Egypte...», 1929, № 78.

16%. Фактически старые акционеры, которым выдали дополнительно по три акции на каждую старую, получали на вложенный ими капитал вчетверо больше, т. е. действительная норма дивиденда достигала 48—64%. Точно так же формально дивиденд на акции хлопкопрессовальной монополии «Сосьете женераль де прессаж» в 20—30-х годах составлял в среднем 40—50%, а фактически акционеры получали ежегодно на вложенный капитал 90—100% прибыли.

Капитализация резервов и других запасных фондов открывала самые широкие возможности для обогащения кучки директоров компаний и их приближенных. Решение об этом принималось заранее и было известно лишь узкой группе финансистов, возглавлявшей данную монополию. Они заблаговременно скупали старые акции по обычной цене и даже платили небольшой куртаж, а после официального утверждения предложения административного совета об увеличении капитала за счет резервного фонда продавали излишек имеющихся у них акций вдвое дороже. Такая «простая» операция приносила ее инициаторам десятки тысяч египетских фунтов прибыли.

Другим методом быстрого обогащения финансовых воротил стали махинации с так называемыми учредительскими акциями. Обычно при организации новой компании, особенно в сфере коммунальных услуг, на транспорте, а также в обрабатывающей промышленности, группа основателей получала бесплатно несколько тысяч «учредительских акций», цена которых даже не фигурировала в балансах компании. В уставах некоторых акционерных обществ предусматривалось, что после выплаты небольшого дивиденда значительная часть оставшейся прибыли должна выдаваться владельцам «учредительских акций». Так, по уставу компании Каирского трамвая 60 тыс. акций учредителей, полученных основателями общества бесплатно, имели право на получение 50% всей прибыли[82]. Статут компании «Вади Ком-Омбо» предусматривал, что 75 тыс. «учредительских акций», цена которых не превышала одной шестой всего оплаченного капитала общества, должны были получать 45% всей прибыли[83]. Это означало, что кучка основателей, не довольствуясь однократным получением учредительской прибыли при первоначальной продаже акций, добивалась узаконения своих «прав» на присвоение этой прибыли из года в год.

Другие компании не имели в своих уставах каких-либо специальных указаний по поводу выплаты фиксированной части прибыли владельцам «учредительских акций», но это позволяло контролирующей группе монополистов еще беззастенчивее присваивать бо́льшую часть полученных доходов. По обычным акциям выплачивался очень «умеренный» дивиденд, а по учредительским и другим видам акций — в несколько раз больший.

Уровень дивиденда по различным видам акций, выплачивавшегося в пиастрах компанией Каирского водопровода, можно видеть из следующих данных[84]:

Группы акций	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Обычные	19,5	19,5	19,5	19,5	19,5	19,5	19,5
Привилегированные . .	30	34	79	42	46	54	60
Учредительские	236	262	231	258	318	340	402

[82] «L'Economiste Egyptien», 24.X.1954.
[83] «L'Economiste Egyptien», 29.VI.1954.
[84] «Statistique des sociétés anonymes... 1934», p. 157.

Группы акций	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Обычные	19,5	19,5	19,5	19,5	19,5	19,5	19,5
Привилегированные . .	62	68	74	80	80	80	80
Учредительские	441	464	501	554	600	600	600

Таким образом, основатели этой монополии, имевшие 3360 «учредительских акций», получали на них ежегодно в 12—30 раз больше дохода, чем обычные акционеры, и в 2—4 раза больше, чем держатели акций пользователей. При этом владельцы обычных акций и акций пользователей купили свои ценные бумаги, а группа учредителей получила их даром.

Доходы концессионных монополий были относительно стабильными и в общем имели тенденцию к росту, так что учредители с каждым годом получали все больше прибыли и не были заинтересованы в продаже своих ценных бумаг. Иное положение сложилось у других компаний. Так, сахарная монополия «Сосьете женераль де сюкрери» в 1919—1924 гг. выплачивала по «учредительским акциям» от 133 до 373 пиастров, а затем несколько лет вообще не платила по этим купонам[85]. Директора компании и близкие к ним лица, осведомленные о ее будущей финансовой политике, сначала скупили «учредительские акции», а затем реализовали их по выгодной цене как раз накануне прекращения выплат по этим бумагам. Подобные спекулятивные махинации неоднократно практиковались и в последующие годы.

Прибыли, полученные держателями «учредительских акций», достигали в ряде случаев огромных размеров. Так, в 1911 г., по данным статистики акционерных компаний, по «учредительским акциям», за которые было внесено основателями обществ не более 142 тыс. егип. ф. (подавляющее большинство получало их бесплатно), оказалось выплачено около 461 тыс. егип. ф.[86] Основатели компании «Вади Ком-Омбо» в 1920—1933 гг. получили по своим акциям, за которые ими не было уплачено ни одного пиастра, около 160 тыс. егип. ф.; учредители общества Каирского водопровода с 1920 по 1940 г. присвоили более 335 тыс. егип. ф. Но все рекорды «узаконенного» грабежа побили основатели сахарной монополии. С 1919 по 1924 г. они выкачали из этой компании около 580 тыс. егип. ф., выплаченных по «учредительским акциям», цена которых даже не фигурировала в балансах общества[87].

При этом следует учитывать, что обычно учредителями промышленных компаний были небольшие группы дельцов, не более пяти — десяти человек. Именно эти «гении спекуляции», прославленные в буржуазной литературе как «смелые пионеры», «создатели» крупной египетской промышленности, постоянно захватывали львиную долю прибылей промышленных монополий. Они же, действуя часто совместно с крупнейшими иностранными банками, получали учредительскую прибыль в собственном смысле этого слова, т. е. разницу между продажной и номинальной ценой акций, выброшенных на рынок. Так, эмиссионная премия в 124 тыс. егип. ф., полученная при продаже акций компании Александрийского водопровода, осталась в распоряжении директоров этого общества, управлявших резервными фондами. Учредительскую прибыль в размере 10 млн. франков плюс 35 550 ф. ст. получил французский банк «Сосьете женераль» и кучка основателей сахарной моно-

[85] «Statistique des sociétés anonymes... 1934», p. 168.
[86] «Annuaire Statistique d'Egypte, 1914», p. 529, passim.
[87] Подсчитано по: «Statistique des sociétés anonymes... 1934», pp. 56, 158, 168; «Revue d'Egypte...», 1949, № 879. См. отчет компании Каирского водопровода.

полии. Учредители компании «Иджипшн солт энд сода» положили в карман 44 тыс. егип. ф.[88].

Нередко группа учредителей сохраняла за собой все или почти все акции компании, с тем чтобы впоследствии их продать и получить значительно больше номинальной цены. Будучи осведомлены заранее о величине будущих дивидендов, учредители монополистических объединений постоянно продавали и покупали акции, играя и на повышение и на понижение курса, и в обоих случаях получали спекулятивную прибыль.

Крупнейшие иностранные финансисты, орудовавшие в египетской промышленности, стремились получить максимальную учредительскую прибыль в кратчайший срок, а затем освободить первоначально вложенный капитал для создания новых компаний в других отраслях производства[89]. Изъятие учредителями всего или части первоначально вложенного капитала не означало, что они теряли контроль над компанией. Как правило, основатели акционерных обществ даже после продажи своих обычных или привилегированных акций оставались директорами предприятий и сохраняли у себя «учредительские акции» как наиболее прибыльные. Важным источником их доходов в дальнейшем оставалось «директорское жалованье», различного рода тантьемы и т. п. В статутах некоторых монополий предусматривалась выплата фиксированной доли прибыли членам административного совета. Так, по уставу монополии, объединявшей пивоваренные заводы, после распределения 6% дивиденда около 15% оставшейся суммы поступало в виде «жалованья» членам административного совета[90].

В большинстве других компаний доходы директоров и членов административных советов были еще выше, и они часто получали до 10—15% всей суммы распределенной прибыли. Например, текстильные монополии выделяли в виде «заработной платы» директорам от 8 до 14% распределенных прибылей, а некоторые компании, созданные в пищевой промышленности и других отраслях производства, выплачивали административному совету в отдельные годы до 15—20% всей распределенной прибыли[91]. Получая до 3 тыс. егип. ф. в год в каждой компании и сосредоточивая в своих руках по 10—15 и более директорских постов, крупнейшие финансисты, имена которых фигурировали в проспектах десятков акционерных обществ, имели ежегодный доход в размере десятков тысяч египетских фунтов, не считая прибылей от акций и облигаций. Известен случай, когда один из таких дельцов получил в течение года от разных компаний «жалованье» в размере 132 тыс. егип. ф.[92]. Эта огромная сумма была равна капиталу средней акционерной компании или годовому доходу более 11 тыс. крестьянских семей (до второй мировой войны).

Многочисленные факты из истории деятельности в Египте иностранных финансистов, захвативших контроль над крупнейшими монополиями в основных отраслях производства, показывают, что они менее всего заботились о развитии промышленности, об интересах потребителей или даже рядовых акционеров. Единственным побудительным мотивом

[88] Подсчитано по: «Statistique des sociétés anonymes... 1934», pp. 152, 168, 181, passim.

[89] См. El-Gritly, *The Structure...*, p. 375.

[90] «L'Economiste Egyptien», 7.III.1954.

[91] El-Gritly, *The Structure...*, p. 412; «Revue d'Egypte...», 1936, № 226. См. также отчеты компаний за 1945—1952 гг.

[92] Г. М. Саид, *Иктисадийя Миср*, стр. 260.

их разносторонней деятельности была жажда прибылей, стремление к быстрейшему обогащению любой ценой и любыми методами. С момента создания новой компании или монополистического объединения в какой-либо отрасли производства они высасывали из нее все, что было возможно, занимались всевозможными спекуляциями, постоянно нарушали законодательство об акционерных обществах, грабили потребителей, акционеров, конкурентов, стараясь урвать как можно больше прибыли в кратчайшие сроки. Присвоение учредительной прибыли, выплата самим себе «на законном основании» огромных средств из доходов компании в виде дивидендов по «учредительским акциям», регулярное получение директорского «жалованья» в размере тысячи и десятков тысяч египетских фунтов, спекуляция акциями и «разводнение» капитала компаний, махинации с балансами — словом, все виды «узаконенных» мошенничеств, изобретенных «гениями спекуляции» в империалистических странах, применялись в полуколониальном Египте в наихудших, наиболее отвратительных и обнаженных формах.

В период между двумя мировыми войнами основные отрасли египетской промышленности оказались опутаны сложной системой монополистических объединений, в которых господствующие позиции занимал иностранный капитал. В свою очередь эти монополии оказались под властью двух — трех десятков богатейших финансистов, которые благодаря сосредоточению директорских постов, «взаимному переплетению интересов», личной унии и т. д. захватили контроль над всеми крупными компаниями. Роль рядовых акционеров оказалась сведена к нулю, и они превратились в простых статистов, выполнявших все требования всемогущих директоров. Египетский финансовый еженедельник, являвшийся рупором иностранных интересов, меланхолически констатировал этот непреложный факт: «Общее собрание акционеров стало слишком часто, увы, простой фикцией, рутинным делом, в результате пассивности и апатии акционеров, а также диктаторского положения многих административных советов»[93].

Финансовый капитал Англии, Франции и Италии, опутавший сетями зависимости и подчинивший себе основные отрасли египетской промышленности, создал здесь систему контроля и беспощадной эксплуатации по своему образу и подобию, придав ей уродливые колониальные черты. Тенденция к застою и загниванию, паразитизм, вообще свойственные монополиям, особенно резко проявлялись в деятельности иностранного финансового капитала в полуколониальном Египте. Политика иностранных монополий в Египте способствовала в первую очередь максимальной централизации торговых и финансовых операций промышленных предприятий, часто в ущерб их производственной деятельности. В ряде отраслей производства (сахарная, цементная, маслобойная промышленность) монополии прямо тормозили рост выпуска продукции с целью сохранения высоких цен, в результате чего недогрузка производственных мощностей стала повсеместным явлением. Ее действительные размеры обнаружились во время второй мировой войны, когда на тех же предприятиях без ввода в действие нового оборудования выпуск некоторых видов продукции был увеличен в полтора — два раза. Но монополии тормозили экономическое развитие Египта и в другом отношении — присваивая в виде составной части монопольной прибыли определенную долю не только прибавочного, но и необходимого продукта, созданного крестьянами. Грабя феллахов дваж-

[93] «Revue d'Egypte...», 1952, № 90.

ды — при закупке сырья по монопольно низкой цене и при продаже своих товаров по монопольно высоким ценам,— они препятствовали расширению и даже возмещению орудий производства в сельском хозяйстве, а следовательно, сковывали его производительные силы. В то же время присвоение части прибыли предприятий немонополизированного сектора сужало размеры накопления в мелкой и средней промышленности и тем самым препятствовало развитию национального промышленного капитала.

Иностранные монополии всеми мерами мешали созданию национальной технической интеллигенции, они проводили политику дискриминации в отношении египетских инженеров, техников и квалифицированных рабочих, предпочитая использовать иностранный персонал. Подобная практика являлась серьезным препятствием на пути технико-производственного прогресса в египетской промышленности. Иностранные монополии жестоко эксплуатировали египетских ремесленников, кустарей и противодействовали перерастанию ремесла в мануфактуру, а последней — в фабрику.

Стараясь получить сырье по наиболее дешевой цене, иностранные монополии были заинтересованы в сохранении системы феодальной и торгово-ростовщической эксплуатации египетского крестьянства и сами использовали в ряде случаев эту систему (сахарные, фруктовые плантации и т. д.). В 20—30-х годах они укрепляли свои связи с помещичьей верхушкой посредством привлечения ее в иностранные компании в качестве акционеров, марионеток-директоров и т. д. Иностранный капитал с течением времени все более расширял практику использования свободных денежных средств египетских помещиков, купцов, ростовщиков, лиц свободных профессий для расширения сферы деятельности своих компаний и направления египетских капиталов в выгодное для монополий русло. При этом бóльшая часть прибылей, полученных на привлеченный капитал, попадала в распоряжение иностранных финансистов. Эта политика приводила также к превращению определенных слоев египетской буржуазии в рантье уже на ранней стадии ее развития.

Таким образом, иностранные монополии, паразитировавшие на египетской промышленности, стремились заразить своим ядом и некоторые слои национальной торгово-промышленной буржуазии, изуродовать развитие национальной промышленности, распространив и на нее губительное влияние тенденции к застою, загниванию и паразитизму, неотъемлемо присущей империализму. Наконец, иностранный монополистический капитал беспощадно грабил в качестве потребителей не только трудящиеся массы, но и многочисленные средние слои египетского общества, заставляя их платить тяжелую дань в виде монопольных цен на промышленные товары. Все это неизбежно усиливало и обостряло противоречия между иностранными монополиями, с одной стороны, и египетскими рабочими, крестьянами, средними слоями национальной буржуазии, с другой.

А. С. Аветян

ИЗ ИСТОРИИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ В ДОБЫВАЮЩУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ТУРЦИИ (1913—1914 гг.)

В конце XIX — начале XX в. Турция была ареной острой борьбы между крупными империалистическими державами за источники сырья, рынки сбыта, за сферы приложения капитала. Иностранный капитал захватил в свои руки все ключевые позиции в турецкой экономике, в том числе и в добывающей промышленности.

В течение длительного времени недра Турции, богатые полезными ископаемыми, подвергались хищнической эксплуатации монополистических объединений иностранного капитала. Наиболее могущественными были французские монополии, на долю которых приходилось 76,5% капиталовложений в добывающую промышленность Турции[1]. Не оставляли попыток проникнуть в нее монополисты Германии и царская Россия.

На основании русских и иностранных источников[2] мы постараемся рассмотреть вкратце борьбу иностранных держав за проникновение в Эреглийский угольный бассейн и медные рудники в Эргани, ибо в конце 1913 — первой половине 1914 г. борьба за эти объекты обострилась.

Французская компания «Сосьете д'Эракле» с 1896 г. занималась разработкой недр Эреглийского угольного бассейна. Добыча здесь велась примитивными методами, но все же в 1912 г. ей удалось добыть 565 тыс. *т* угля[3]. В декабре 1913 г. турецкое правительство предоставило французскому капиталу концессии на сооружение порта в Эрегли и постройку железнодорожной ветки к нему.

В марте 1913 г. в этот район проник бельгийский капитал. Образовалась фирма «Сосьете аноним дэ карбонаж де Бендер Эрегли», получившая право на эксплуатацию в течение 50 лет угольных залежей Эрегли, в разработке которых не принимал участия французский капитал. Однако больше половины акций этого общества принадлежало германской фирме Гуго Стиннеса. Первоначально добыча угля велась в весьма небольшом масштабе, так как ощущался недостаток в оборудовании. Но после того как фирма Стиннеса взяла дело реорганизации в свои руки, появилась надежда в течение трех — четырех лет довести годовую добычу угля до нескольких сот тысяч тонн[4].

---

[1] А. Д. Новичев, *Очерки экономики Турции до мировой войны*, М.—Л., 1937, стр. 127.

[2] «Международные отношения в эпоху империализма», М.—Л., т. I, 1931; т. II, 1933 (далее — MO); «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», Berlin, 1927, Bd 37, Teil II (далее — Gr. Pol.); «Documents diplomatiques français», 3 serie (1911—1914), vol. 10, Paris, 1936 (далее — DD).

[3] «Раздел Азиатской Турции», М., 1924, стр. 13.

[4] Gr. Pol., № 15002, S. 592, 593.

В разработке угольных залежей Эреглийского бассейна принимали участие и другие немецкие фирмы, как, например, «Дейч-Люксембургише Бергверксгезельшафт унд Хютте А. Г.».

Между германским и французским капиталом здесь шла упорная конкурентная борьба.

Царская Россия также намеревалась получить соответствующую долю в Эреглийском бассейне. В телеграмме от 16 января 1914 г. русский посол в Константинополе Гирс сообщал, что братья Маврокордато (банкиры, русские подданные) ходатайствовали о поддержке Русско-Азиатским банком покупки ими в Эреглийском угольном бассейне концессий на угольные копи и о проведении железнодорожной ветки от копей до порта [5]. На строительство ветки они уже имели опцион (привилегия, приобретаемая при уплате известной доли). В этой связи посол считал крайне нежелательным проникновение немецких монополий на Черноморское побережье и полагал, что надо чинить препятствия их дальнейшему распространению [6].

В франко-германском соглашении от 15 февраля 1914 г. [7] говорилось, что в вопросах сооружения и эксплуатации порта Эрегли, угольного бассейна и железнодорожных путей, соединяющих порт с угольными разработками, будут приняты во внимание интересы обеих групп (германской и французской). Однако через две недели после подписания соглашения статс-секретарь германского ведомства иностранных дел Ягов бил тревогу за судьбу германских интересов в Эреглийском угольном бассейне. Он ссылался на франко-турецкое соглашение 1913 г., по которому французские предприниматели имели исключительные права на соединение угольных разработок Эреглийского бассейна с портом. Французская группа получала преимущественное право на строительство всех портов в Эреглийском угольном бассейне, а также монополию на погрузку и разгрузку в порту Эрегли. Германский статс-секретарь высказывал опасение, что французы, используя свои права, попытаются затруднить и удорожить немецкие разгрузочно-погрузочные работы. Ягов указывал далее, что жизнеспособность группы Стиннеса в Турции находится под угрозой, и требовал, чтобы германский посол в Париже Шён выхлопотал равные права для всех государств на железную дорогу к порту Эрегли, а также на погрузку и разгрузку [8]. Здесь мы видим яркий пример того, как официальные представители Германии отстаивали интересы своих монополистов.

Со своей стороны представитель французских финансовых кругов, референт по малоазиатским вопросам Понсо в беседе с германским поверенным в делах в Париже Радовицем высказался за то, чтобы заинтересованные группы путем переговоров пришли к взаимопониманию относительно своих требований [9].

А тем временем парижские дельцы договорились с русскими предпринимателями о предоставлении последним концессий в Эреглийском угольном бассейне, чтобы не допустить расширения сфер действия германского капитала в этом районе.

---

[5] МО, т. I, стр. 31. На телеграмме стоит помета царя: «следует поддержать».
[6] Там же.
[7] Это соглашение посвящено экономическому разделу «сфер влияния» в Османской империи. Подробно см.: А. С. Аветян, *Вопрос о Багдадской железной дороге накануне первой мировой войны*, — «Известия АН АрмССР», общественные науки, 1960, № 2, стр. 32—35.
[8] Gr. Pol., № 15002, S. 593—595.
[9] Ibid., № 15003, S. 595.

Стремление русских концессионеров было поддержано министром иностранных дел Сазоновым, Министерством финансов России и директором Русско-Азиатского банка Путиловым. 10 марта 1914 г. в Париже был образован синдикат («Синдикат Или-су»), участниками которого стали Русско-Азиатский и Русский торгово-промышленный банки (отделения в Париже) и братья Маврокордато. Между ними было подписано соглашение относительно разработки каменноугольных копей близ Эрегли и на постройку железнодорожной ветки для обслуживания этих копей [10].

Одновременно продолжались франко-германские переговоры. Гуго Стиннес требовал права собственной погрузки и разгрузки как в самом Эрегли, так и в других портах угольного бассейна. Он требовал также права на строительство и эксплуатацию подвесной дороги между копями и местом погрузки, свободы от портовых сборов для всех судов [11].

Французские концессионеры выразили готовность предоставить другим группам право на строительство отдельных железнодорожных веток от копей к портам, но решительно отказались сделать какие-либо уступки в деле эксплуатации порта Эрегли и взимания сборов, так как это могло подвергнуть опасности их интересы и привести к возникновению конкуренции [12].

6 апреля 1914 г. в Париже состоялась встреча Гуго Стиннеса с представителем компаний «Сосьете д'Эракле». Однако ввиду того, что переговоры между представителями Оттоманского банка и «Дейче банка» о Багдадской железной дороге не были закончены, пришлось перенести и переговоры об Эрегли. Состоявшаяся 19 мая по окончании переговоров о Багдадской железной дороге вторая встреча Стиннеса с французскими предпринимателями не дала каких-либо результатов, ибо последние не желали уступать своих привилегий [13].

Параллельно с этим германская дипломатия оказала нажим на Турцию и потребовала, чтобы великий везир сделал заявление о том, что обещанная французам концессия на порт Эрегли не должна причинять ущерба германским интересам [14]. Однако турецкий министр финансов Джавид-бей (на которого в свою очередь оказали давление и французские банкиры) дал в самой общей форме обещание найти мирное и удовлетворительное решение этого вопроса [15].

До начала войны по вопросу Эреглийского угольного бассейна не было достигнуто единства, ввиду неприемлемости для французской группы условий, поставленных Стиннесом [16].

Начало мировой войны помешало также осуществить концессию, предоставленную братьям Маврокордато.

Другим объектом, за который разгорелась борьба, были медные рудники в Эргани. Учитывая, что эта местность расположена в районе, прилегающем к русской границе, промышленные круги России предприняли попытку обеспечить за собой долю в разработке эрганийских медных рудников. В августе 1913 г. братья Маврокордато, пообещав уплатить находившейся в тяжелом финансовом положении Турции

---

[10] МО, т. I, стр. 560; А. Д. Новичев, *Очерки экономики Турции до мировой войны*, стр. 239.
[11] Gr. Pol., № 15005, S. 597.
[12] Ibid., № 15006, S. 598, 599.
[13] DD, p. 511.
[14] Gr. Pol., № 15031, S. 626.
[15] Ibid., № 15032, S. 630; № 15033, S. 630.
[16] DD, p. 605.

500 тыс. тур. фунтов, получили на выгодных условиях концессию на разработку этих рудников. Но ввиду протеста Гирса, указавшего своим соотечественникам, что снабжение Турции деньгами противоречило бы видам Министерства иностранных дел России, братья Маврокордато отказались от этой сделки [17].

В начале 1914 г. во время переговоров в Берлине между германскими и французскими деловыми кругами о Малой Азии последние подняли вопрос о медных рудниках Эргани. В телеграмме от 6 апреля 1914 г. французский посол в Берлине Ж. Камбон писал своему министру иностранных дел Думергу, что «Дейче банк» обсуждает с французскими предпринимателями вопрос о доле участия французской и немецкой групп в эксплуатации рудников Эргани [18]. Сведения об этих торгах в Берлине дошли до Гирса. На этот раз русский посол изменил свое прошлогоднее решение. 12 апреля 1914 г. он писал Сазонову: «Ввиду того, что рудники находятся в Диарбекирском вилайете, входящем собственно в нашу область, в которой мы заинтересованы не менее остальных держав, считаю долгом высказать убеждение о крайней желательности оказать давление на указанные выше группы в целях предоставления русским промышленникам одной трети предприятий» [19]. Сазонов согласился с этим, но указал, что прежде всего надо иметь предложение того или иного лица или торгового учреждения [20]. Через две недели Гирс вновь писал Сазонову: «Не могу не подчеркнуть нежелательность усиления германских интересов в области, в которой было бы необходимо утвердить наше, по возможности исключительное влияние». Теперь он соглашался на русскую долю в размере 20%, с тем чтобы французам было уступлено 25%, а немцам осталось 55%. Гирс считал, что необходимо на этот раз поддержать требования братьев Маврокордато [21].

Пока русские правящие круги предпринимали необходимые меры, 28 апреля 1914 г. в Берлине между германской и французской заинтересованными группами состоялось соглашение по эрганийским рудникам. По соглашению германская группа получала 55%, французская — 45% участия в эксплуатации рудников. Было создано правление из 11 членов — шесть немцев и пять французов. Председателем правления был немец, вице-председателем — француз [22]. Однако 4 мая германское ведомство иностранных дел дало в Париж предписание, в котором отмечалось, что немецкая сторона примет это соглашение лишь при условии, если будет разрешен вопрос об эреглийском угольном бассейне с учетом ее интересов [23]. А выше было показано, что французские предприниматели не собирались делать никаких уступок в этом вопросе. Германские промышленники и дипломатия хотели использовать соглашение по эрганийским рудникам как дополнительное средство давления на французов для удовлетворения своих претензий в отношении Эрегли. В противном случае они склонны были полностью прибрать к своим рукам рудники Эргани.

Германская дипломатия вместе с другими вопросами в середине мая 1914 г. предъявила Турции требование относительно передачи рудников Эргани [24]. Но Джавид-бей и на этот раз не дал удовлетворительных обещаний, заявив германскому послу, что Порта до сих пор никогда еще официально не занималась какими-либо предложениями (о рудниках Эргани) со стороны немецких предпринимателей [25].

Что касается Франции, то ее правящие круги не возражали против предоставления братьям Маврокордато доли участия в разработке рудников Эргани [26], во-первых, чтобы воспрепятствовать дальнейшему проникновению германских монополистов в этот район, во-вторых, с помощью русских самим в нем закрепиться [27].

Итак, попытка германских монополистов в лице группы Стиннеса закрепиться и расширить свои позиции в Эреглийском угольном бассейне потерпела неудачу, несмотря на прямую поддержку германской дипломатии. Французские и русские промышленники и банкиры, противодействовавшие проникновению германских монополистов в этот район, договорились между собой о распределении новых концессий, но ввиду начавшейся войны осуществить их не сумели.

Несколько иная картина была в отношении медных рудников Эргани. Здесь Германия («Дейче банк») добилась получения выгодных концессий на их разработку. Но эти устремления германского капитала были в значительной мере нейтрализованы закулисной игрой Франции, которая обладала большой финансовой мощью в Турции. Французы всячески подталкивали последнюю к несговорчивости в этом вопросе.

Таким образом, в рассмотренных нами вопросах нашла свое отражение острота франко-германских и русско-германских противоречий в Малой Азии. Это одно из проявлений межимпериалистического соперничества на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны.

---

[17] МО, т. II, стр. 385; А. Д. Новичев, *Очерки экономики Турции до мировой войны*, стр. 238.
[18] DD., p. 123.
[19] МО, т. II, стр. 289. Помета царя: «да».
[20] Там же, прим.
[21] МО, т. II, стр. 386. На телеграмме стоит резолюция царя: «Конечно, их нужно поддержать».
[22] Gr. Pol., S. 613, Fußnote.
[23] Ibid.
[24] Gr. Pol., №15031, S. 626.
[25] Ibid., № 15032, S. 629; № 15033, S. 631.
[26] МО т. II, стр. 520.
[27] DD, p. 512.

Б. М. Поцхверия

ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ ПО ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТУРЕЦКОЙ ЭКОНОМИКИ

Особое внимание, которое США стали уделять после второй мировой войны Турции как важному стратегическому плацдарму на Ближнем и Среднем Востоке, военно-политическое сотрудничество этих двух стран привели к тому, что Турция взяла на себя такие обязательства по военным договорам, которые вынуждают ее расходовать огромные средства на неоправданное содержание почти полумиллионной армии. Однако военно-политическое сотрудничество правящих кругов США и Турции — не единственный аспект американо-турецких отношений. «Дружба» союзников омрачается хищническими устремлениями американских монополий, которые столкнулись в Турции с проводившейся со времени провозглашения республики политикой развития национальной экономики и ограждения ее от засилья иностранного капитала. Признавая, что военные усилия Турции пагубно сказываются на ее экономике, американские монополисты, однако, отказывали ей в помощи, которая действительно была бы направлена на улучшение экономического положения страны. Они беззастенчиво требовали превращения Турции в сферу свободного предпринимательства для американского капитала.

С первых лет существования Турецкой Республики в основу экономического развития страны был положен девлетчилик, или этатизм (государственный капитализм), который предусматривал сосредоточение в руках правительства основных отраслей экономики, привлечение государственных средств для ее развития и был связан также с политикой поощрения частного национального предпринимательства. Принимались законодательные меры для ограждения Турции от закабаления иностранным капиталом.

Политика этатизма всегда подвергалась нападкам империалистических держав. После второй мировой войны эти нападки усилились. Американские монополисты стали настойчиво требовать отказа от этатизма и создания условий для широкого внедрения иностранного капитала в экономику Турции. В прессе США, в отчетах посещавших Турцию американских миссий и экспертов, в официальных документах отмечалось, что Турция должна ограничиться расширением сельскохозяйственного производства и добычей полезных ископаемых, что развитие в Турции национальной промышленности представляет собой ошибочный курс. Турции рекомендовалось делать основную ставку на частную инициативу с безграничным допуском иностранного капитала.

Одним из средств давления на Турцию была «помощь» США, предоставление которой все время сопровождалось требованиями изменить экономическую политику Турции.

«Помощь» по «доктрине Трумэна» пошла на усиление турецкой армии. «Помощь» по «плану Маршалла» сопровождалась различными условиями экономического и политического характера. Вместе с тем она в сущности не была направлена на развитие экономики страны. Это признавали и правители Турции, связавшие страну с военно-политическими планами США. Авторы выпущенной Демократической партией в 1954 г. книги «Поднимающаяся Турция» писали, что ассигнования по «плану Маршалла» были незначительны по сравнению с затратами самой Турции на развитие экономики [1]. А Турция не в состоянии была выделять необходимые средства на эти цели.

Большое место экономической политике Турции отводилось в книгах и статьях, опубликованных в США. В 1949 г. в Нью-Йорке была выпущена объемистая книга «Турция. Экономическая оценка», представляющая собой экономический обзор, написанный в результате специального изучения страны [2].

Авторы книги довольно обстоятельно показали тяжелое экономическое положение Турции и отметили необходимость предоставления ей экономической помощи. Но при этом в качестве одного из условий помощи они выдвинули отказ от курса на развитие национальной промышленности. Этатизм, как доказывали авторы, — причина всех бед, избавиться от которых можно, только открыв американским монополиям широкий доступ в экономику страны.

Турции предлагалось отказаться даже от планов строительства предприятий по выпуску некоторых станков и текстильных машин, небольших подъемных кранов, запасных частей, организации химического производства, хотя, например, в стране применяется чрезвычайно мало минеральных удобрений, что отрицательно сказывается на сельском хозяйстве Турции. В книге рекомендовалось ограничиться расширением сельскохозяйственного производства, строительством дорог и ирригационных сооружений, разработкой залежей полезных ископаемых.

Американские эксперты призывали турок не бояться засилья монополий и не стеснялись даже ставить в пример «общественно-полезную» деятельность монополистических организаций. «В Америке, — хладнокровно лгали они, — постепенное развитие гигантских корпораций шло параллельно с ростом общественного контроля и социальной дисциплины, которые ограничивают их возможности в совершении зла». Авторы книги горячо высказывались и за создание смешанных турецко-американских компаний, причем доказывали, что руководить турецкими предприятиями могут лучше всего американцы, так как турки еще не подготовлены к этому ввиду якобы пагубного влияния этатизма. «Управление, — поучали они турок, — требует определенного опыта, который нельзя приобрести в Турции, где почти все отрасли промышленности находятся в руках государства» [3].

С особым пристрастием эксперты от Уолл-стрита отнеслись к ту-

---

[1] «Kalkınan Türkiye», Ankara, 1954, s. 127.

[2] Max Weston Thonburg, Graham Spry, George Soule, *Turkey. An economic appraisal,* The Twentieth Century Fund, New York, 1949. Книга подготовлена экспертами «Фонда XX века», научного учреждения, созданного американскими монополистами для обоснования своих захватнических устремлений. Ведущий автор — Макс Торнберг занимал высокие посты в «Стандард ойл компани оф Калифорния», был одним из организаторов захвата американским капиталом средневосточной нефти. В 1947 г. он находился в Турции во главе экономической миссии, которая предложила турецкому правительству отказаться от этатизма и принять принцип равных возможностей в отношении американского частного капитала.

[3] Ibid., pp. 202, 209, 223.

Б. М. Поцхверия

ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ ПО ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТУРЕЦКОЙ ЭКОНОМИКИ

Особое внимание, которое США стали уделять после второй мировой войны Турции как важному стратегическому плацдарму на Ближнем и Среднем Востоке, военно-политическое сотрудничество этих двух стран привели к тому, что Турция взяла на себя такие обязательства по военным договорам, которые вынуждают ее расходовать огромные средства на неоправданное содержание почти полумиллионной армии. Однако военно-политическое сотрудничество правящих кругов США и Турции — не единственный аспект американо-турецких отношений. «Дружба» союзников омрачается хищническими устремлениями американских монополий, которые столкнулись в Турции с проводившейся со времени провозглашения республики политикой развития национальной экономики и ограждения ее от засилья иностранного капитала. Признавая, что военные усилия Турции пагубно сказываются на ее экономике, американские монополисты, однако, отказывали ей в помощи, которая действительно была бы направлена на улучшение экономического положения страны. Они беззастенчиво требовали превращения Турции в сферу свободного предпринимательства для американского капитала.

С первых лет существования Турецкой Республики в основу экономического развития страны был положен девлетчилик, или этатизм (государственный капитализм), который предусматривал сосредоточение в руках правительства основных отраслей экономики, привлечение государственных средств для ее развития и был связан также с политикой поощрения частного национального предпринимательства. Принимались законодательные меры для ограждения Турции от закабаления иностранным капиталом.

Политика этатизма всегда подвергалась нападкам империалистических держав. После второй мировой войны эти нападки усилились. Американские монополисты стали настойчиво требовать отказа от этатизма и создания условий для широкого внедрения иностранного капитала в экономику Турции. В прессе США, в отчетах посещавших Турцию американских миссий и экспертов, в официальных документах отмечалось, что Турция должна ограничиться расширением сельскохозяйственного производства и добычей полезных ископаемых, что развитие в Турции национальной промышленности представляет собой ошибочный курс. Турции рекомендовалось делать основную ставку на частную инициативу с безграничным допуском иностранного капитала.

Одним из средств давления на Турцию была «помощь» США, предоставление которой все время сопровождалось требованиями изменить экономическую политику Турции.

«Помощь» по «доктрине Трумэна» пошла на усиление турецкой армии. «Помощь» по «плану Маршалла» сопровождалась различными условиями экономического и политического характера. Вместе с тем она в сущности не была направлена на развитие экономики страны. Это признавали и правители Турции, связавшие страну с военно-политическими планами США. Авторы выпущенной Демократической партией в 1954 г. книги «Поднимающаяся Турция» писали, что ассигнования по «плану Маршалла» были незначительны по сравнению с затратами самой Турции на развитие экономики [1]. А Турция не в состоянии была выделять необходимые средства на эти цели.

Большое место экономической политике Турции отводилось в книгах и статьях, опубликованных в США. В 1949 г. в Нью-Йорке была выпущена объемистая книга «Турция. Экономическая оценка», представляющая собой экономический обзор, написанный в результате специального изучения страны [2].

Авторы книги довольно обстоятельно показали тяжелое экономическое положение Турции и отметили необходимость предоставления ей экономической помощи. Но при этом в качестве одного из условий помощи они выдвинули отказ от курса на развитие национальной промышленности. Этатизм, как доказывали авторы, — причина всех бед, избавиться от которых можно, только открыв американским монополиям широкий доступ в экономику страны.

Турции предлагалось отказаться даже от планов строительства предприятий по выпуску некоторых станков и текстильных машин, небольших подъемных кранов, запасных частей, организации химического производства, хотя, например, в стране применяется чрезвычайно мало минеральных удобрений, что отрицательно сказывается на сельском хозяйстве Турции. В книге рекомендовалось ограничиться расширением сельскохозяйственного производства, строительством дорог и ирригационных сооружений, разработкой залежей полезных ископаемых.

Американские эксперты призывали турок не бояться засилья монополий и не стеснялись даже ставить в пример «общественно-полезную» деятельность монополистических организаций. «В Америке, — хладнокровно лгали они, — постепенное развитие гигантских корпораций шло параллельно с ростом общественного контроля и социальной дисциплины, которые ограничивают их возможности в совершении зла». Авторы книги горячо высказывались и за создание смешанных турецко-американских компаний, причем доказывали, что руководить турецкими предприятиями могут лучше всего американцы, так как турки еще не подготовлены к этому ввиду якобы пагубного влияния этатизма. «Управление, — поучали они турок, — требует определенного опыта, который нельзя приобрести в Турции, где почти все отрасли промышленности находятся в руках государства» [3].

С особым пристрастием эксперты от Уолл-стрита отнеслись к ту-

---

[1] «Kalkınan Türkiye», Ankara, 1954, s. 127.

[2] Max Weston Thonburg, Graham Spry, George Soule, *Turkey. An economic appraisal,* The Twentieth Century Fund, New York, 1949. Книга подготовлена экспертами «Фонда XX века», научного учреждения, созданного американскими монополистами для обоснования своих захватнических устремлений. Ведущий автор — Макс Торнберг занимал высокие посты в «Стандард ойл компани оф Калифорниа», был одним из организаторов захвата американским капиталом средневосточной нефти. В 1947 г. он находился в Турции во главе экономической миссии, которая предложила турецкому правительству отказаться от этатизма и принять принцип равных возможностей в отношении американского частного капитала.

[3] Ibid., pp. 202, 209, 223.

рецкому законодательству о нефти. Они настоятельно предлагали предоставить иностранным компаниям право разведки, гарантировать им «справедливую долю прибыли» и утверждали, что только американцы могут как следует организовать разведку нефти в Турции.

Отсутствие в Турции условий для внедрения американского капитала подчеркивалось и в изданной в 1950 г. книге «Соединенные Штаты, Турция и Иран», входившей в выпускавшуюся в США специальную серию, посвященную отношениям США с другими странами [4]. Автор раздела о Турции Томас, проработавший много лет в стране (как в американских, так и в турецких учреждениях), писал о необходимости «основательных изменений», направленных на развитие частного предпринимательства. Указывая, что США в Турции привлекает ее стратегическое положение и политика правящих кругов страны, Томас вместе с тем сетовал, что «другие интересы США ограничиваются просветительской и филантропической деятельностью и торговыми связями». В связи с этим он писал: «...Когда и если наша оппозиция по отношению к России прекратится, наша поддержка Турции тоже прекратится, так как наша общность интересов с Турцией проистекает не из естественной близости, а только из обстоятельств, что мы обе противостоим русской экспансии» [5]. Он призывал к созданию условий для свободы американского предпринимательства в стране.

Американские монополисты не ограничивались «теоретическими исследованиями» и поучениями по вопросу о путях развития экономики Турции. На турецкое правительство оказывался серьезный нажим со стороны правительства США.

Принятый в 1951 г. в Турции под давлением США закон о поощрении иностранного капитала оказался недостаточным для американских монополий. В конце августа 1953 г. в Анкару прибыла очередная американская миссия, на этот раз во главе с советником Эйзенхауэра К. Рэндоллом. Рэндолл имел немало бесед с руководителями турецкого правительства, а также с политическими деятелями, промышленниками, торговцами. Турецкая пресса наивно писала о том, что миссия Рэндолла вызвала в стране большие надежды на получение долгосрочной американской помощи для развития экономики страны и укрепления ее военной мощи. Но Рэндолл приехал вовсе не для того, чтобы способствовать предоставлению Турции займа, а «исключительно для изучения причин, которые мешают широким вложениям иностранного капитала в Турции». Основной причиной, как установила миссия, являются «трудности, проистекающие из турецкого законодательства». Миссия Рэндолла разъяснила, что «необходимо, чтобы турки убедили американцев в том, что для американского капитала в Турции существуют более широкие возможности, чем даже в Америке» [6].

Миссия требовала изменения основ экономической политики страны. Рэндолл заявил, что Турция «добровольно должна перейти от этатистской экономики к экономике, дающей все более широкий простор частной инициативе» [7]. В коммюнике о переговорах указывалось на необходимость «изъять из закона о поощрении иностранного капитала статьи, предусматривающие, что капитал может быть вложен в те области, которые необходимы для экономического развития страны», т. е. обеспечить условия для вложения иностранного капитала во все отрасли экономики Турции; обеспечить строгое ограничение деятельности государственных предприятий и равенство условий между государственными и частными предприятиями, принадлежащими туркам и иностранцам. Было снова выдвинуто требование ослабить ограничения вывоза прибылей в валюте.

[4] Lewis V. Thomas and Richard N. Frye, *The United States and Turkey and Iran*, Cambridge. Massachusetts, 1951.
[5] Ibid., pp. 145, 146.
[6] «Istanbul», 27—30.VIII.1953.
[7] «Istanbul», 30.VIII.1953.

Американские эксперты разъясняли, что прилив капитала в Турцию «зависит от изменений в нынешнем законодательстве» и в первую очередь от быстроты принятия меджлисом закона об эксплуатации нефтяных месторождений, а также от результата нефтеразведок, проводившихся, кстати сказать, в основном американскими фирмами.

Вопрос о мерах с целью привлечения американского частного капитала поднимался и во время поездки в США в ноябре 1953 г. министра финансов Турции Полаткана, визита в США в феврале 1954 г. президента Турции Баяра и во время многих других встреч государственных деятелей США и Турции. Американская печать уделяла этому вопросу большое внимание. Турцию посещало много американских журналистов для ознакомления с экономическим положением страны. В середине марта 1954 г. группа журналистов в составе 31 человека специально ознакомилась в Турции с законами об иностранных капиталовложениях и о нефти.

После поездки миссии Рэндолла давление США на Турцию проявилось уже и в том, что примерно с 1954 г. изменился характер американской экономической «помощи», в которой все меньшую долю стало занимать промышленное оборудование. Лондонская «Таймс» охарактеризовала это изменение как «значительное и поучительное». Газета писала о «нарастающем изменении в сторону потребительских товаров» [8].

Игнорирование Соединенными Штатами интересов развития национальной экономики Турции, одним из проявлений которого было резкое ограничение поставок промышленного оборудования, вызывало недовольство в Турции. Между Турцией и США длительное время велась полемика по вопросу о размерах и направленности американской «помощи».

Сотрудник американского торгового представительства в Турции Робинсон, находившийся в стране в 1954—1955 гг., откровенно изложил суть американо-турецких разногласий по вопросу о помощи. С американской точки зрения, по свидетельству Робинсона, помощь должна быть временной и ограниченной рамками поддержки вооруженных сил. Что же касается развития экономики, то Турция должна изыскивать для этого свои собственные источники. Робинсон подчеркнул, что турки представляют себе цели помощи в более широком смысле, надеясь на использование ее для осуществления разработанных ими экономических проектов. Робинсон считал наивными надежды турок на получение американского займа для развития экономики [9].

В статьях, публиковавшихся в американских газетах и журналах, тяжелое состояние экономики Турции, чрезвычайная напряженность финансового положения, все возрастающая инфляция, огромный внешний долг, весьма низкий жизненный уровень в стране объяснялись двумя основными причинами: «политикой развития экономики» страны, проводившейся турецким правительством, и военными усилиями Турции. Милитаризация при этом преподносилась как должное, а в качестве мер

[8] «The Times», 8.IV.1958.
[9] «Birinci üç aylık iktisadî rapor», Ankara, 1955, s. 27.

по улучшению экономического положения Турции американцы предлагали девальвацию лиры, резкое ограничение капиталовложений в экономику, особенно в промышленность, увеличение налогов, особенно в сельском хозяйстве, отказ от разработки новых проектов промышленного строительства, создание условий для широкого внедрения частного иностранного капитала в Турции.

Американский журнал «Форчун» писал с раздражением в июне 1954 г. о продолжавшемся росте государственных предприятий в Турции и о новых капиталовложениях с целью расширения промышленного производства. «Нью-Йорк геральд трибюн» в середине февраля 1956 г. недвусмысленно предупреждала Турцию о том, что ей придется решать проблему промышленности, «опираясь только на свои возможности» [10].

Эта точка зрения постоянно находила и находит место и в официальных американских документах. В опубликованном в мае 1956 г. докладе специального комитета комиссии по иностранным делам конгресса США также отмечалось, что в Турции необходимо ограничить капиталовложения и провести девальвацию [11].

Особенно ярко отношение США к вопросу о путях экономического развития Турции вырисовывается в опубликованном в феврале 1957 г. в Вашингтоне докладе, подготовленном для специального сенатского комитета по изучению программы помощи другим странам. Одной из основных задач доклада был показ причин чрезвычайно тяжелого состояния экономики Турции и путей улучшения положения в стране. И в этом американском докладе признается, что Турция затрачивает огромные усилия на милитаризацию, резко отрицательно влияющую на состояние экономики страны, что американская «помощь» направлена на увеличение военной мощи страны и только незначительная часть ее способствует развитию промышленности Турции, и то в основном военной [12]. Но, ставя вопрос о том, «может ли Турция выполнять нынешнюю военную программу и в то же время успешно развивать экономику», составители доклада отвечают рекомендацией повременить с политикой развития экономики. Основной причиной экономических трудностей Турции и в этом документе выдвигается не милитаризация страны, а экономическая политика турецкого правительства. Авторы утверждают, что тяжелое положение «создалось в значительной степени из-за сверхразвития», покончить с которым они настоятельно рекомендуют [13]. Авторы считают, что «нынешние экономические трудности могут быть преодолены не посредством американской помощи, а самим турецким правительством». Этот тезис выдвигается в докладе как условие увеличения американской экономической «помощи».

В докладе о программе взаимной помощи на 1958 г., подготовленном государственным департаментом США, министерством национальной обороны и администрацией международного сотрудничества, тоже подчеркивается, что «в экономической области Турция превысила свои возможности по быстрому развитию и восстановлению, в связи с чем она имеет большую внешнюю и внутреннюю задолженность» [14].

Частный капитал США также не намерен способствовать нормальному развитию турецкой экономики. В этом отношении характерно заяв-

[10] «Vatan», 23.III.1956.
[11] «Vatan», 6.V.1956.
[12] «Greece, Turkey and Iran. Report on United States foreign assistance programs», Survey № 1, Washington, February, 1957, pp. 28, 29.
[13] Ibid., pp. 4, 35.
[14] «Cumhuriyet», 7.VII.1957.

ление, сделанное на пресс-конференции Луисом Ротшильдом, главой американской торговой делегации, которая посетила Турцию в середине августа 1957 г. Ротшильд предложил внести изменения в ряд законов и принять меры для выхода из валютного кризиса без помощи США. Вместо помощи США по государственной линии он проповедовал необходимость долгосрочных иностранных капиталовложений во все отрасли турецкой экономики, но при этом подчеркивал, что речь идет о привлечении иностранного капитала «для добычи полезных ископаемых Турции и, может быть, для строительства предприятий по первичной обработке сырья, но не для производства готовых изделий». Поэтому он выразил желание, чтобы турецкое правительство с целью привлечения иностранного капитала изменило, подобно закону о нефти, и закон об использовании других полезных ископаемых [15].

Вполне естественно, что почти одновременно с этим в конгрессе США при обсуждении вопроса о помощи иностранным государствам было выражено недовольство тем, что «Турция продолжает требовать всякого рода промышленное оборудование...» [16].

Американские официальные представители в Турции прилагают значительные усилия, чтобы убедить турок не ставить задач по дальнейшему развитию страны, не разрабатывать новых проектов, а ограничиться теми, осуществление которых уже начато. Американцев раздражает «упорство» Турции, которая, по словам американских экспертов, «перед лицом критического положения продолжает нереалистическую политику развития и видит выход из существующих проблем в увеличении национальной продукции и уменьшении, таким образом, зависимости от импорта» [17].

Американские журналы «Мидл истерн афферс» и «Тайм» подчеркивали, что, несмотря на финансовые трудности, турецкое правительство продолжает вкладывать большие суммы в строительство, и требовали от Турции «прежде всего привести в порядок свои финансовые дела» и покончить с политикой, при которой турецкая экономика «напрягает все силы, спеша сделать одновременно все» [18].

Естественно, что разговоры о «сверхразвитии» Турции были преувеличением. Дело в том, что американцев вообще не устраивает развитие национальной экономики, особенно промышленности, в этой слаборазвитой стране.

Одним из средств давления на Турцию, чтобы заставить ее отказаться от поддержки национальной промышленности, был отказ США от предоставления займа в 300 млн. долл., который Турция просила в течение ряда лет. Только такие «чрезвычайные обстоятельства», как образование Объединенной Арабской Республики и провозглашение республики в Ираке, заставили США оказать Турции финансовую «помощь».

К предоставлению Турции займа были привлечены Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), которая выделила 100 млн. долл. (из них 50 млн. дала Федеративная Республика Германии и 10 млн. Англия), и Международный валютный фонд, выделивший 25 млн. долл. Правительство США дало 234 млн. долл. Таким образом, общая сумма займа составила 359 млн. долл. Часть займа сразу же засчитывалась в оплату долгов.

При предоставлении займа США преследовали определенные цели.

[15] «Cumhuriyet», 13.VIII.1957.
[16] «Cumhuriyet», 22.VIII.1957.
[17] «Greece, Turkey and Iran...», p. 25.
[18] «Middle Eastern affairs», 1958, № 1; «Vatan», 31.I.1958.

Не случайно заем был назван в США «стабилизационным». Предоставление займа сопровождалось требованиями «навести порядок в экономике», «прекратить распространение инфляции», провести девальвацию лиры. Турция выполнила последнее требование, определив при этом курс в 9 лир за доллар. До этого официальный курс был 2,8 лиры, для туристов с 1956 г. — 5,25 лиры за доллар. Правительство Турции обещало усилить банковский контроль и контроль над выдачей кредитов. Вместе с тем предусмотрена была встреча кредиторов Турции по вопросу о платежах по займам, полученным страной.

Выступая в августе 1958 г. на чрезвычайной сессии меджлиса, министр финансов Полаткан несколько туманно определил экономическую политику правительства. Но из его выступления было видно, чего потребовали США при предоставлении займа Турции в связи с вопросами развития ее экономики. Полаткан выдвинул следующие задачи: 1) приведение бюджета «в равновесие с экономической структурой»; 2) тщательный пересмотр программ государственных предприятий и учреждений и предоставление им самоуправления; 3) урегулирование вопроса о государственных долгах; 4) более эффективное использование «иностранных источников» для выплаты внешних долгов и другие. Выполнение Турцией этих обещаний означало бы уступку американцам в их требовании относительно этатизма. Действительно, только таким образом можно расценивать программу в отношении государственных предприятий, «равновесия» бюджета и использования «иностранных источников» с целью выплаты долгов.

От займа, предоставленного Турции, могли выиграть в первую очередь нефтяные монополии США, которые занимают значительное место в снабжении Турции горючим. После вычета из займа сумм на покрытие долгов, после учета сумм, требующихся для оплаты поставок жидкого топлива, зерна и других товаров, необходимых для поддержания «боевого духа», Турции осталось не очень много. Но и при этом кредиторы требовали установления контроля за расходованием оставшейся части займа [19]. Таким образом, «стабилизация» и «приостановка инфляции» должны были осуществляться за счет самой Турции. Исмет Иненю заявил, что после покрытия долгов и оплаты ввоза пшеницы Турции в сущности останется лишь 100 млн. долл. Что же касается развития промышленности, то, по свидетельству газеты «Ватан», из займа на эти цели должно было пойти только 100 тыс. долл., что, конечно, нисколько не отвечало потребностям Турции.

* * *

Под давлением США турецкие правящие круги приняли в 1951—1954 гг. законы с целью поощрения иностранных капиталовложений в Турции, в том числе закон 1954 г. о предоставлении иностранным монополиям права эксплуатации нефтяных месторождений, которое до того принадлежало только государству. В их разработке принимали участие американцы Рэндолл и специалист по нефтяным делам Макс Болл. Но этого для американских монополий оказалось недостаточно. Они все еще считают «серьезными помехами» и нынешнее турецкое законодательство о налогах, ввозные пошлины и т. п., что ограничивает возможности ограбления Турции.

[19] При переговорах между ОЕЭС и США об осуществлении этого займа выяснилось, что «Америка не хочет предоставления Турции новых денег, пока не получит возможности контроля, какого она требует» (см. «Vatan», 3.XII.1958).

До сих пор американцев интересовали в Турции поиски нефти, горнодобывающая промышленность, но они не считали необходимым вкладывать капиталы в те отрасли, которые способствовали бы сколько-нибудь серьезному развитию турецкой промышленности [20]. В середине 1958 г. около 30 иностранных, в большинстве американских, компаний вели поиски нефти на трех четвертях территории Турции. Но значительных запасов нефти не было обнаружено. 15 июня 1961 г. компания «Эссо стандард» сообщила о прекращении разведки нефти после пяти лет безуспешных поисков. «Эссо стандард» израсходовала в Турции на разведку нефти 20 млн. долл.

Частные иностранные капиталовложения в Турции, в которых первое место занимают США, незначительны. Иностранный частный капитал неохотно идет в Турцию, ожидая создания в стране «соответствующих» условий. И не случайно американские эксперты считают, что в Турции «все большее внимание должно быть обращено на методы обеспечения роста частных инвестиций, как иностранных, так и местных» [21].

Уступки, на которые шло турецкое правительство под нажимом правительства США, вызывали в стране протесты. В начале апреля 1958 г. в комиссии по внешней политике меджлиса обсуждалось заключенное в январе 1957 г. между США и Турцией соглашение об имуществе и капиталах американских подданных. По этому соглашению ущерб, который может быть нанесен американскому гражданину в случае конфискации или отчуждения в Турции американского капитала или недвижимости, оплачивается американским правительством, которое впоследствии получает эту сумму от турецкого правительства. Соглашение подверглось резкой критике со стороны некоторых депутатов Демократической и Народно-республиканской партий. Один из депутатов заметил, что это «своеобразное соглашение попахивает капитуляцией». Другой депутат заявил, что «ни за каким правительством, если оно и оказывает нам жизненно важную помощь, нельзя признавать особой исключительности. Мы оказываемся вынужденными обсуждать с американским правительством требования американского подданного...» [22].

* * *

Американские требования, направленные на изменение экономической политики Турции, воспринимаются в Турции с неудовольствием. Правда, иногда появляются статьи, авторы которых в какой-то мере поддерживают точку зрения американских монополистов по вопросу о развитии Турции. С подобными статьями выступил известный журналист Ахмед Эмин Ялман, убежденный американофил, бывший в то время владельцем газеты «Ватан». Он писал, что Турция должна «сделать все для привлечения иностранного капитала» [23].

Однако такие выступления отнюдь не отражают общего мнения.

[20] Американские монополии проявляли большой интерес к разведке нефти в Турции и строительству на ее территории нефтеперерабатывающих заводов и нефтепроводов, что было основной причиной принятия в 1954 г. турецкого закона о нефти. Это внимание объясняется не только меркантильными интересами, но и военно-политическими соображениями, связанными с ролью, отводимой Турции в агрессивном блоке СЕНТО, призванном охранять интересы американских монополий на Ближнем Востоке.

[21] «Greece, Turkey and Iran...», p. 5.

[22] «Cumhuriyet», 6.IV.1958.

[23] «Vatan», 26.VIII.1957; 25.II.1958.

Например, газета «Джумхуриет» писала в 1959 г., что бурсские капиталисты-текстильщики выступили против внедрения иностранного капитала в текстильную промышленность Бурсы и даже против организации смешанных турецко-американских обществ.

В 1954 г. произошел конфликт между турецким правительством и американским Международным банком реконструкции и развития. Постоянный представитель банка даже вынужден был покинуть Турцию, так как турецкое правительство отвергло его упреки в «слишком смелой экономической политике». Представитель Турции в ООН Сарпер подверг деятельность банка критике в Экономическом совете, а в турецкой прессе выражалась надежда, что банк проявит «большее понимание нужд Турции и ее экономической политики» [24]. После этого банк в течение многих лет не давал Турции кредитов.

Между турецкой и американской прессой неоднократно вспыхивала полемика по вопросам экономического развития Турции и оказания ей помощи США. В ответ на упреки «Нью-Йорк таймс» в том, что индустриализация Турции проводится слишком быстрыми темпами, орган Демократической партии газета «Зафер» писала в начале 1955 г., что позиция американской газеты обясняется вообще отрицательным отношением к развитию промышленности Турции [25], желанием протежировать импортерам товаров в Турцию, защитой «частных интересов». 9 января 1955 г. «Зафер» в передовой статье разоблачала усилия, предпринимаемые с целью «задержать индустриализацию страны». Отстаивая политику Турции, газета писала: «Мы завоевали независимость ценой своей крови... нам надо завоевать также независимость экономическую, а это будет возможно, если мы выйдем за пределы примитивной экономики... Вот почему мы хотим, чтобы как в самой Турции, так и за ее пределами хорошо понимали, какое значение мы придаем нашему быстрому экономическому... развитию, которое представляет собой лишь другой аспект нашей независимости». Газета «Истанбул» считала эту статью «ответом на критику турецкой программы индустриализации», а также «призывом в адрес дружественных стран понять тот факт, что быстрая индустриализация Турции соответствует не только соображениям внутренней политики, как полагают некоторые, но и соображениям национальной безопасности». «Истанбул» призывала дружественные страны «помочь Турции быстро развить свою промышленную мощь» [26]. Что касается «соображений внутренней политики», то «Истанбул» имела в виду, вероятно, неоднократные заявления западной прессы, в том числе американской, о том, что политика капиталовложений в экономику Турции являлась средством укрепления личного престижа Мендереса.

Турецкие государственные деятели, подчинившие Турцию интересам США, вынуждены были временами считаться с общественным мнением. Они признавали, что к тяжелому экономическому положению в стране привели не усилия, направленные на развитие национальной экономики, а милитаризация. Тем не менее выход они видели не в отказе от милитаризации, а в увеличении «помощи» со стороны заокеанского союзника.

Призыв к США об увеличении экономической помощи звучал нередко с трибуны меджлиса. О необходимости оказания Турции эффективной помощи заявляли депутаты как правящей, так и оппозиционных партий. Торговцы и промышленники Турции выражали недовольство тем, что США не помогают развитию турецкой промышленности. В качестве примера приводилось нежелание снабжать турок машинами даже для развития добывающей промышленности.

[24] «Istanbul», 22, 26.III, 27.IV.1954.
[25] «Istanbul», 6.I.1955.
[26] «Istanbul», 10.I.1955.

В октябре 1956 г. Мендерес, выступая с большой речью на открытии нефтяной скважины в Эрзуруме, подчеркнул, что экономическая помощь США недостаточна. Он отметил, что трудности, переживаемые Турцией, «происходят не из-за чрезмерности капиталовложений», а из-за того, что страна выделяет из бюджета миллиард лир на армию и держит на военной службе более полумиллиона человек; поэтому Турции необходимо «оказывать в еще больших размерах военную и экономическую помощь». Мендерес выразил недовольство советами сократить капиталовложения, растянуть на длительное время строительство фабрик и заводов и подчеркнул, что развитие промышленности необходимо для защиты независимости страны [27].

Четыре месяца спустя орган Народно-республиканской партии газета «Улус» писала без всяких обиняков: «Этатизм — основной принцип национальной безопасности» [28].

Во время предвыборной борьбы в 1957 г. в Турции все партии уделяли большое внимание вопросам экономического развития страны, подчеркивая при этом, что Турция должна развивать свою национальную промышленность. Мендерес и другие деятели учитывали эти настроения. В выступлениях Мендереса и в правительственной декларации в октябре 1957 г. говорилось о политиканах, которые «стремятся увести турецкую нацию с пути прогресса и до некоторой степени лишить ее экономической независимости». В начале 1958 г. Мендерес в резкой форме дал понять, что турецкое правительство по-прежнему будет продолжать развитие отечественной промышленности. На замечание министра экономики ФРГ о том, что было бы лучше, если бы Турция значительно сократила число вновь строящихся цементных заводов, Мендерес ответил: «Это наше собственное внутреннее дело» [29].

В январе 1958 г. в турецкой прессе снова был поднят вопрос о необходимости увеличения американской помощи и о предоставлении Турции крупного кредита в 300—500 млн. долл. для преодоления экономических трудностей, с которыми столкнулась Турция. В связи с приездом в Анкару в середине января 1958 г. руководителя Управления международного экономического сотрудничества Д. Смита для изучения использования в Турции американской «помощи» «Джумхуриет» советовала США понять, что «самый мощный ответный удар против Советов будет нанесен с территории Турции... учитывая все это, было бы естественным увеличить помощь, которая дала бы Турции возможность продолжать выполнение своих обязательств».

Критика в адрес США в связи с характером и размерами американской «помощи» приняла примерно с 1958 г. новое направление. В турецкой прессе и даже в меджлисе стали раздаваться весьма смелые критические выступления, в которых сравнивается помощь слаборазвитым странам, оказываемая США и Советским Союзом. При этом подчеркивается большая эффективность и бескорыстность советской помощи.

[27] «Zafer», 4.X.1956.
[28] «Ulus», 14.II.1957.
[29] «Vatan», 31.I.1958.

После январской сессии Багдадского пакта в 1958 г., когда США решили предоставить странам пакта 10 млн. долл., недовольство в Турции мизерностью американской «помощи» сопровождалось появлением в газетах статей, в которых она сравнивалась с экономической помощью, оказываемой Советским Союзом Египту, Сирии и Йемену. В статьях, помещенных в феврале 1958 г. в газете «Джумхуриет», отмечались не только большие размеры экономической помощи Советского Союза арабским странам, но и отсутствие каких-либо обязательств, которыми обусловливалась эта помощь. Газета указывала, что «США обставляли свою помощь определенными условиями, а Россия — нет» [30].

Исмет Иненю подвергал критике политику правительства по вопросам экономического развития Турции, в том числе и относительно места иностранного капитала в экономике страны. 20 октября 1957 г. на 300-тысячном предвыборном митинге в Стамбуле Иненю заявил, что он в свое время, в связи с принятием в 1950 г. закона о нефти, предупреждал об опасности капитуляций в случае, если «уничтожается справедливость и постоянно требуются деньги из-за рубежа». Касаясь вопроса об иностранном капитале, Иненю подчеркивал, что «не следует предоставлять преимуществ иностранному капиталу перед местным» [31]. На пресс-конференции 3 июня 1958 г. Иненю заявил, что он «еще в Лозанне не встал на колени... из-за английских и американских денег». «Мы своим трудом, — подчеркнул он, — подняли страну». Указав, что получение иностранной помощи не должно наносить ущерба национальной экономике, Иненю отметил, что пока иностранная экономическая помощь «ничего не дала» Турции, выступив, таким образом, против утверждений американской пропаганды о значительности помощи, оказываемой США Турции.

Необходимость развития национальной экономики подчеркивалась и во время резкой и бурной полемики в меджлисе в июле 1958 г. При этом обе спорившие стороны, т. е. политические деятели как правившей, так и оппозиционных партий, либо косвенно, либо прямо признавали, что причиной нынешнего тяжелого экономического положения страны является милитаризация.

В начале июля 1958 г. Иненю заявил, что, несмотря на огромный рост задолженности Турции, расход золотого запаса и помощь США, страна находится в «страшном экономическом и финансовом кризисе», а «граждане переживают невыносимые страдания» [32]. Основная мысль Иненю сводилась к тому, что не наблюдается необходимого развития экономики Турции.

После майского переворота 1960 г. критика в Турции в адрес США усилилась. При этом раздавались голоса в пользу принятия помощи от Советского Союза. Ряд турецких газет призывал к развитию экономических отношений с СССР. В ответ на старания официальной турецкой пропаганды запугать мнимыми опасностями, к которым якобы может привести принятие советской помощи, в «Дюнья» 14 ноября 1960 г. и в «Сёзджю» 14 марта 1961 г. были помещены статьи, в которых доказывались преимущества советской помощи по сравнению с американской как в отношении сроков и процентов, так и в связи с тем, что она не сопровождается никакими политическими условиями. А в Учредительном собрании в начале марта 1961 г. депутат Кырджа на этом основании потребовал пересмотра условий американской «помощи». Резкой критике в Учредительном собрании было подвергнуто заключенное в 1961 г. с США соглашение о кредите на строительство металлургического комбината в Эрегли. США критиковались и за высокие проценты, на которых дается кредит, — 5,75% годовых, и за требование предоставить им контроль за ходом строительства.

[30] «Cumhuriyet», 4, 7.II.1958.
[31] «Ulus», 21.X.1957.
[32] «Ulus», 7.VII.1958.

В Турции продолжается многолетняя полемика с печатью заокеанских союзников по вопросу о путях экономического развития страны. Авторы многих статей, помещаемых в турецкой прессе, доказывают необходимость усиления позиций государства в развитии экономики страны вопреки требованиям американцев не ограничивать деятельность частного капитала, стимулировать его развитие с помощью государственных средств.

Американские монополисты по-прежнему требуют создания в Турции условий для внедрения иностранного капитала, хотя правительством Мендереса уже немало было сделано для поощрения иностранных капиталовложений в турецкую экономику. Турецкая печать выступает весьма активно и против подобных требований. Журнал «Форум» писал в ноябре 1960 г. в статье «По поводу государственного капитализма», что для достижения целей этатизма недостаточно «только ликвидации капитуляций и прекращения (путем национализации иностранных компаний) возможностей получения иностранным капиталом прибылей в нашей стране». Достижение его целей представляется возможным, пишет «Форум», «путем создания тяжелой промышленности, которая производила бы в Турции средства производства. Это — цель экономического развития, которое мы наблюдаем сегодня в странах Азии, Африки и Южной Америки» (стр. 13).

В мае 1961 г. газета «Ени сабах» выступила с критикой предложений американских и английских специалистов по вопросу о реорганизации турецкой промышленности. Союзники Турции по агрессивным блокам выступили с такими же советами по реорганизации промышленности, какие они навязывают и другим слаборазвитым странам. Суть этих советов сводится к закрытию части предприятий, сокращению рабочей силы, поощрению частного сектора путем предоставления ему средств, получаемых государством в виде иностранной помощи, к предоставлению свободы действий в стране империалистическим монополиям. «Ени сабах» писала, что «этих господ не очень устраивает быстрая индустриализация Турции. Основная их мысль заключается в следующем: государство не должно поощрять промышленность, а фабрики и заводы будут частными. Мы, иностранные промышленники, ищущие рынка, вместе с частниками обеспечим успех». Указывая, что это означает полуколониалистскую политику, когда все, начиная от иголки и кончая холодильниками, придется ввозить из-за границы, газета восклицает: «...Мы не можем отказаться от индустриализации страны... не закроем ни одного предприятия». Газета «Ватан» подчеркивала, что государственные предприятия не будут переданы частному сектору [33].

В связи с турецко-американским соглашением о строительстве металлургического завода в Эрегли журнал «Форум» в январе 1961 г. выражал недовольство тем, что американцы, в частности Фонд развития, которые дают кредит на строительство, настаивают на том, чтобы этот завод был отнесен к частным предприятиям, в соответствии с чем на него распространялось бы соответствующее законодательство. Жур-

[33] «Vatan», 8.V.1961.

нал считал, вопреки мнению американцев, что эреглийский завод должен быть государственным предприятием. В доказательство «Форум» приводил два аргумента: 1) в основном строительство финансирует государство, частный капитал вложит всего 5%; 2) нет причин сомневаться в успехе работы государственного предприятия. «Форум» приводил в качестве примера государственный Карабюкский металлургический комбинат, «который работает успешно»[34].

В то же время турецкие газеты писали о выступлениях в США, направленных вообще против строительства в Турции крупных предприятий, в частности против строительства металлургического завода в Эрегли. Подобные выступления оценивались в Турции как антитурецкие. И действительно, только большое стратегическое значение Турции в военно-политических планах США вынуждает их расширять в этой стране металлургическое производство, без которого трудно обеспечивать производство боеприпасов. В настоящее время в Турции находятся самые большие военные заводы на Ближнем и Среднем Востоке.

Настроения в стране нашли отражение и в выступлении главы республики и правительства Дж. Гюрселя на конгрессе представителей автомобильной промышленности в мае 1961 г. Гюрсель обратил внимание на необходимость развивать прежде всего промышленность и подчеркнул, что государство должно руководить этим развитием.

* * *

В послевоенные годы в Турции наблюдается развитие ряда отраслей промышленности — цементной, сахарной, текстильной, металлургической, энергетики. Заметно развивается военная промышленность. Но в общем промышленность Турции по-прежнему маломощна; преобладают мелкие предприятия, производящие товары широкого потребления; весьма слабо развиты такие важные отрасли, как металлургия, металлообработка; себестоимость продукции велика. Хотя Турция и опередила по уровню производства некоторых видов продукции на душу населения ряд стран Востока, почти ни одна из имеющихся отраслей турецкой экономики не в состоянии удовлетворить спрос, даже несмотря на узость внутреннего рынка. Турция, как слаборазвитая страна, вынуждена ввозить в большом количестве товары широкого потребления, машины, железо и чугун, металлоизделия, транспортные средства, жидкое топливо, а также сырье для некоторых отраслей промышленности. Но валютные затруднения, огромный долг, постоянный пассив торгового баланса чрезвычайно ограничивают ввоз необходимых товаров.

Перед страной стоят серьезные задачи, связанные с развитием экономики, но выполнение их, естественно, невозможно из-за огромных военных расходов. Надежды турецких правящих кругов на получение крупного займа с целью улучшения экономического положения страны разбиваются об американский тезис относительно «нерациональности» траты средств на развитие национальной промышленности Турции. Поэтому перед турецким правительством стоит выбор — либо по-прежнему милитаризация страны, вызванная участием в агрессивных блоках, либо развитие экономики.

Попытка сочетания этих двух несовместимых курсов привела к тому, что только внешний долг Турции достиг в 1961 г. 1400 млн. долл.; Турция будет погашать его около 50 лет при чрезвычайной напряжен-

[34] «Forum», 15.I.1961, s. 5.

ности бюджета. Все годы, в течение которых Турция получала «помощь» США, в стране непрерывно усиливалась инфляция. Турецким правящим кругам удавалось до сих пор игнорировать долговые обязательства страны, используя стратегическое значение Турции, ее роль в НАТО и СЕНТО. Но это вызвало недовольство на Западе, где не выражается особого желания прощать Турции ее долги. Не случайно Исмет Иненю подчеркнул в августе 1958 г. на чрезвычайной сессии меджлиса в ответ на заявление министра иностранных дел Зорлу о том, что иностранная помощь является большим успехом Турции: «Если мы будем добиваться таких успехов и далее, то мы не сможем существовать как нация».

Общепризнано и в Турции и в союзных с ней странах, что ее военные усилия пагубно сказываются на развитии экономики. Печать повсеместно подчеркивает, что кризис турецкой экономики еще более усилится, если Турция и в дальнейшем будет нести подобное военное бремя.

Турецкие правящие круги видят выход в увеличении американской «помощи». Глава республики Гюрсель заявил, что он ждет от США «хорошего понимания» положения Турции. Чтобы сгладить антиамериканские настроения, в турецкой прессе появляются статьи, авторы которых доказывают, что помощь США была неэффективна из-за нерационального, непродуманного использования ее в Турции. С подобной статьей в газете «Ватан» выступил в 1961 г. Каравелли, который призывал «лучше использовать американскую помощь».

* * *

Разногласия между США и Турцией — союзниками по агрессивным военным блокам — не случайны. Они неизбежны. Обстановка, сложившаяся в Турции, — наглядный пример того, к чему приводит курс, направленный на подчинение внешней и внутренней политики страны интересам американских империалистов.

Джалиле Джалил

КУРДЫ И РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 гг. [1]

Восстания народов Боснии и Герцоговины (1875) и Болгарии (1876) против турецкого феодального деспотизма настолько углубили восточный кризис к 1877 г., что русско-турецкая война стала неизбежной.

Важную роль в восточном кризисе играли Англия и Россия. Англия стремилась ослабить влияние России в Османской империи. Распространение влияния царской России на Среднюю Азию и рост ее авторитета среди балканских, армянского и курдского народов также вызывали озабоченность Англии, которая пыталась использовать восточный кризис для развязывания военного конфликта между Османской империей и Россией.

Прорусская политика султана Абдул Азиза и его кабинета весьма волновала Англию. В результате был организован дворцовый переворот в Турции, в котором принял участие английский посол Эллиот. Абдул Азиз был заменен Мурадом V, а затем и Абдул Хамидом.

В свою очередь Германия также стремилась столкнуть Россию с Турцией, ибо это позволило бы ослабить позиции России в Европе.

Политика России на Ближнем Востоке отличалась сравнительной умеренностью. Еще не оправившаяся после Крымской войны, Россия не хотела идти на открытый конфликт с европейскими странами.

Для народов Ближнего Востока, в частности для армян и курдов, боровшихся за национальное освобождение, большое моральное и политическое значение имела поддержка Россией освободительной борьбы балканских народов.

На восточные районы Османской империи оказало активное воздействие обострение положения на Балканах. Кажущееся спокойствие в Курдистане и Армении вновь было нарушено. Усилилась борьба курдов против султанского гнета.

Толчком для выступления курдов послужили карательные кампании турецкого правительства в Курдистане. Эти кампании особенно расширились при Исмаил-паше (курд из Карса). «Это был человек, ...до фанатизма преданный турецкому султану, жестокий и беспощадный в отношении своих соплеменников» [2]. Жертвами его жестокости стали курды районов Эгиля, Ахджакенда, Бохтана, Джезире и многих других

[1] В задачу автора не входит развернутое изложение вопроса о непосредственном участии курдов в военных действиях. Он пытается лишь выяснить место курдов в сфере политики европейских держав в период войны и их отношение к войне.

[2] П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, Тифлис, 1900, стр. 158.

мест. За заслуги перед Портой он был назначен вали в Курдистане. Жестокость Исмаил-паши особенно ярко проявилась в горном районе Бохтана, где он учинил кровавую расправу над восставшими.

С особенной ненавистью относились к турецким властям в местах со смешанным армяно-курдским населением в северо-восточной части Киликии, Зейтунском и соседних с ними районах. В 1875 г. началось восстание зейтунских армян, что предопределило их позицию в будущей войне. Подняли оружие также курдские племена Албистана, Ачни и других районов. Восставшие армяне и курды настолько окрепли, что повели наступление на регулярные турецкие войска в Мараше [3]. Жестокие репрессии турецких властей не помогли им окончательно подавить восстание в горной Киликии.

Юго-восточные районы Курдистана, населенные арабами и курдами, также причиняли Турции немало беспокойства. В 1875 г. полковник Зеленой писал из Константинополя военному министру России, что «до сих пор не усмирились курды и арабы Багдада и Аравии, Геджаз и Емен в огне» [4].

По мере обострения отношений между Россией и Турцией у восставших курдов усиливалась надежда на помощь со стороны России. Часто бывали случаи, когда вожди курдских племен обращались за помощью к дипломатическим представителям России в Турции [5].

Военная администрация Закавказья, учитывая опасность приближавшейся войны с Турцией, обращала особое внимание на курдское население.

О доброжелательном отношении курдских руководителей к России еще перед русско-турецкой войной свидетельствовало письмо Лорис-Меликова генерал-майору Павлову от 2 декабря 1876 г., где он писал, что курдские старшины отправляли к нему в Александрополь «...своих родственников и доверенных людей с заявлением полнейшей готовности служить нам по-прежнему, причем спрашивали даже указаний, что следует сделать в настоящее время» [6].

В то же время русские военачальники придавали большое значение участию курдов в предстоящей войне, правильно оценивая их значение для Турции: «...ни кавказские выселенцы, ни дагестанские горцы не были так важны для турецкого правительства, как его собственные будто бы подвластные курды разных племен и наименований» [7].

Русские военные руководители считали, что курды в этой войне выступят против турецких властей. В этом их убеждала ненависть, «которую курды питали из рода в род к своему сюзерену, игнорируя при этом всякую его власть над собою», результатом чего было их полунезависимое положение по отношению к турецкому правительству. Однако в России прекрасно понимали, что турецкое правительство обязательно постарается привлечь курдов на свою сторону, так как оно хорошо помнило восстание Езданшира во время Крымской войны. Учитывая все эти обстоятельства, генерал-адъютант Игнатьев в депеше от 23 ноября 1876 г. отмечал, что «кавказскому начальству необходимо заручиться сочувствием курдов и завязать с ними тайные сношения по примеру прежних войн — иначе заискиванием турецкой администрации, англий-

[3] *Մելիսեդեկյան Վ., Քեմրանի հերոսամարտերը, Երևան, 1960, էջ 86.*

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 56518, л. 6.

[5] Карцов. *Заметки о курдах*, Тифлис, 1896, стр. 18.

[6] П. И. Аверьянов, *Курды в войнах...*, Приложение, стр. 98.

[7] ЦГВИА, ф. 485, д. 1243, л. 15 об.

скими интригами удастся восстановить против нас все воинственное курдское население»[8].

Мнение Игнатьева не было лишено оснований. Турецкие правители в курдских районах пользовались любыми средствами, чтобы привлечь на свою сторону курдских аширетных вождей для участия в будущей войне. С этой целью были пущены в ход обещания, подкупы, интриги, в чем особенно отличился мушир Самих-паша. Однако вести, полученные Самих-пашой от разных губернаторов (мутесарифов), были весьма неудовлетворительными. Так, 29 октября 1876 г. он получил срочные телеграммы от ванского и мушского мутесарифов, в которых сообщалось, что при вербовке редифов курды проявили нежелание представить их в требуемых размерах, а в Кузиджане даже оказали сильное сопротивление.

Тем не менее принимая во внимание напряженное положение в восточных районах Турции, Самих-паша считал нецелесообразным обострять ситуацию в Курдистане, принимать репрессии в отношении курдов, и потому турецкие власти продолжали привлекать курдов к участию в войне. По приказу Самих-паши 27 декабря 1876 г. из Карса был послан чиновник Бакир-бей Хатуноглы для составления списка и набора курдов из Джемадинлинского, Зиланского и Касканлинского обществ. Указанные общества пообещали турецкому чиновнику представить отряд численностью 1600 человек. Дальнейшие действия курдов свидетельствовали о том, что это обещание было лишь маневром с целью оттянуть время.

В этих условиях турецкие власти в Карсе прибегли к мерам, которые должны были ограничить возможность выступления против турок. Так, для предотвращения побегов курдов из армии они решили отнять у них лошадей и превратить кавалеристов в пехотинцев[9].

Самих-паша особое внимание обращал на курдов Дерсима, которые представляли собой ненадежный тыл для турецких войск. Он вызвал к себе кузиджанского каймакама Хусейн-бея и потребовал от него выставить 10-тысячный отряд курдов. Однако ни согласие Хусейн-бея, ни старания Самих-паши не привели к успеху. Тогда Самих-паша попытался использовать в своих целях некоторых влиятельных курдских вождей. Одним из них был Ибрагим-паша. В начале февраля 1877 г. он попытался силой заставить курдские племена Зилана и Джемадинли дать рекрутов. Курды этих племен, несмотря на угрозы Ибрагим-паши, отказали ему и отправили своих депутатов к русским.

Тем временем все шло к русско-турецкой войне. К началу военных действий турецкая армия была явно не подготовлена: не хватало солдат, ощущался острый недостаток в обмундировании, снаряжении. Именно в таком положении и застал командующий армией Фаик-паша регулярные войска по прибытии в Ван. Впоследствии он писал, что нашел в Ване «вместо 60-тысячной армии лишь 370 полуодетых солдат, эскадрон кавалерии с большим неукомплектом лошадей и одну горную батарею»[10].

В начале 1877 г. положение несколько изменилось. Согласие влиятельного курдского вождя шейха Обейдуллы участвовать в войне привлекло на сторону Турции многих курдов. Но как показывает дальней-

[8] П. И. Аверьянов, *Курды в войнах...*, Приложение, стр. 96.
[9] ЦГВИА, ф. 485, д. 1243, л. 17 об.
[10] «Материалы для истории войны 1877—78 гг. в Азиатской Турции. Процесс Фаика-паши, начальника Ванского и Баязетского отрядов». СПб., 1879, стр. 46.

ший ход событий, никак нельзя считать, что это участие было вызвано преданностью курдов туркам.

Как отмечает русский консул в Эрзуруме Иванов в своей записке о курдах Бохтана, ни сам Обейдулла, ни его дед шейх Хусейн, ни отец шейх Тагир никогда не проявляли враждебного отношения к русским; наоборот, они всегда были в оппозиции к Турции «и постоянно принимали под защиту и охрану тех месопотамских династов, которые восставали против правительства»[11].

Тогда чем же объясняется согласие Обейдуллы участвовать в военных действиях против русских? Чтобы предотвратить рост русского влияния на население восточных районов империи, Турция объявила священную войну за веру — «газават». Шейх Обейдулла, как глава одного из крупнейших мусульманских орденов, конечно, не мог не откликнуться на этот призыв. Вместе со своими тремястами последователями—мюридами он отправился на север, ближе к линии фронта, где вскоре и начались военные действия. Вероятно, его действия были обусловлены также политическими мотивами: желанием использовать войну между Россией и Турцией для расширения сферы своего влияния, а также стремлением стать во главе курдских отрядов, чтобы в дальнейшем использовать их для своих сепаратистских планов.

Участие Обейдуллы в военных действиях было для Турции своего рода гарантией, что Курдистан на время войны останется спокойным и не придется оттягивать силы с фронта для подавления волнений в тылу.

Англия внимательно следила за военными приготовлениями в Османской империи. Опасаясь повторения событий времен Крымской войны, когда все курдское население во главе с Езданширом подняло антитурецкое восстание, англичане принимали все меры к тому, чтобы обеспечить спокойствие в Курдистане. С этой целью они настойчиво добивались от турецкого правительства немедленного удаления оттуда всех влиятельных курдских руководителей. В этой связи русский консул в Эрзуруме Обермиллер в конце февраля 1873 г. писал: «В нынешнем курдском вопросе играют главную роль не турки, а англичане. Английский мой коллега имеет точнейшие инструкции по вопросу об уничтожении теперь раз и навсегда курдского сопротивления даже вопреки желанию самих доброхотных турок»[12].

Английский консул в Эрзуруме по поручению английского посла в Стамбуле Эллиота ездил по всему Курдистану для сбора сведений о влиятельных курдских вождях, опасных для Турции.

Настаивая на удалении курдских вождей из Курдистана, англичане одновременно не отказывались от привлечения их на свою сторону путем подкупа или обещаний. Вместе с тем они всячески старались отвлечь внимание армян и других христианских народов от надежды на освобождение. Как писал Обермиллер из Эрзурума, «все христиане, в том числе и католики, чего-то ждут от нас, на что-то надеются»[13].

Однако действия английской дипломатии не имели успеха. В Стамбуле весьма неохотно относились к предложениям Англии об удалении курдских вождей из Курдистана. По мнению ряда турецких деятелей, такие резкие меры против курдов могли служить поводом для новых волнений, а также обострить и без того напряженное положение в северо-восточных и восточных районах Анатолии.

[11] П. И. Аверьянов, *Курды в войнах...*, Приложение, стр. 90.
[12] АВПР, ф. Главного архива, У-А2, д. 1085, л. 8.
[13] АВПР, ф. Главного архива, У-2, д. 1083, л. 12.

Д. Р. Вобликов

ФРАНЦУЗСКАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ КОНЦЕССИЯ В ЭФИОПИИ

В конце XIX — начале XX в. завершился раздел мира кучкой империалистических держав. На огромном континенте Африки политическую независимость сохранили лишь Эфиопия и Либерия. Эфиопия устояла против английской интервенции 1867—1868 гг.; в битве при Адуа, 1 марта 1896 г., ее армия разгромила войска итальянских захватчиков, покушавшихся на независимость страны. Но эти победы были куплены дорогой ценой. Эфиопия потеряла часть своей территории, лишилась доступа к морю и оказалась в кольце колоний европейских держав. На африканском побережье Красного моря возникла итальянская колония Эритрея, у Баб-эль-Мандебского пролива — Французское Сомали, рядом с ним у Аденского пролива — Британское Сомали и далее — Итальянское Сомали, омываемое водами Индийского океана. Британские колонии Кения и Судан замыкали кольцо. С этих позиций империалистические державы развернули экономическое наступление на Эфиопию. Их привлекало не только ее важное стратегическое положение, но и сырьевые ресурсы и рынки сбыта. Поэтому между европейскими державами развернулась борьба за концессии на строительство путей сообщения, открывающих доступ к природным богатствам Эфиопии и ее рынкам.

Инициативу с самого начала захватила Франция. Французские империалисты намеревались, построив железную дорогу из порта Джибути во Французском Сомали через Эфиопию к Нилу, не только проникнуть в богатые эфиопские провинции Харар и Шоа, но и подчинить себе Эфиопию и Судан, связав их с Французской Экваториальной Африкой в сплошной трансконтинентальный пояс своих колоний.

Эфиопия нуждалась в развитии и усовершенствовании путей сообщения. Император Менелик II понимал, какую пользу могла бы принести железная дорога для развития экономики страны, торговли, для обогащения правящих классов. Но достаточных капиталов и своих специалистов для строительства дороги в Эфиопии не было. Поэтому Менелик II был вынужден пойти на предоставление железнодорожной концессии.

9 марта 1894 г. советники Менелика II швейцарец Ильг и француз Шеффно получили концессию на строительство железной дороги. Концессионный договор предусматривал «постройку и эксплуатацию железной дороги, идущей от Джибути до Харара, от Харара до Энтото[1] и от Энтото до Кафы и Белого Нила»[2], т. е. через всю территорию Эфиопии. Французский капитал получал монопольное право на железнодорожное строительство в Эфиопии. Третья статья концессионного договора гласила: «...никакой другой железнодорожной компании не будет разрешено строить конкурирующие линии либо от берегов Индийского океана, или берегов Красного моря в глубь Эфиопии, либо из Эфиопии до Белого Нила»[3]. Это было крупной победой Франции над ее соперниками Англией и Италией.

[1] Энтото тогда был столицей Эфиопии.

[2] Менелик II считал в то время Белый Нил границей Эфиопии на западе.

Эфиопское правительство предоставляло компании территорию для проведения железной дороги, строительства платформ, станций, мастерских, а также земли вдоль линии железной дороги шириной в 1 *км* со всеми находящимися там лесами, водами и полезными ископаемыми. Ввозимые для строительства и эксплуатации железной дороги оборудование, машины, инструменты, топливо освобождались от таможенных пошлин. Компания могла использовать бесплатно местные строительные материалы — камень, лес и т. п.

Концессионный договор предоставлял компании право устанавливать железнодорожные тарифы, но при том условии, что они будут ниже стоимости перевозок товаров другими видами транспорта. Определяемая договором доля правительства Эфиопии в прибылях от эксплуатации железной дороги была невелика. Оно должно было получать половину прибылей, после того как они превысят 3 млн. фр. в год. Кроме того, компания предоставляла правительству Эфиопии часть акций.

По истечении срока действия договора (т. е. через 99 лет) железная дорога вместе со всеми службами должна была безвозмездно перейти в собственность правительства Эфиопии, а подвижной состав и прочая движимая собственность дороги подлежали выкупу[4].

Договор обязывал компанию провести вдоль железной дороги телеграфную линию, которая безвозмездно обслуживала бы правительство Эфиопии.

Компания приступила к работам по проведению железной дороги лишь через три года после заключения договора, так как встретила большие материальные и технические затруднения. Выпущенные ею 28 тыс. акций достоинством в 500 фр. каждая были реализованы лишь на сумму 8,7 млн. фр., а реализация долгосрочных обязательств дала 11,7 млн. фр.; всего было, таким образом, собрано 20,4 млн. фр. В ноябре 1896 г. компания с согласия императора изменила направление будущей железной дороги: вместо горной области Харар она должна была пойти в долину к г. Диредава, что удешевляло работы.

Англия и Италия чинили препятствия проведению французской дороги. Местные племена сомали и данакиль враждебно встретили это европейское нововведение. Постройка железной дороги угрожала прекращением караванных перевозок грузов из Обока в Харар и далее в глубь Эфиопии, которые давали средства к жизни многим сомалийцам. Лишь небольшая часть кочевников смогла осесть в Джибути и его окрестностях в качестве слуг, рабочих на железной дороге, грузчиков в порту и в таможне. Дорога строилась почти в военной обстановке. Сомалийцы совершали налеты на рабочих, портили и грабили имущество, отвинчивали болты, уносили куски рельс, пускали под откос поезда[5].

[3] «Абиссиния (Эфиопия)», Сборник статей, М.—Л., 1936, стр. 459.

[4] «Ethiopia observer», 1957, № 12, pp. 376—377.

[5] Для охраны строившейся железной дороги было прислано 200 эфиопских солдат Вначале компания платила за каждого из них правительству Эфиопии по 12 эф. долл. в месяц, а затем снизила плату до 8 долл.; тогда отряд был отозван («Correspondence relating the rising of the Mullah Mohammed Abdulla in Somaliland and consequent military operations. 1899—1901», London, 1901, p. 62).

В 1898 г. компания приостановила работы из-за недостатка средств и обратилась за помощью к французскому правительству, но получила отказ. Французские банкиры тоже не верили в успех предприятия, и Шеффно был вынужден искать средства у английских финансистов. Английские фирмы «Нью Африка», «Нью Иджипт» и другие, пользуясь затруднительным положением компании, стали скупать в большом количестве ее акции. В 1900 г. они предоставили компании Шеффно заем в 3 млн. фр. для продолжения строительства. Работы возобновились.

В 1901 г. три английские фирмы объединились с французами — владельцами акций компании Шеффно и создали «Международный эфиопский железнодорожный и строительный трест», который взял на себя финансирование постройки железной дороги до Диредавы. В правление компании Шеффно вошли два представителя английского железнодорожного треста, что очень встревожило французских капиталистов. Англичане стали разрабатывать план соединения строившейся железной дороги с линией, которая должна была вести к одному из портов Британского Сомали (Зейле или Бербере), с тем чтобы превратить его в центр транзитной торговли за счет Джибути. Французская печать забила тревогу. Правительство Франции поспешило вмешаться в дела концессии.

Не считаясь с обязательствами по концессионному договору с Менеликом, правление компании Шеффно заключило 6 февраля 1902 г. конвенцию с губернатором Французского Сомали Бонуром о передаче контроля над дорогой в руки правительства Франции за денежную субсидию, выплачиваемую компании в течение 99 лет в сумме 500 тыс. фр. в год.

Основные пункты соглашения были таковы:

1) компания реорганизуется на основе французских законов; ее правление будет находиться в Париже;

2) увеличение акционерного капитала и эмиссия облигаций компании, постройка железнодорожных веток, а также передача в аренду или продажа железной дороги возможны только с согласия французского правительства;

3) охрану железной дороги на всем ее протяжении должна осуществлять французская полиция;

4) французское правительство может купить у компании железную дорогу от порта Джибути до реки Аваш (579 *км*) в любое время начиная с 1 января 1920 г.;

5) в случае невыполнения компанией условий концессии французское правительство может расторгнуть договор и конфисковать железную дорогу;

6) по истечении срока концессионного договора железная дорога переходит в полную собственность французского правительства [6].

Обе палаты парламента Франции одобрили 6 апреля 1902 г. закон о субсидировании компании Шеффно в течение 99 лет из расчета 500 тыс. фр. в год. Компания капитализировала правительственную субсидию за 50 лет при посредничестве двух французских страховых фирм, получив наличными 11,3 млн. фр. Из этих средств она погасила задолженность английским компаниям в сумме 3 млн. фр. и ликвидировала контракты, заключенные с «Международным эфиопским железнодорожным и строительным трестом». Она не выкупила, однако, акций и долгосрочных обязательств, приобретенных английскими фирмами. На

[6] См.: «Абиссиния», стр. 467—468; «Ethiopia observer», 1957, № 12, p. 380.

оставшиеся средства к концу 1902 г. была достроена линия железной дороги до города Диредавы (длиной 310 *км*), стоящего посреди Данакильской пустыни.

После этого работы прекратились на шесть лет. Менелик II не признал конвенцию, заключенную компанией Шеффно с французским правительством, и отказался предоставить концессию на строительство дороги от Диредавы до Аддис-Абебы. Кроме того, Менелик запретил компании пользоваться местными строительными материалами, а эфиопским купцам запретил направлять караваны с товарами из Харара в Диредаву для перегрузки их на железную дорогу. Император понимал, что, несмотря на победу у Адуа, опасность порабощения страны не ликвидирована, что не только Франция, но и Англия вынашивает планы расчленения Эфиопии. Поэтому он был вынужден сдерживать натиск одного врага, противопоставляя ему другого. Он решил ликвидировать железнодорожную монополию Франции и столкнуть Францию с Англией.

Англия в свою очередь стремилась извлечь выгоду из обострения франко-эфиопских отношений и вырвать у Эфиопии привилегии. 15 мая 1902 г. Менелик II заключил договор с Англией. Статья 5 договора обеспечивала Англии право постройки железной дороги через территорию Эфиопии из Судана в Уганду [7]. Эта дорога должна была стать важным звеном в проектируемой Англией трансафриканской железнодорожной магистрали от Каира до Кейптауна. Проведение участка дороги через высокогорное плато Эфиопии позволило бы обойти болота Нильской долины и усилить экономическую зависимость Западной Эфиопии от английского капитала.

В 1904 г., поскольку конфликт с Францией обострялся, Менелик II согласился предоставить Англии концессию на строительство железной дороги из Британского Сомали через Эфиопию в Судан, т. е. параллельно недостроенной французской железной дороге [8].

Договор 1902 г. и соглашение 1904 г. улучшили позиции Англии в Эфиопии. Печать Франции, расценивая это как поражение французского капитала, писала: «Недавно мы могли лелеять самые радужные надежды относительно нашего положения в Эфиопии. Мы имели железнодорожную монополию, представлявшую собой прекрасный инструмент для проникновения в страну. Можно было сказать, что империя Менелика станет для нас колонией, из которой мы будем беспрепятственно извлекать прибыли» [9].

Британский империализм, окрыленный успехами, усилил атаку на компанию Шеффно, стремясь захватить французскую железную дорогу. В декабре 1904 г. английская печать сообщала, что «Международный эфиопский железнодорожный и строительный трест» сосредоточил в своих руках 20 тыс. трехпроцентных привилегированных акций по 500 фр. каждая и 4 тыс. обычных акций компании Шеффно.

Пресса Англии начала кампанию за «интернационализацию» железной дороги и порта Джибути. Трест стал скупать земли и дома в

[7] Договор определял западную границу Эфиопии. Менелик отказался в пользу Судана, ставшего колонией Англии, от своих претензий на границу Эфиопии по Белому Нилу; она отодвигалась на восток. Статья 3 договора обязывала правительство Эфиопии не строить и не разрешать без согласия Англии строительство каких-либо сооружений на озере Тана и реках Голубой Нил и Собат. По статье 4 Англия получала в аренду порт Гамбела на р. Баро на все время владения Суданом (с образованием в декабре 1956 г. независимой Республики Судан порт Гамбела возвращен Эфиопии).

[8] Обе намеченные английские железные дороги так и не были построены вследствие сопротивления правительства Эфиопии и препятствий, чинившихся Францией.

[9] Цит. по «Ethiopia observer», 1957, № 12, p. 381.

самом городе Джибути. Президент «Международного эфиопского железнодорожного и строительного треста» лорд Честерфильд в годовом отчете о деятельности треста лицемерно писал: «Мы проводим лояльную политику поддержки правительства Франции и французской железнодорожной компании в ее предприятии. Но мы всегда считали, что только путем интернационализации железной дороги было бы возможно продолжить ее строительство и использовать железную дорогу в равной степени в интересах всех наций. Нейтрализация Эфиопии и интернационализация железной дороги была поэтому рекомендована нами в качестве наилучшего курса; это также обеспечило бы взаимопонимание, желаемую стабильность и кредит» [10].

Таким образом, английский трест намеревался захватить не только железную дорогу, но и порт Джибути, а следовательно, и все Французское Сомали, вытеснив Францию с красноморского побережья Африки.

Английская дипломатия пыталась склонить Менелика II к «интернационализации» железной дороги. «Я не могу понять,— заявил императору английский посол в Аддис-Абебе Джон Харрингтон,— как может быть сохранена независимость Эфиопии при постройке французской железной дороги от побережья к столице под контролем одного французского правительства... Железная дорога,— убеждал он,— должна оставаться на коммерческой базе и не должна быть политическим инструментом. Лучшим средством предоставления гарантий капиталу различных стран было бы разрешение капиталу всех государств участвовать в строительстве железной дороги» [11].

Итальянский посол поддержал английскую точку зрения о необходимости «интернационализации» железной дороги.

Вопрос о железнодорожной концессии перерастал в международный конфликт, угрожавший суверенитету Эфиопии. Поэтому Менелик II собрал 11 апреля 1905 г. концессионеров и дипломатических представителей иностранных держав в Аддис-Абебе и выразил сожаление по поводу заключения французской компанией в 1902 г. конвенции с правительством Франции, нарушавшей суверенные права Эфиопии и концессионный договор. Император подчеркнул, что он считал строительство дороги частным предприятием и никогда не ожидал, что она станет политическим инструментом в иностранных руках. В заключение Менелик заявил, что он будет вынужден прекратить сотрудничество с иностранными фирмами и начнет строительство дороги собственными силами.

И действительно, Менелик II попытался построить железную дорогу силами своей страны. Вскоре началась прокладка трассы, а затем возведение насыпи будущей железной дороги. Работы велись на большом протяжении, в них участвовало много людей. Однако Эфиопия не располагала капиталами, опытными специалистами и необходимым техническим оборудованием, а империалистические державы — Англия, Франция и Италия,— изолировавшие Эфиопию от внешнего мира, не допускали оказания ей помощи другими государствами.

Обострение в начале XX в. международной обстановки в связи с ростом могущества германского империализма, угрожавшего колониальным владениям европейских держав, ускорило их сговор против Эфиопии.

[10] Цит. по: ibid., p. 382.
[11] Цит. по: ibid.

В декабре 1906 г. в Лондоне было заключено тройственное соглашение о разделе сфер влияния в Эфиопии и совместной защите интересов каждой из договаривающихся сторон. Его подписали министр иностранных дел Англии лорд Грей, французский посол Поль Камбон и итальянский посол маркиз А. де Сан Джимоно. Бо́льшая часть статей (4, 5, 6, 7 и 9) касалась вопросов строительства тремя государствами железных дорог (в соответствии с зонами влияния в Эфиопии) и режима их эксплуатации. Статьи 4 (пункт b), 5 и 6 ограничивали права Франции строительством железной дороги от порта Джибути до новой столицы Эфиопии — Аддис-Абебы. Статья 6 предусматривала, что все три государства получат одинаковые права в области торговли в порту Джибути и транзита по железной дороге. Статья 7 обусловливала введение в состав правления французской железной дороги по одному представителю от Англии, Италии и Эфиопии и соответственно по одному представителю договаривающихся стран и Эфиопии в правления итальянских и английских дорог, если они будут построены. Статья 9 признавала право Англии построить железную дорогу в Эфиопии к западу от Аддис-Абебы из Судана в Кению и право Италии построить железную дорогу в том же районе из Эритреи в Итальянское Сомали. Англия могла строить также железную дорогу из Британского Сомали в Судан через Эфиопию.

Лондонское соглашение вызвало немедленную реакцию в империалистических кругах Германии. Один из депутатов рейхстага в этой связи заявил: «...Я полагаю, что мы получим нашу долю в строительстве железных дорог, которые проектируются в Эфиопии. Международный характер этих железных дорог сохранен, и это лучший способ извлекать выгоды на равных правах» [12].

Три державы, заключившие в Лондоне соглашение об Эфиопии, не сочли нужным пригласить представителей эфиопского правительства для его обсуждения. Они информировали Менелика II о своем сговоре, полагая, что он должен подчиниться их решению. 4 декабря 1906 г. император Эфиопии отверг это соглашение, заявив: «Я получил соглашение трех держав. Благодарю за ознакомление с их желанием консолидировать и поддержать независимость нашего государства. Но это соглашение, как и другие, заключенные некоторыми государствами, нарушают нашу суверенную власть; они ни в коей мере не могут связывать наши решения» [13].

Компания Шеффно, оказавшись не в состоянии выплатить свои долговые обязательства, обанкротилась. 20 января 1908 г. был издан правительственный декрет о ликвидации компании. Император Менелик II, не сумев построить железную дорогу собственными силами, передал 30 января 1908 г. концессию французу Витальену, являвшемуся в то время его личным врачом и советникам по вопросам здравоохранения. Концессия была предоставлена сроком на 99 лет со дня завершения строительства железной дороги до Аддис-Абебы и пуска ее в эксплуатацию.

Был подписан новый концессионный договор, причем Менелик значительно сократил привилегии компании и обусловил в договоре выгоды для Эфиопии. Договор гласил, что эфиопское правительство является акционером железнодорожной компании и обязуется обеспечить четвертую часть капитала в виде денег или рабочей силы. В договоре были

[12] Цит по: P. Alype, *L'Ethiopie et les convoites allemandes*, Paris, pp. 215—216.
[13] Цит. по: «Ethiopia observer», 1957, № 12, p. 385.

воспроизведены некоторые статьи концессионного договора 1894 г., в частности о переходе железной дороги по истечении срока договора в собственность Эфиопии. Некоторые статьи были заимствованы из конвенции 1902 г., заключенной компанией Шеффно с французским правительством, но вместо последнего во всех статьях называлось правительство Эфиопии. Компания обязывалась сообщать эфиопскому правительству сумму своих капиталов; ей запрещалось увеличивать их без разрешения правительства Эфиопии. Компания должна была согласовывать с правительством Эфиопии режим работы железной дороги, а также кандидатуры председателя правления компании и ее представителей в Аддис-Абебе. Эфиопское правительство получило право назначить своего представителя в правление компании, а также контролера железной дороги.

Компания обязывалась построить параллельно железной дороге не только телеграфную, но и телефонную линию. Полоса земли вдоль железной дороги сокращалась на участке от г. Диредавы до р. Аваш до 200 *м*, а на участке от р. Аваш до Аддис-Абебы — до 50 *м*. Все имеющиеся на этой территории полезные ископаемые оставались собственностью правительства Эфиопии. Компании разрешалось получать субсидию от французского правительства только в том случае, если железная дорога будет работать с дефицитом. Запрещалось продавать железную дорогу какому-либо государству или правительству. Рента, уплачиваемая компанией правительству Эфиопии, устанавливалась в 15% чистого дохода компании, а вместе с прибылями от 8650 акций, передаваемых эфиопскому правительству, она составляла 25—28% доходов компании [14].

Характерно, что ни этот концессионный договор, ни договор 1894 г. не предусматривали подготовку национальных эфиопских кадров инженерно-технических работников для строительства и обслуживания железной дороги. А так как Эфиопия не имела собственных специалистов, это ставило ее в зависимость от иностранных технических экспертов и советников.

24 марта 1908 г. д-р Витальен создал «Компанию франко-эфиопской железной дороги от Джибути до Аддис-Абебы». Председателем правления компании стал генерал-губернатор Французского Сомали.

8 марта 1909 г. французское правительство специальным соглашением с д-ром Витальеном возложило на новую компанию груз долгов обанкротившейся компании Шеффно — выплату правительственной субсидии. Кроме того, акционеры компании Шеффно получали пятую часть акций новой компании. Соглашение утвердило акционерный капитал компании Витальена в 17 млн. фр., в том числе 2,3 млн. фр. вкладывало правительство Эфиопии.

Работы на железной дороге возобновились в январе 1909 г., и в 1914 г. линия была доведена до Акаки, в 23 *км* от Аддис-Абебы. В годы первой мировой войны строительство дороги приостановилось, и лишь в 1917 г. дорога была доведена до Аддис-Абебы [15].

Достроив железную дорогу и соорудив вдоль нее телеграфную и телефонную линию, соединенную кабелем с Европой, Франция укрепила свое влияние в Восточной и Центральной Эфиопии.

---

[14] Ibid., p. 388.

[15] Общая длина дороги 712 *км*, а с подъездными путями — 783 *км*, из которых 90 *км* во Французском Сомали. Дорога однопутная и узкоколейная (ширина колеи 1 *м*). Поезда идут только днем и в оном направлении, два раза в неделю. Поездка в один конец занимает три ня с ночевками в Диредава и Айша.

Резиденция генерал-губернатора Французского Сомали была перенесена из Обока в Джибути, который стал быстро развиваться как транзитный центр эфиопской торговли; 90% товаров, приходивших в Джибути, перегружалось на железную дорогу и отправлялось в Эфиопию. В руках французов сосредоточилось руководство работой железной дороги, деятельностью портовой службы и банка, бункерными операциями.

Железная дорога необычайно ускорила темп и увеличила объем товарооборота Эфиопии. Если караван верблюдов шел из Аддис-Абебы в Джибути 40 дней, а караван мулов — 20—25 дней, то поезд проходил это расстояние в 3 дня. Еще до завершения строительства железной дороги ее грузооборот увеличился с 6,8 тыс. *т* в 1903 г. до 10,7 тыс. *т* в 1910 г. и 30,9 тыс. *т* в 1913 г. После открытия движения на всем протяжении пути в 1918 г. по железной дороге было перевезено 36 тыс. *т* грузов, а в 1928 г., накануне мирового экономического кризиса,— 72 тыс. *т* [16]. Французская железная дорога стала основной транспортной артерией для экономически наиболее развитых провинций Эфиопии — Харара и Шоа; она обеспечила французскому монополистическому капиталу в Эфиопии большое влияние и значительные прибыли.

В 1925 г. компания повысила железнодорожные тарифы на 30%. За провоз тонны кожевенного сырья из Аддис-Абебы в Джибути эфиопские экспортеры были вынуждены платить 195 фр., тонны кофе харари — 205 фр. и тонны воска — 282 фр. [17]. Железнодорожные тарифы за перевоз тонны груза из Аддис-Абебы в Джибути оказались выше фрахтовых цен за транспортировку через океан из Джибути в Нью-Йорк [18]. Высокие железнодорожные тарифы наносили Эфиопии ущерб и как импортеру иностранных товаров. Американский вице-консул в Адене сообщал, что если ввозимый из США керосин мог быть с выгодой продан в Адене по 6,5 рупии за 8 галлонов, то в Аддис-Абебе то же количество керосина надо продавать за 14 рупий, чтобы покрыть расходы за перевозку по железной дороге [19]. За провоз из Джибути в Аддис-Абебу тонны грубой хлопчатобумажной ткани (абуджедит), идущей на одежду эфиопских крестьян, уплачивалось 600 фр., а на железных дорогах Франции провоз товаров на такое же расстояние стоил вдвое дешевле [20].

Франция осуществляла контроль над внешней торговлей Эфиопии, так как по железной дороге шло 75—80% всего товарооборота страны. Прибыли французской железнодорожной компании за период 1923—1929 гг. возросли с 3 до 5% на каждую 500-франковую акцию. В 1933 г. доходы компании составили 28 млн. фр., а расходы — 14,4 млн. фр. [21].

Повышение тарифных ставок на французской железной дороге отразилось и на положении трудящихся Эфиопии. Помещики усиливали эксплуатацию крестьян, а купцы снижали закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, стремясь получить побольше дешевых товаров, чтобы выдержать конкуренцию на внешних рынках после опла-

---

[16] E. de Felcourt, *L'Abyssinie*, Paris, 1911, p. 184; «Abyssinia handbook», № 129, London, 1920, pp. 80—82; Г. Крейтнер, *Абиссиния*, М., 1937, стр. 79.

[17] «Courier d'Ethopie», 11.III.1925.

[18] Loder J. Park, *Ethiopia. Commercial and economic survey*, Washington, 1927, p. 11.

[19] «Ethiopia observer», 1957, № 12, p. 388.

[20] Ibid.

[21] Ibid.

гическое значение в подготавливаемом ею захвате Эфиопии. Итальянская печать оптимистически предсказывала, что «всякий, кто идет навстречу развивающейся эфиопской экономике, скоро будет пожинать плоды» [31].

Италии, однако, не удалось «пожать плоды» ввиду вмешательства Франции и саботажа соглашения правительством Эфиопии, опасавшимся проникновения итальянского империализма в сердце страны. Провал этой затеи вызвал бурю возмущения в правящих кругах фашистской Италии, усиление подрывной деятельности ее агентуры в Эфиопии и военные приготовления Италии. «Мы не можем не помнить,— писала итальянская газета,— что Эфиопия открыто саботировала проведение в жизнь весьма скромной конвенции экономического и политического характера, которая была единственной компенсацией за колоссальные выгоды, обеспеченные Эфиопии и ее правительству договором о дружбе 1928 г.» [32].

Готовясь к захватнической войне против Эфиопии, Италия постаралась обеспечить благожелательный нейтралитет Франции. Последняя пошла на уступку правительству Муссолини ради сближения с Италией против германской опасности в Европе, а также надеясь на совместный раздел Эфиопии.

7 января 1935 г. в Риме между Лавалем и Муссолини было подписано соглашение об урегулировании взаимных претензий Франции и Италии по колониальным вопросам в Африке. Франция уступала Италии часть территории своей колонии Сомали, передавала ей 20% акций железной дороги Джибути — Аддис-Абеба и — самое главное — соглашалась на захват Италией Эфиопии.

Во время итало-эфиопской войны (1935—1936 гг.) французское правительство вероломно нарушило условия концессионного договора. Охрану железной дороги на всем ее протяжении осуществляли присланные из Джибути французские войска. Французская администрация не разрешила использовать дорогу для переброски эфиопских войск, военных материалов и продовольствия, мотивируя это нежеланием подвергать ее бомбардировке итальянской авиацией. Администрация Французского Сомали задержала до конца войны в порту Джибути все закупленное правительством Эфиопии за границей оружие, боеприпасы и даже противогазы [33].

31 июля 1936 г. было подписано франко-итальянское соглашение о совместной эксплуатации железной дороги в торговых целях на паритетных началах. Это соглашение продлевалось каждые три месяца до объявления Италией войны Франции, когда итальянцы захватили дорогу в свои руки.

После разгрома итальянских оккупационных войск в Африке и восстановления независимости Эфиопии (1940 г.) восточная часть страны была оккупирована «союзническими» английскими войсками, а железная дорога перешла под контроль британской военной администрации. Правительство Эфиопии было вынуждено согласиться на эксплуатацию железной дороги Англией без какой-либо компенсации.

Восстановив с помощью эфиопских рабочих под руководством английских инженеров движение на участке железной дороги Аддис-Абеба — Диредава, военная администрация направляла идущие из Эфиопии грузы в Британское Сомали [34]. Она вывезла итальянских военнопленных, трофейное оружие, боеприпасы, самолеты, автомобили и другое итальянское имущество, по праву принадлежавшее народу ограбленной Эфиопии. В то же время эфиопские товары: пшеница, масличные семена, кожи и шкуры, предназначенные для экспорта, лежали под открытым небом на станциях и вдоль железной дороги и гибли под дождями, ожидая очереди для погрузки.

Наконец, в декабре 1944 г. английское правительство дало согласие освободить железную дорогу в течение трех месяцев после получения формального заверения эфиопского правительства о передаче железной дороги французской компании без какого-либо нарушения ее интересов. Печать и общественность Эфиопии требовали национализации железной дороги, поскольку французская компания нарушила условия концессионного договора в период итальянской агрессии. Но правительство Эфиопии не решилось на этот шаг. Железная дорога была сдана английской администрацией правительству Эфиопии лишь в 1946 г. и в очень тяжелом состоянии. Весь подвижной состав, службы, административные и жилые помещения требовали капитального ремонта. Потери и разрушения, причиненные железной дороге за годы британского хозяйничанья, исчислялись в сумме 318,3 тыс. ф. ст. [35].

В 1946 г. французская компания совместно с эфиопским правительством начала восстановление дороги, причем были расширены склады, мастерские, введены некоторые усовершенствования: освещение железнодорожных станций, тепловозы и т. д. В 1955 г. эфиопское правительство купило 17 локомотивов [36]. Обновленный подвижной состав насчитывал 58 паровозов, 18 тепловозов, 63 пассажирских и 664 товарных вагона [37].

Железная дорога снова стала играть важную роль в экономической жизни Эфиопии. В 1952 г. по ней было перевезено 543 тыс. пассажиров, 270 тыс. *т* грузов, в том числе 92 тыс. *т* импортных грузов, 120 тыс. *т* экспортных и 58 тыс. *т* внутригосударственных перевозок [38]. Французская компания установила высокие железнодорожные тарифы, в шесть раз превышавшие тарифы железных дорог Англии [39]. За перевозку между Джибути и Аддис-Абебой тонны нефти взималось 80 эф. долл., тонны кож и шкур — 60 эф. долл. [40] и т. д.

Эфиопское правительство, стремясь ослабить зависимость своей внешней торговли от французской железной дороги, стало энергично развивать строительство автомобильных дорог. В феврале 1951 г. оно подписало соглашение с правительством США о восстановлении и строительстве шоссейных дорог в Эфиопии с помощью американских фирм [41]. С объединением в 1952 г. Эфиопии с Эритреей в федеративное государство началась прокладка дорог, соединяющих Аддис-Абебу с эритрейскими портами Ассаб и Массауа, что сильно встревожило акционеров французской железной дороги. Английская газета «Глазго

---

[31] Цит. по газ. «Заря Востока», 30.I.1929.
[32] «Tribuna», 17.II.1932.
[33] В. И. Козлов, *Итало-эфиопская война 1935—1936 гг.*, Диссертация, М., 1950, стр. 213.
[34] «War Office. British military administration on occupied territories in Africa during the years 1941—1943», p. 10.
[35] «Ethiopia observer», 1957, № 12, p. 389.
[36] «Report on external trade of Ethiopia», August 1956, p. 283.
[37] «Ethiopia observer», 1957, № 12, p. 384.
[38] «Guide book of Ethiopia», Addis Ababa, 1954, p. 317.
[39] «The Times», 19.IV.1952.
[40] «Ethiopia observer», 1957, № 12, p. 391.
[41] «Treaties and international acts», ser. 2312, Washington, 1951.

геральд», со злорадством отмечая обострение американо-французских отношений в Эфиопии, писала: «Американцы считают, что железная дорога (Аддис-Абеба — Джибути) не может разрешить проблему коммуникаций Эфиопии»[42]. По мнению газеты, с окончанием строительства шоссейных дорог основной поток грузов в Эфиопию из-за границы пойдет именно по ним, что неизбежно приведет к замиранию деятельности французского порта Джибути.

В Эфиопию зачастили американские и французские эксперты по дорожным делам и высшие государственные чиновники. Руководитель строительства общественных дорог США Макдональд совершил длительную поездку по Эфиопии, чтобы, как указывала эфиолская печать, «получить из первых рук представление о системе эфиопских дорог и их состоянии»[43]. Французские колониальные власти в свою очередь направили в Аддис-Абебу бывшего премьер-министра Рене Мейера для переговоров о строительстве новой железнодорожной линии, чтобы сделать дорогу более рентабельной. В интервью корреспонденту газеты «Этиопиен геральд» Мейер заявил, что доведение железнодорожной линии до провинции Сидамо могло бы повысить ценность этого богатого района и прочнее связать торговлю Эфиопии с портом Джибути[44].

Однако правительство Эфиопии не было намерено идти навстречу желаниям французского империализма.

С установлением автомобильного сообщения между Аддис-Абебой и портами Ассаб и Массауа, а также с развитием авиационного транспорта и восстановлением железной дороги в Эритрее (Массауа — Асмара — Агордат) длиной 325 *км* французская железная дорога стала испытывать все возрастающую конкуренцию. В результате в 1955 г. по ней было перевезено лишь 26,9% всего экспорта. В течение трех лет (1953—1955 гг.) железная дорога перевозила более дорогостоящие товары: 80% экспортируемого кофе и почти все импортируемые хлопчатобумажные товары и хлопок. Остальные товары эфиопского экспорта стали перевозить главным образом автотранспортом из Аддис-Абебы в порт Ассаб.

В 1956 г. было перевезено (в *т*)[45]:

	По железной дороге Аддис-Абеба — Джибути	Автотранспортом через Ассаб
Кожи	1207	1 820
Шкуры бычьи	255	976
Шкуры овечьи	740	1 034
Бобовые	1589	23 387
Масличные	3386	13 847
Итого . . .	7177	41 064

Перевозка пассажиров по железной дороге тоже сильно сократилась: с 543 тыс. пассажиров в 1952 г. до 342 тыс. в 1956 г. Железная дорога стала превращаться в убыточное предприятие. Если в 1953 г. французская компания получила 263 млн. фр. чистой прибыли, то 1956

[42] См. «Новое время», 1953, № 47, стр. 31.
[43] См. «Труд», 21.XI.1953.
[44] «Contemporary review», 1954, № 1061, p. 268.
[45] «Ethiopia observer», 1957, № 12, p. 389.

эксплуатационный год она закончила с убытком в 26 млн. фр.[46]. Обеспокоенное за свои позиции в Эфиопии, правительство Франции пришло на помощь компании. Ей был предоставлен заем для переоборудования дороги в сумме 384 млн. фр. (из расчета 6% годовых), гарантируемый французским правительством. Компания была вынуждена снижать тарифы, чтобы обеспечить загрузку дороги.

Правительство Эфиопии стремится использовать франко-американское соперничество для ослабления позиций обеих империалистических держав. Вместе с тем иностранный капитал испытывает возрастающее сопротивление всех прогрессивных сил Эфиопии и в первую очередь — пролетариата.

На железной дороге занято около 5 тыс. эфиопских рабочих. Административно-технический персонал дороги — европейцы (французы, итальянцы и др.). Положение местных рабочих тяжелое. Неквалифицированный рабочий получает мизерную плату — 1,3 эф. долл. в день. Заработная плата рабочих-европейцев в несколько раз выше, чем эфиопов, выполняющих ту же работу; кроме того, компания обеспечивает им квартиру. Рабочий день на железной дороге длится 12 часов с перерывом на обед и отдых в жаркую пору дня.

Рабочие-железнодорожники — наиболее передовой и сплоченный отряд пролетариата страны. Но им только в 1947 г. удалось создать свой профессиональный союз — «Союз эфиопских рабочих-железнодорожников». Руководит профсоюзом комитет, состоящий из 12 человек. Члены профсоюза платят ежемесячный взнос в размере 1 эф. долл. Цели союза: защита общих интересов рабочих, улучшение условий их жизни и труда, защита интересов членов союза, оказание помощи рабочим во время болезни, при несчастных случаях, в старости, забота о повышении квалификации и образования рабочих. Представители союза уполномочены уставом принимать участие во всех делах, касающихся железной дороги. Французская компания долго отказывалась признать профсоюз и вступать с ним в какие-либо переговоры. Она пыталась создать свой союз, но рабочие бойкотировали его.

В 1947 г. профсоюз возглавил первую забастовку рабочих-железнодорожников, требовавших повышения заработной платы. В августе 1949 г. 600 рабочих железнодорожной станции Диредава прекратили работу и вышли на демонстрацию, требуя повышения заработной платы. Правительство жестоко расправилось с забастовщиками. В 1954 г. забастовочное движение распространилось по всей линии железной дороги. Рабочие-эфиопы требовали одинаковой заработной платы с рабочими-европейцами[47].

Эфиопские рабочие-железнодорожники борются не только за ликвидацию дискриминации в оплате труда и за улучшение своего положения, но и за ограничение деятельности иностранного капитала в Эфиопии, за развитие национальной экономики.

Возрастающее сопротивление прогрессивных сил Эфиопии хищническому хозяйничанью в стране иностранного капитала в обстановке разгала колониальной системы и возникновения в Африке новых независимых государств, успешно строящих свою национальную экономику при бескорыстной дружеской помощи Советского Союза и других социалистических стран, способствовало переходу правительства Эфиопии

[46] Ibid.
[47] «Народы Африки», под ред. Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина, М., 1954, стр. 396.

на путь более решительной борьбы за развитие независимой национальной экономики. Об этом свидетельствуют такие факты, как принятие и осуществление первого пятилетнего плана экономического развития страны (1957—1961 гг.), визит императора Хайле Селассие I в Советский Союз и Чехословакию, правительства которых согласились оказать Эфиопии финансовую и техническую помощь и поставлять необходимое промышленное оборудование для индустриализации страны.

В этих условиях французское правительство было вынуждено пойти на значительные уступки Эфиопии. 12 ноября 1959 г. был подписан новый договор между Францией и Эфиопией о железной дороге. Договор устанавливает равноправный контроль обоих правительств над железной дорогой. Франция и Эфиопия будут располагать равными долями капитала железнодорожной компании.

Таким образом, Эфиопия становится совладельцем железной дороги и получает свободный выход к морю через Джибути.

С. А. Кузьмин

«ПЛАН КОЛОМБО» И ПРОБЛЕМЫ АФРО-АЗИАТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Происки империалистических держав, направленные на то, чтобы удержать слаборазвитые страны в орбите капиталистического хозяйства, продолжить эксплуатацию их как аграрно-сырьевых придатков, вызывают растущее сопротивление этих стран. Несмотря на широко рекламируемые программы империалистической «помощи», слаборазвитые страны все больше убеждаются в том, что их интересы и интересы империалистических держав несовместимы, что империализм ищет новые формы для сохранения старого содержания — эксплуатации стран Азии, Африки и Латинской Америки именно как отсталых в экономическом отношении стран. С особой силой это проявилось в связи с организацией европейского «общего рынка» (ЕЭС), когда перед слаборазвитыми странами в полный рост встал призрак коллективного колониализма империалистических держав Европы и США. Следует учесть, что большинство стран Азии и Африки связано с Западной Европой тесными торговыми узами, получает из западноевропейских государств важнейшие промышленные товары и, в свою очередь, остро заинтересовано в европейских рынках для сбыта своей продукции. Введение странами ЕЭС высоких таможенных тарифов для стран, не входящих в «общий рынок», и другие дискриминационные меры отрицательно сказываются на экономике слаборазвитых в промышленном отношении государств Азии и Африки.

Осуществление планов «европейской интеграции» фактически предусматривает раскол слаборазвитых стран на так называемые «ассоциированные» страны и страны, которые останутся вне рамок «общего рынка». В связи с этим возникает угроза экономической изоляции ряда стран, особенно азиатских, которая, несомненно, волнует их больше, чем их непосредственные потери в результате дискриминационной экономической политики стран ЕЭС. Чрезмерные таможенные тарифы для товаров «неприсоединившихся» стран в высшей степени ослабят их конкурентоспособность и таким образом фактически закроют для них традиционные рынки Западной Европы. Несомненно, что империалистические державы используют угрозу экономической изоляции для того, чтобы толкнуть афро-азиатские страны на путь отказа от нейтралистского внешнеполитического курса, на путь экономического и политического подчинения империализму.

В качестве одного из средств противодействия этой угрозе среди слаборазвитых стран Азии и Африки все шире распространяется идея их экономического сближения и сотрудничества, создания своеобразного «общего рынка» этих стран. Сама по себе эта идея весьма

плодотворна: она предполагает расширение обмена между странами Азии и Африки, координацию планов их экономического развития, разделение труда и наиболее целесообразное использование имеющихся ресурсов.

Однако исторический опыт показывает, что не при всяких условиях осуществление этой идеи может быть успешным. Стремление молодых государств Азии к тесному сотрудничеству уже было однажды использовано империалистическими державами в своих интересах. Речь идет о так называемом плане Коломбо.

Основные факты, относящиеся к «плану Коломбо», заключаются в следующем.

«План совместного экономического развития стран Южной и Юго-Восточной Азии», или «План Коломбо», был принят на конференции министров иностранных дел стран — членов Британского содружества наций в январе 1950 г. в столице Цейлона г. Коломбо. В соответствии с этим «планом» страны Южной и Юго-Восточной Азии, участницы «плана Коломбо», приняли согласованную шестилетнюю программу экономического развития. Недостающие им средства должны были предоставить более развитые страны Содружества — Англия, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Общие расходы на развитие были определены в 1868 млн. ф. ст., из которых 1030 млн. ф. ст. должны были обеспечить сами страны Азии; Англия обязалась выделить 306 млн. ф. ст.[1]. Таким образом, по первоначальному замыслу «план Коломбо» представлял собой форму сотрудничества стран друг с другом и с рядом более развитых стран Британского Содружества, в том числе с Англией[2].

Инициатором создания «плана Коломбо» была Англия, и это было неслучайно. Как известно, после второй мировой войны поднялась мощная волна национально-освободительного движения. Завоевание политической независимости рядом бывших колоний Англии в значительной степени стимулировало их стремление к хозяйственной самостоятельности, к разрыву прежних колониальных экономических связей. Для сохранения этих связей английский империализм должен был создать видимость, что пресловутое Содружество перестало быть колониальной империей, а превратилось в форму экономического сотрудничества бывших колоний и метрополий. Так родилась идея о создании «плана экономического развития стран Южной и Юго-Восточной Азии». Другими словами, естественное стремление бывших колоний к координированным усилиям в деле экономического развития было использовано Англией, чтобы как-то цементировать расползающееся по всем швам Британское Содружество. Правящие круги Англии были особенно напуганы растущей популярностью идей социализма в только что освободившихся странах Азии, и «план Коломбо», по их замыслам, должен был преградить путь социализму в этих странах.

Уже в первых работах, посвященных «плану Коломбо», объединение слаборазвитых стран Азии под эгидой империалистических держав и «помощь» им в развитии экономики выдвигались в качестве неотложной задачи по спасению «свободного мира» от «сокрушающего удара»

[1] Л. Фитуни, *«План Коломбо» и Юго-Восточная Азия*, М., 1960, стр. 12; «New horizons in the East. The Colombo Plan for cooperative economic development in South and South East Asia», London, 1950, p. 16.

[2] J. Carr-Gregg, *The Colombo Plan. A commonwealth program for South-East Asia*, New York, 1951, pp. 22—23; «The Colombo Plan for cooperative economic development in South and South-East Asia. Proceedings of the meetings of the Consultative Committee», Seattle, Washington, 1958, p. 20.

социализма[3]. Немаловажную роль при создании «плана Коломбо» сыграли и межимпериалистические противоречия, желание Англии соорудить барьер против экономической и политической экспансии США в странах Содружества[4].

Первоначально в «плане Коломбо» участвовали Англия (вместе с Малайей, Сингапуром и Британским Борнео), Австралия, Канада, Новая Зеландия, Цейлон, Индия, Пакистан. В дальнейшем, однако, состав этой группировки непрерывно растет, в том числе и за счет стран, не входящих в Британское Содружество. В феврале 1951 г. в «план Коломбо» вступили США; в 1954 г. членом «плана» стала Япония[5]. В этот же период круг стран — участниц этой организации расширился за счет других слаборазвитых стран Азии — Индонезии, Бирмы, Таиланда, Филиппин и др. Со вступлением США в деятельности «плана Коломбо» еще более явственно проступает его антикоммунистическая направленность[6].

Включение США и Японии в «план Коломбо» обострило межимпериалистические противоречия в Азии. На протяжении всех последующих лет за фасадом организации, призванной оказывать помощь слаборазвитым странам, шла ожесточенная борьба за политическое и экономическое влияние в этих странах. В результате империалистические державы все больше и больше отходили от принципов, под которыми они торжественно подписались при вступлении в «план Коломбо», а сам «план» все больше превращался в формальную, лишенную жизни схему.

Нынешняя организационная структура «плана Коломбо», так же как и его функции, весьма неопределенна. Высший руководящий орган «плана Коломбо» — Консультативный комитет, состоящий из представителей стран-участниц в ранге министра, собирается на сессии обычно раз в год. На этих сессиях участники обмениваются информацией о ходе экономического развития, представляют просьбы своих правительств о помощи на следующий год.

Как отмечалось выше, в начале существования «плана Коломбо» страны Азии, участвующие в нем, приняли согласованные «шестилетние планы развития», которые предусматривали основное направление развития каждой страны и взаимопомощь. В дальнейшем, однако, оказалось, что эти планы приняты без учета действительных потребностей этих стран, и через несколько лет они были заменены национальными планами экономического развития. Таким образом, скоординированное экономическое развитие стран Южной и Юго-Восточной Азии потерпело неудачу.

В настоящее время «план Коломбо» даже формально не имеет общей программы развития стран Южной и Юго-Восточной Азии. Консультативный комитет и другие руководящие органы «плана Коломбо» получают лишь информацию о национальных планах экономического развития стран района, обсуждают эти планы и принимают решения и рекомендации, ни для кого не являющиеся обязательными.

Характерно, что «помощь» по «плану Коломбо» предоставляется на основе прямых двусторонних соглашений между страной, получающей «помощь», и страной, предоставляющей ее, а руководящий орган «плана Коломбо» лишь фиксирует в конце года размеры поступлений

[3] «New horizons in the East...», p. 13.

[4] «What is the Colombo Plan?», London, 1955, p. 2.

[5] F. Benham, *The Colombo Plan and other essays*, London — New York, 1956, p. 1.

[6] См., например: «Canada and the Colombo Plan», Toronto, 1961, p. 2.

«помощи» в те или иные страны своего района[7]. На этом основании в актив «плана Коломбо» зачисляются всевозможные поступления из самых различных источников, в том числе и из источников, не имеющих прямого отношения к «плану». Так, в сумму «помощи», предоставленной по «плану Коломбо», включаются субсидии и займы США странам Азии по «Закону о взаимном обеспечении безопасности», кредиты Международного банка реконструкции и развития (МБРР) и др. Полученные в результате таких подсчетов завышенные цифры используются империалистическими державами в пропагандистских целях. По данным Консультативного комитета, за 12 лет существования «плана» (1950—1961) страны Южной и Юго-Восточной Азии получили «помощь» в размере около 10 млрд. долл. Подавляющая часть этой «помощи» предоставлена Соединенными Штатами (8,3 млрд. долл.), в том числе по «Закону о взаимном обеспечении безопасности». Около 1,1 млрд. долл. ассигновал МБРР. Англия предоставила «помощь» всего лишь на сумму 182,8 млн. ф. ст. (ок. 512 млн. долл.). Бóльшую часть английской «помощи» составила выплата стерлинговой задолженности странам Азии[8]. Основная часть всей иностранной «помощи» приходится на американские поставки продовольствия и товаров широкого потребления, тогда как удельный вес «помощи на нужды экономического развития» (поставка оборудования, обучение студентов, посылка специалистов) невелик.

Уже сама целенаправленность технической «помощи» проливает свет на истинные цели США и других развитых в экономическом отношении капиталистических стран, участвующих в «плане Коломбо». Значительная часть предоставленных средств идет на развитие транспорта, энергетики, сельского хозяйства, «улучшение» административного аппарата. На расширение промышленности выделяется в среднем около 8% всех ассигнований[9]. Однако в промышленности, как правило, используется намного меньше выделенных средств. Это объясняется главным образом тем, что империалистические державы чинят различные препятствия в получении промышленного оборудования, часто срывают сроки поставок, резко завышают стоимость оборудования, поставляемого в счет «помощи» и займов. Апологеты империализма выдают антииндустриальную направленность «плана Коломбо» за его высшее достоинство. Так, английский экономист Фр. Бенхэм писал: «На мой взгляд, совершенно правильно, что программы развития большинства стран этого района (стран Юго-Восточной Азии, участниц «плана Коломбо».—*С. К.*) состоят главным образом из проектов по увеличению урожайности, улучшению транспорта и развитию электроэнергетики»[10]. Таким образом, империалистические державы используют «помощь» для создания так называемой экономической инфраструктуры в странах Азии и облегчения деятельности монополий в них, с одной стороны, и для увековечения аграрно-сырьевой направленности экономики этих стран, с другой. Империалистические державы «соглашаются» предоставить «помощь» и на развитие тяжелой промышленности, однако лишь тем странам, где растущее влияние социалистических государств вынуждает их на это.

[7] «12th Colombo Plan Consultative Committee meeting in Tokyo», — «Asian affairs», Tokyo, 1961, January, p. 3.

[8] «The Colombo Plan for cooperative economic development in South and South-East Asia. Tenth annual report of the Consultative Committee», London, 1961, pp. 23, 204, 213.

[9] «New horizons in the East...», p. 16.

[10] F. Benham, *The Colombo Plan and other essays*, p. 6.

За годы независимости некоторые страны Южной и Юго-Восточной Азии добились определенных успехов в своем экономическом развитии, которые империалисты зачастую приписывают «плану Коломбо» и экономической «помощи» развитых капиталистических стран. Между тем эти успехи в первую очередь — результат титанических усилий самих стран Азии. Большую и плодотворную помощь ряду этих стран оказали Советский Союз и другие социалистические государства. Что касается империалистической «помощи», то она не только не была решающим фактором развития стран Азии, но, напротив, в ряде случаев содействовала нецелеустремленному и непроизводительному расходованию ресурсов этих стран. Ни для кого не является тайной, что ряд объектов, строящихся и построенных с помощью Соединенных Штатов в странах—союзницах США по военным блокам, носит военно-стратегический характер. Между тем на строительство этих объектов были затрачены и большие средства азиатских стран, союзников США.

Займы, которые предоставляют США странам Южной и Юго-Восточной Азии, даются на маловыгодных условиях и дополнительным бременем ложатся на экономику этих стран. Так, с 1950 по 1959 г. Экспортно-импортный банк США предоставил странам «плана Коломбо» займы в размере 305 млн. долл. За этот же период по этим займам было выплачено 126,6 млн. долл. в счет процентов и погашения основной суммы[11]. Таких примеров можно привести много.

Немалое место в деятельности империалистических держав в рамках «плана Коломбо» занимает пропаганда капиталистического пути развития и эффективности «частной инициативы». Приток частного иностранного капитала в слаборазвитые страны преподносится как благо, как важный фактор их экономического развития. Между тем факты свидетельствуют о хищнической эксплуатации этих стран монополистическим капиталом, о стремлении его как можно быстрее получить прибыль, не заботясь о будущем страны, которой оказывается «помощь». Так, согласно данным ООН, импорт частного иностранного капитала в слаборазвитые страны Азии, Африки и Латинской Америки с 1953 по 1958 г. составил 7,6 млрд. долл., а вывоз прибылей за этот же период — 13,8 млрд. долл. Эти цифры говорят сами за себя.

Факты о характере «Плана Коломбо», приведенные выше, свидетельствуют о том, что, несмотря на всю пропагандистскую шумиху западных держав, «план Коломбо» так и не стал действенным органом экономического сотрудничества стран Азии, координатором их совместных усилий по преодолению экономической отсталости и ликвидации зависимости их экономики от мирового капиталистического рынка.

В чем же главные причины неудачи «плана Коломбо» как опыта экономического сотрудничества стран Азии, к тому же при «помощи» развитых капиталистических стран? Эти причины, на наш взгляд, заключаются в следующем.

Во-первых, участие этих развитых капиталистических стран в осуществлении «плана Коломбо» не является бескорыстным. Прикрываясь словами о «помощи» слаборазвитым странам, капиталистические государства просто-напросто используют обстановку для достижения своих собственных экономических или военно-политических целей. Империалистические державы, а также их союзники — Австралия, Канада, Новая Зеландия — в первую очередь стремятся обеспечить себе выгодные рынки сбыта, источники сырья и сферу приложения капитала. США, Англия,

[11] Л. Фитуни, *«План Коломбо» и Юго-Восточная Азия*, стр. 106.

Япония даже не скрывают, что их «помощь» и капиталовложения в странах Южной и Юго-Восточной Азии призваны «создать климат» для деятельности частного иностранного капитала в этих странах [12].

Наряду с экономическими интересами западных держав в Азии не менее, а может быть и более важную роль играют политические соображения. Все действия США и их союзников в данном районе проникнуты духом антикоммунизма, стремлением удержать слаборазвитые страны от «соблазна» пойти по пути социализма, убедить их в прелестях капиталистического «рая» и всемогуществе частной инициативы. Показательно в этом смысле выступление президента США Эйзенхауэра на очередной сессии Консультативного комитета «плана Коломбо» в Сиэтле (США, 1958 г.): «Если нашей стране суждено оказать большую помощь менее развитым странам, то ее частный капитал необходимо использовать в максимальной степени. Правительство США в настоящее время изучает, как лучше сделать это. Я уверен, что мы найдем способ повысить конструктивную роль частных инвестиций в стимулировании роста менее развитых районов. Было бы желательно, чтобы менее развитые нации также полностью использовали возможности частной инициативы. В целях создания благоприятного климата для внешних инвестиций крайне необходимо обеспечить будущим частным вкладчикам гарантии неприкосновенности их капитала и предоставления возможностей для его продуктивного использования» [13].

Империалистические державы в своих отношениях с остальными странами — участницами «плана Коломбо» руководствуются не столько интересами этих стран, сколько своими собственными эгоистическими интересами. Они используют «помощь» в первую очередь как орудие конкурентной борьбы. Все это во многом обусловило малую эффективность «помощи» и сотрудничества в рамках «плана», недостаточный учет национальных интересов слаборазвитых стран, входящих в него, невыполнение намеченных программ.

Вторая причина неудачи «плана Коломбо» заключается в том, что он не обеспечен собственными финансовыми средствами, которыми могли бы распоряжаться сами страны Азии в согласованном порядке; в его компетенцию входит по существу лишь регистрация поступлений иностранной «помощи» в страны Азии. Американская «помощь» (а она составляет четыре пятых всех поступлений) распределяется самими США в зависимости от их собственных экономических и политических планов и симпатий в отношении той или иной страны. Аналогичным образом поступают и другие империалистические державы.

Таким образом, средства, предоставляемые как «помощь» по «плану Коломбо», фактически имеют очень отдаленное отношение к самому «плану». «План Коломбо» используется империалистическими державами как ширма, прикрывающая их политику в Южной и Юго-Восточной Азии. Организация «плана Коломбо», поскольку она не распоряжается даже скудными поступлениями в виде «помощи», естественно, мало что

[12] Так, в докладе Консультативного комитета «плана Коломбо», опубликованном в декабре 1954 г., с удовлетворением отмечалось: «Многие страны плана Коломбо предприняли специальные меры по улучшению климата для иностранных инвестиций или опубликовали официальные заявления, приветствующие иностранные капиталовложения в определенные отрасли. Имеются ободряющие признаки того что эти особые усилия по поощрению участия частного иностранного капитала в ряде предприятий окажутся успешными» (цит. по кн.: «What is the Colombo Plan?», p. 3.).

[13] «The Colombo Plan for cooperative economic development in South and South-East Asia. Proceedings...», p. 4.

могла и может сделать для наиболее быстрого и эффективного координированного развития стран Азии.

Сепаратное предоставление «помощи» империалистическими державами помимо того, что оно подрывает само существование «плана Коломбо» как организации «по совместному экономическому развитию» стран Азии, вместо сотрудничества ведет к расколу среди самих слаборазвитых стран, появлению чувств недоверия и нездорового соперничества между ними. Пользуясь «помощью» как орудием, опираясь на силы реакции в странах Азии, империалистическим кругам США удалось вызвать раскол среди молодых азиатских государств и добиться присоединения некоторых стран «плана Коломбо» к военным блокам. Раскол стран Азии на присоединившиеся к агрессивным военным группировкам и на придерживающиеся политики позитивного нейтралитета — в настоящее время одно из основных препятствий на пути политического и экономического единения афро-азиатских стран.

Следует отметить еще один важный момент. На протяжении последних лет Соединенные Штаты неоднократно пытались связать «план Коломбо» с агрессивным военным блоком СЕАТО, подтолкнуть нейтралистские государства, входящие в «план Коломбо», к участию в этой военной группировке. В течение длительного времени делались попытки оказать нажим на Бирму и некоторые другие государства Азии с целью заставить их присоединиться к СЕАТО [14].

В известной мере как рецидив попытки создать такое экономическое сообщество азиатских стран, которое явилось бы фундаментом военных блоков СЕНТО и СЕАТО, можно рассматривать образованную в 1960 г. так называемую Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСА), в которую вошли Филиппины, Малайя и Таиланд. АСА неоднократно делала попытки расширить свой состав за счет других азиатских государств. Как недвусмысленно намекнул в своем заявлении в феврале 1962 г. вице-президент Филиппин Э. Пелаэс, для создания азиатского экономического блока, угодного империалистическим державам, блока, который явился бы придатком СЕАТО, может быть использована организация «плана Коломбо» [15]. Другими словами, трудности, испытываемые странами «плана Коломбо» в связи с организацией европейского «общего рынка», угрозой экономической изоляции, используются империалистами США и их союзниками для нажима на некоторые нейтралистские государства Азии. Как заметил цейлонский обозреватель Викремасурия, «для каждого, кто следит за американской внешней политикой, очевидно, что сейчас ведется кампания шантажа с целью заставить нейтральные нации войти в состав враждебных военных пактов, направленных против Советского Союза» [16].

Стремление империалистических кругов использовать «план Коломбо» в своих экономических и военно-политических целях приводит к тому, что страны Азии, участвующие в «плане», не могут серьезно рассчитывать на эту организацию в разрешении своих насущных проблем.

Одно из основных условий для разрешения этих проблем — преодоление зависимости указанных стран от рынка развитых капиталистических государств и всех его конъюнктурных колебаний, завоевание ими равноправного положения на мировом рынке. Развитие подлинного

[14] Л. Фитуни, *«План Коломбо» и Юго-Восточная Азия*, стр. 15.

[15] «Bangkok post», 10.II.1962.

[16] «За рубежом», 1962, № 26, стр. 20.

экономического сотрудничества между самими афро-азиатскими странами — важный шаг в этом направлении.

Однако, чтобы это сотрудничество было реальным и действенным, необходимо, как это наглядно показывает урок «плана Коломбо», прежде всего освободиться от «опеки» империализма. Молодые государства Азии и Африки имеют право сами определять направление своего экономического развития, и никакая помощь извне не может служить оправданием для вмешательства в их дела.

Образец того, как общественные и деловые круги слаборазвитых стран понимают экономическое сотрудничество, можно найти, например, в обращении президента Всеиндийской организации промышленников Пураника. Осуществление «объединенной программы экономического сотрудничества» афро-азиатских стран, согласно предложениям Пураника, должно начаться со следующих трех мероприятий: 1) более полное использование сырья, производимого этими странами, для превращения его в готовую продукцию внутри афро-азиатского района; 2) согласованные действия при продаже западным державам таких товаров, как чай, кофе, каучук, во избежание конкуренции внутри района; 3) образование с согласия всех стран района общего фонда иностранной валюты для оказания помощи любой стране данного района, попавшей в затруднительное положение [17].

Конечно, эти предложения не разрешают всех экономических проблем афро-азиатских стран в связи с угрозой коллективного колониализма империалистических государств Европы и США.

Общие принципы экономического сотрудничества были заложены на Бандунгской конференции стран Азии и Африки. Эти принципы включают: товарообмен на основе взаимной выгоды и равенства; развитие торговли между нациями независимо от их социальных и экономических систем; использование природных ресурсов страны на благо ее народа; развитие экономических отношений между странами на началах равенства, без какого-либо ущерба их национальной независимости и суверенитету. Экономическая помощь иностранных государств должна предоставляться без каких-либо политических, экономических и других требований.

Решения Бандунгской конференции — важный шаг к политическому единению стран Азии и Африки на основе общности целей и задач, путь к развитию широкого экономического сотрудничества слаборазвитых стран. Успех этого сотрудничества в большой степени зависит от того, насколько всеобъемлющими будут их торговые и прочие экономические связи со всеми странами мира без дискриминации.

В своем стремлении к экономическому сотрудничеству, к освобождению от экономического давления империалистических монополий страны Азии и Африки могут опереться на мощную поддержку Советского Союза и всего социалистического лагеря. Всем памятны слова Н. С. Хрущева, сказанные им на митинге дружбы между народами Советского Союза и Республики Мали: «Прошли времена, когда империалисты без труда могли загонять народы слаборазвитых стран в безвыходный тупик, обрекать их на кабалу. Народам, освободившимся от колониального ига, теперь намного легче бороться против империализма. Мировое социалистическое сотрудничество выступает как надежный щит для народов, которые борются за свободу и прогресс» [18].

[17] «The Times of India», 31.XII.1961.
[18] «Правда», 31.V.1962.

В. В. Лопатов

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ АВСТРАЛИИ СО СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Австралия начинает играть все более заметную роль в экономических связях стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

В годы второй мировой войны австралийские монополии порядочно нагрели руки за счет поставок военной продукции и продовольствия своим союзникам по антигитлеровской коалиции. Благодаря послевоенному буму и благоприятным условиям для экспорта Австралия сумела сравнительно высоко развить сталелитейную, машиностроительную промышленность, энергетику, транспорт и другие основные отрасли тяжелой и легкой индустрии. Промышленное производство обогнало сельскохозяйственное производство и стало занимать ведущее место в экономике страны.

Валовой национальный продукт за 1952—1961 гг. вырос в неизменных ценах на 50% и в 1961/62 г. оценивался в 7327 млн. ф. ст. Ежегодные капиталовложения в экономику страны составляли 25—30% валового национального продукта [1]. Объем продукции обрабатывающей промышленности за тот же период увеличился на 85%, горнодобывающей — на 75%. В 1960/61 г. (по предварительным данным) стоимость продукции обрабатывающей промышленности составляла 2164 млн. австрал. ф., земледелия и животноводства — 1028 млн., лесоводства, охотничьего и рыболовного промыслов — 72,1 млн., горнодобывающей промышленности и карьеров — 138,7 млн. австрал. ф. [2].

Совершив беспрецедентный скачок в своем развитии, австралийский капитализм еще раз подтвердил ленинское положение о неравномерности развития капитализма на последней его стадии.

В условиях распада колониальной системы, когда многие бывшие колонии и зависимые страны в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке добились политической независимости, Австралия изменила свой изоляционистский внешнеполитический курс и стала претендовать на роль ведущей державы в бассейне Тихого океана. Будучи объектом борьбы между империалистическими государствами, Австралия сама проводит империалистическую политику, направленную на развертывание экономической и политической экспансии, на расширение сферы своего влияния и укрепление экономических позиций в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

Расширение торгово-экономических связей необходимо для развития экономики Австралии.

По объему внешней торговли Австралия занимает место в первом

[1] «Australia. A Financial times survey», 7.V.1962, pp. 3, 7; «The Economic record», September 1962, p. 303.
[2] «Quarterly summary of Australian statistics», March 1962, p. 8.

Австралийская промышленность стала в состоянии производить сложное и разнообразное оборудование (ирригационное, строительное, транспортное и энергетическое), в котором страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока испытывают острую нужду.

Австралийские фирмы расширяют экспорт автомобилей и запасных частей к ним, дорожно-строительных и горных машин, тепловозов, электровозов и железнодорожных вагонов, сельскохозяйственных машин, оптических приборов, фармацевтических товаров и т. д. Австралийским радиооборудованием оснащены крупные аэропорты Индии, Пакистана, Малайи и других стран.

Характерной чертой развития Австралии за послевоенные годы является открытие и разработка залежей железных руд, а также расширение на этой основе металлургической промышленности, в результате чего производство стали увеличилось за 1951—1961 гг. с 1444 тыс. до 3737 тыс. т; с 1956/57 г. Австралия начала экспортировать не только стальные изделия, но и дешевую сталь в Японию, Новую Зеландию и другие страны. Экспорт металлов и металлоизделий становится все более важным источником доходов.

О росте экспорта угля, руд черных и цветных металлов и полуфабрикатов говорят следующие данные: в 1959/60 г. Австралия вывезла этих видов продукции на сумму 86,6 млн. австрал. ф., а в 1960/61 г.— уже на 95,7 млн. ф., несмотря на вялый спрос на эти товары на мировом рынке.

Развитие обрабатывающей промышленности позволило также увеличить экспорт промышленных товаров и оборудования, который по стоимости увеличился с 41 млн. австрал. ф. в 1951/52 г. до 119 млн. в 1960/61 г. Растет также ввоз капитального оборудования и машин, которые составляют 80% всего импорта.

Главное место в австралийской внешней торговле пока по-прежнему продолжает занимать Англия. Однако в послевоенное время удельный вес Англии во внешней торговле Австралии заметно снижается. Доля Англии в австралийском экспорте с 54,4% в 1937/38 г. понизилась до 37,5% в 1954/55 г., до 26,1 в 1959/60 г. и до 19,5% в 1961/62 г., а в импорте — с 40,3% в 1937/38 г. до 37,7 в 1945/46 г. и 30,5% в 1961/62 г.[8].

И все же Англия пока остается основным рынком для многих важнейших предметов австралийского экспорта. Например, в 1960/61 г. на долю Англии приходилось 80% всего экспортированного Австралией масла, 55% сыра, 90 консервированных фруктов, 55 свежих фруктов. 65 мясных консервов, 40 баранины, 50 сахара, 50 свинца, 70 кожи, 55% вина[9].

Уменьшение торгового оборота с Англией и неустойчивость цен на сырье и продовольствие на мировом рынке лихорадят внешнюю торговлю Австралии. Платежный баланс Австралии из года в год сводится с дефицитом и покрывается лишь за счет иностранных займов и импорта частного капитала. За девять из шестнадцати послевоенных лет Австралия имела дефицит по текущим операциям; на 30 июня 1961 г. «чистый» дефицит по текущим операциям составлял 1607 млн. австрал. ф.[10].

[8] «Year book of the Commonwealth of Australia», N 38—42; БИКИ, 1961, приложение N 7, стр. 11; «Australia. A Financial times survey», 7.V.1962, p. 3; «Monthly summary of Australian conditions», December, 1962, p. 20.

[9] Если Англия присоединится к «общему рынку», то почти 20% австралийского экспорта будет поставлено под угрозу в связи с потерей преференций, которыми пользуется Австралия в настоящее время. По стоимости это будет составлять более 170 млн. австрал. ф. Поэтому австралийские экспортеры с большой тревогой следят за намерением Англии вступить в «общий рынок».

В то время когда Англия, подталкиваемая США, стремится влезть в петлю «общего рынка», несмотря на протесты остальных членов Британского содружества и Австралии в первую очередь, западногерманские, североамериканские, а также японские монополии устремили свои взоры на Австралию, стараясь использовать острые противоречия между нею и Великобританией, для того чтобы вытеснить последнюю с австралийского рынка.

Но вышеуказанные страны не могут предоставить Австралии таких же возможностей для сбыта сельскохозяйственной продукции и шерсти, какие она имеет в Англии. Даже Япония, претендующая на роль крупнейшего торгового контрагента Австралии, до сих пор проявляет незначительный интерес к закупкам продовольственных товаров, а США и Канада являются даже конкурентами по многим видам товаров австралийского экспорта.

Стремление Англии вступить в «общий рынок», недостаточное поглощение австралийского сельскохозяйственного экспорта английским рынком, усиливающаяся конкуренция других мировых экспортеров продовольствия (США, Канады, Аргентины)—все это вызывает серьезные опасения австралийских предпринимателей за будущее внешней торговли и за развитие национальной экономики в целом.

Недостаточный сбыт промышленных товаров на внешних рынках сдерживает ввиду сравнительной малоемкости внутреннего рынка рост промышленного производства Австралии.

Стремление правящих кругов ликвидировать чрезмерную зависимость австралийской экономики от экспорта узкого круга сельскохозяйственных товаров и расширить экспорт промышленной продукции натолкнулось на проблему внешних рынков. И эта проблема в настоящее время для Австралии стоит не менее остро, чем проблема рынков для капитализма в целом.

Для развития внешнеэкономических связей, изучения и освоения новых рынков правительство Австралии приняло некоторые срочные меры. В 1956 г. были учреждены Министерство торговли и Австралийский институт экспорта. Была создана также широкая сеть торговых представительств и миссий от Карачи до Токио.

Премьер-министр Австралии Мензис летом 1959 г. совершил вояж по 11 странам мира. Одна из главных целей поездки состояла в том, чтобы прозондировать почву о возможностях расширения австралийского экспорта и иностранных капиталовложений, а также обсудить проблему «общего рынка» и зоны свободной торговли.

В результате усиленных поисков рынков внимание австралийских промышленников и экспортеров было направлено на освоение так называемого естественного рынка Австралии, т. е. рынков стран Азии, Африки и Океании с населением, равным половине населения земного шара[11].

[10] «Australia. A Financial times survey», 7.V.1962, p. 32.

[11] Начиная с 1956 г. правительственные торговые делегации посетили Индию, Цейлон, Малайю, Сингапур и Таиланд. Торговая делегация от Австралийской федерации экспортеров посетила Филиппины, Японию, КНР и ряд других стран. В начале февраля 1954 г. австралийская торговая делегация в составе представителей торговых банков Австралии, Пшеничного комитета и т. д. побывала в Африке. Основной задачей этой делегации было выявление в южной и восточной частях Африки и на острове Маврикий рынков для сбыта промышленного оборудования, сельскохозяйственных машин, радиоприемников, пшеницы и т. д. Министр внешней торговли Австралии, призывая исполь-

Именно в расширении торгово-экономических отношений со странами этого района правящие круги Австралии увидели спасительный выход из создавшегося положения. И это вполне естественно, так как в географическом и экономическом отношениях Австралия и ее соседи в Азии являются естественными торговыми партнерами, однако расширение торговли с этими странами в прошлом ограничивалось из-за традиционных экономических связей Австралии со странами Европы.

Заметное ослабление торговых связей с Англией и неспособность австралийских товаров (более дорогих вследствие больших издержек производства и дальних перевозок) выдерживать конкуренцию на европейских и североамериканских рынках побудили австралийские монополии приложить еще больше усилий для овладения азиатскими рынками, с тем чтобы не опоздать пустить глубокие корни в экономику молодых азиатских государств на начальной стадии их экономического роста и тем самым опередить главных империалистических хищников.

Показательным в этом отношении является отход Австралии за последнее время от традиционной политики «свободных рук», проводившейся ею во внешней торговле на протяжении многих лет, и готовность австралийского правительства заключить с некоторыми странами торговые соглашения, основная цель которых — обеспечить гарантированные рынки сбыта для австралийских товаров, приспособить экономику этих стран к потребностям австралийского экспорта. Межправительственные торговые соглашения были заключены с Малайей, Цейлоном, Японией, Индонезией и другими странами.

В целях быстрейшего освоения новых рынков австралийским промышленникам и экспортерам стали предоставляться правительственные льготы и субсидии. В этих же целях поощряется вывоз капитала, являющийся в руках монополистического капитала Австралии одним из средств приспособления экономики слаборазвитых азиатских стран к нуждам австралийских монополий.

Вполне понятно, что из-за ограниченных экономических возможностей и большого спроса на капитал внутри страны размеры австралийских инвестиций в странах Азии невелики. По данным австралийской печати, они определяются примерно в 1 млн. ф. ст. в год. Тем не менее австралийский капитал не скрывает своей мечты выступить в роли «наследника» Англии в указанном районе. Австралийские капиталисты эксплуатируют два миллиона меланезийцев, населяющих восточную часть Новой Гвинеи и соседние острова, а также занимают господствующее положение в экономике английских колоний Фиджи, Соломоновых островов и англо-французских Новых Гебрид [12]. Австралийские фирмы прочно обосновались в Новой Зеландии, Малайе, Сингапуре и успешно закрепляют свои позиции в Индии, Пакистане, Индонезии и Сянгане (Гонконг). Этому в значительной мере способствует предоставление иностранным предпринимателям льгот и освобождение их от налогов в ряде стран — импортеров капитала.

Нельзя не отметить и другую, скрытую форму приложения австралийского капитала в странах Юго-Восточной Азии, а именно — помощь по «плану Коломбо», которая также используется монополиями Австра-

зовать азиатские тихоокеанские рынки, неоднократно подчеркивал, что австралийские промышленники и экспортеры не должны игнорировать небольшие рынки, которые, по его словам, «зачастую предоставляют лучшие возможности, чем некоторые обширные рынки». Часть этих небольших рынков, например острова Тихого океана, находятся недалеко от Австралии (см. БИКИ, 2.II.1954; «Advertiser», 5.I.1960.).

[12] «Международная жизнь», 1962, № 1, стр. 71.

лии в качестве подготовки для развертывания широкой экспансии в слаборазвитые страны района. За период с 1951 по 1960 г. общая сумма австралийской «помощи» азиатским странам, включая колониальные территории Австралии — Папуа и Новую Гвинею, по «плану Коломбо» и прочим статьям составила 122,5 млн. австрал. ф. [13]. Предоставляя некоторые виды так называемой технической помощи, австралийские монополии вовсе не заботятся о развитии слаборазвитых стран, а стремятся лишь расчистить дорогу для внедрения своих капиталов в экономику этих стран, обеспечить распространение своего влияния на развитие их торговли и экономики в нужном для австралийских монополий направлении.

Участие Австралии в агрессивном блоке СЕАТО также расценивается австралийскими правящими кругами как один из факторов, способствующих расширению ее экономического влияния в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, поскольку это дает возможность увеличить поставки австралийского вооружения и военной техники азиатским странам — участницам СЕАТО, что в свою очередь будет способствовать расширению военно-промышленной базы Австралии.

Однако на пути проведения своей экономической политики в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке Австралия кроме противоречий с империалистическими державами Запада, ведущими ожесточенную борьбу за сферы экономического влияния в странах этого района, встречает трудности «местного характера». Эти трудности прежде всего выражаются в «узости» азиатского рынка для австралийских промышленных товаров, так как экономика многих бывших колоний, получивших после второй мировой войны политическую самостоятельность, развивалась почти так же, как и в предвоенные годы. Относительно медленные темпы индустриализации этих стран не позволили им значительно увеличить спрос на промышленную продукцию и капитальное оборудование австралийского производства, которое к тому же не всегда было дешевле таких же товаров, экспортируемых другими странами. Кроме того, хроническая нехватка продовольствия в слаборазвитых странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока вынуждает их прибегать к большим закупкам его за границей, в том числе в Австралии. Вследствие этого доминирующую роль во внешней торговле Австралии со странами Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока продолжают играть традиционные продовольственные и сырьевые товары.

Страны этого района являются объектом ожесточенной борьбы между империалистическими державами; поэтому не удивительно, что усилению экономического влияния Австралии в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока противодействуют крупнейшие монополии США, ФРГ, Англии и особенно Японии. Однако, запутавшись в заколдованном кругу неразрешимых капиталистических противоречий, они, с одной стороны, путем экономического и политического нажима, а также острой конкурентной борьбы препятствуют усилению влияния Австралии в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, а с другой — вкладывая свои капиталы в экономику Австралии, расширяют ее промышленную базу, способствуют закреплению за ней азиатских рынков. За период 1952—1961 гг. вложения частного иностранного капитала в австралийские компании составили (на конец июня 1961 г.) 1157 млн. ф. ст. [14].

[13] «The Economic record», June 1962, p. 252.

[14] «Sydney morning herald», 16.VII.1962, p. 8.

Дело в том, что использование Австралии в качестве промышленно-сельскохозяйственной базы ввиду ее удобного географического положения по отношению к странам Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока особенно привлекательно для иностранного капитала (США, ФРГ, Франции), стремящегося проникнуть на рынки Азии, особенно стран Британского содружества, окольным путем. В связи с этим Австралия не только сама превратилась в прибыльную сферу приложения иностранного капитала и доходный рынок, но и в индустриально-аграрную базу иностранных фирм для производства и поставки товаров на рынки Азии. Перевозка товаров в страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока из Австралии обходится гораздо дешевле, чем перевозка этих товаров, например, из США или Англии.

Заокеанские бизнесмены ясно понимают, что значение Австралии как источника снабжения азиатских стран самыми различными товарами с развитием ее промышленности будет возрастать. Среди товаров, производство которых в Австралии увеличивается, а спрос в азиатских странах растет, в первую очередь следует назвать уголь, сталь и стальные изделия, медь, цинк, свинец, различные виды промышленного оборудования, а также некоторые потребительские товары.

Кроме того, Индия, Бирма, Индонезия, Цейлон и многие другие государства, завоевавшие политическую независимость, прилагают немалые усилия для создания и развития независимой национальной экономики. Близость их к Австралии вызывает у них заинтересованность в развитии всесторонних экономических и торговых отношений с этой страной, поскольку Австралия как крепнущее в промышленном отношении государство имеет большие потенциальные возможности для удовлетворения растущих потребностей этих стран в различных видах промышленного и строительного оборудования, транспортных средствах, ирригационном оборудовании, а также в сырьевых материалах и полуфабрикатах, необходимых для функционирования вновь построенных промышленных предприятий, это создает благоприятные условия для развития торговли между ними и Австралией.

Учитывая такие благоприятные перспективы, а также большие выгоды от приложения капитала в самой Австралии, иностранные монополии, и прежде всего англо-американские, усиленно внедряются во все сферы ее экономики. Только в 1960/61 г. приток иностранного капитала составил 228 млн. ф. ст., что почти на 40 млн. больше, чем в 1959/60 г., и на 100 млн. больше вложений 1958/59 г. О накале борьбы англо-американских монополий за господство в экономике страны говорит тот факт, что за 1955/56—1960/61 гг. доля английских инвестиций во всех иностранных капиталовложениях уменьшилась с 62 до 46%, а американских — повысилась с 27 до 37% [15]. Последнее обстоятельство дает основание высказать мысль, что расширение экономического влияния Австралии в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока происходит не только в силу экономического развития Австралии и стремления австралийской буржуазии расширить свое влияние на рынках азиатских стран, но и за счет усиленного проникновения иностранного капитала в ее собственную промышленность. Безусловно, что расширение торговых связей Австралии со странами Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока сопровождается обострением противоречий между местным и иностранным капиталом, проникшим в экономику Австралии.

[15] Ibid.

Перейдем к более конкретному рассмотрению внешней торговли Австралии со странами Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

После второй мировой войны экспорт Австралии в страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока имеет ярко выраженную тенденцию к увеличению, достигнув в 1961/62 г. примерно 33% общей суммы ее экспорта, в то время как в 1950/51 г. он был на уровне 14,5%, а в 1937/38 г. составлял всего 9% [16]. И если в 1938/39 г. ее экспорт в эти страны составлял 15,5 млн. австрал. ф., то в 1955/56 г. он увеличился почти до 163 млн., а в 1961/62 г. — уже до 359,6 млн. ф. [17]. При этом следует отметить, что основным товаром, за счет которого увеличивается австралийский экспорт, является шерсть; на нее падает почти половина стоимости экспорта Австралии в страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока: в 1955/56 г. — 43,5%, в 1956/57 г. — 45,2%, и в 1957/58 г. — 47,1%.

Австралийский импорт из азиатских стран в абсолютных цифрах также имеет тенденцию к росту, хотя этот рост менее значителен и стабилен. Например, в 1959/60 г. по сравнению с 1955/56 г. экспорт в Азию вырос на 4,06%, а импорт — всего на 2,37%.

Наиболее важными видами товаров, импортируемых Австралией из Азии, являются нефть и нефтепродукты, хлопок и хлопчатобумажные ткани, чай, лесоматериалы, олово (перечислены в порядке их удельного веса в импорте).

Об изменениях масштаба торговли Австралии с различными странами мира, происшедших за 1952—1961 гг., красноречиво говорит табл. 2.

Таблица 2

Географическое распределение внешней торговли Австралии*

Страны	Экспорт, %		Импорт, %	
	1952 г.	1961 г.	1952 г.	1961 г.
Западноевропейские	58,9	47,8	61,7	50,7
Европейские социалистические	2,6	2,9	1,0	0,5
Североамериканские	13,8	9,5	11,8	20,4
Азиатские	14,4	26,0	16,3	16,0
Новая Зеландия	3,4	6,1	0,7	1,6
Прочие	6,9	7,7	8,5	10,8

* «The Financial times», 7.V.1962, Suppl., p. 7.

Особого внимания заслуживает расширение торговли Австралии с Японией.

Япония занимает второе место после Англии в австралийском экспорте. В настоящее время она закупает 17,3% товаров, экспортируемых Австралией, а Великобритания — 19,1%. Япония превратилась в основного потребителя австралийской шерсти. Например, в 1959/60 финансовом году Япония закупила четвертую часть всей австралийской шерсти,

[16] «Australia. A Financial times survey» 7.V.1962, p. 7; «The Australian quarterly», June 1962, p. 11; БИКИ, 24.I.1963.

[17] «Far Eastern economic review», 1961, N 13, p. 644; 1962, N 1, p. 25; «The Australian quarterly», June 1962, p. 11; БИКИ, 27.I.1963.

поставленной на экспорт, а в 1960/61 г. — уже третью часть, или почти в два раза больше, чем Англия; темпы японских закупок шерсти продолжают нарастать.

Заключение австралийско-японского соглашения о закупке свинца, меди и угля благоприятно сказывается на развитии горнорудной промышленности Австралии. Японские монополии заинтересованы в закупках австралийского урана, циркония, рутила, ильменита и т. д. Поэтому японские концерны проявляют немалый интерес к развитию австралийской горнодобывающей промышленности в целях получения дешевых руд, минералов и угля. Японская фирма «Банно энд компани» создала на австралийской Новой Гвинее компанию для разработки залежей руды и других полезных ископаемых. Концерн «Мицуи» располагает контрольным пакетом акций австралийской горнорудной компании «Рэвенстроп майнз» в Западной Австралии, занимающейся добычей медных и урановых руд. Проникновение японского капитала в горную промышленность Австралии продолжается.

Посетившая Австралию в начале марта 1961 г. группа японских промышленников, изучавшая возможности участия в разработке железорудных запасов в Западной Австралии, нашла выгодным создание австралийско-японского акционерного предприятия. Президент «Фучжи айрон энд стил компани» Нагано высказался в пользу участия японского капитала в разработке австралийских залежей бокситов, углей и в развитии сахарной промышленности Австралии, что привело бы к увеличению ее торговли с Японией.

Эти и ряд других предложений были приняты австралийцами, что открыло широкие возможности для деятельности концернов Мицуи, Мицубиси и Сумимото.

Австралия добилась значительного расширения своего экспорта в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке именно за счет Японии. Поэтому если исключить Японию, то успехи Австралии в развитии торговли со странами Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока окажутся более скромными. Например, в 1961/62 г. из всей суммы экспорта в страны этих районов, составляющей примерно 359,6 млн. австрал. ф., на Японию приходилось 187,7 млн. ф., т. е. больше половины.

Экспорт Австралии в Японию за период 1954/55 — 1961/62 гг. превысил импорт из нее более чем в четыре раза, что резко увеличило поступление иностранной валюты. Однако японские дзайбацу не теряли надежды на увеличение своего экспорта в Австралию. После заключения австралийско-японского торгового соглашения на 1957—1960 гг. Австралия вынуждена была уступить. Хотя ввоз дешевых японских товаров подрывает ряд отраслей австралийской промышленности, за время действия упомянутого торгового соглашения японский экспорт в Австралию увеличился более чем в три раза. Японцы добились расширения экспорта за счет поставок текстиля, электроаппаратуры, металлоизделий и машин. Только стоимость экспорта металлоизделий и машин выросла с 1047 млн. иен в 1956/57 г. до 4410 млн. иен в 1959/60 г. Австралия также покупает японский фарфор, изделия из стекла и фаянса, цемент, фотоаппараты, оптические приборы, консервированную рыбу и некоторые другие товары, поставляемые японскими фирмами по бросовым ценам.

Заключение в марте 1963 г. нового торгового соглашения, согласно которому Австралия отказывается от любых дискриминационных ограничений на импорт японских товаров, а японские экспортеры берут на себя обязательство осуществлять «самоограничение» в том случае, если

приток японских товаров в Австралию будет угрожать местному промышленному производству, означает новый этап в расширении экономической экспансии Японии в Австралии. Эти уступки Австралия сделала, надеясь увеличить экспорт мясопродуктов и зерновых, поскольку Япония согласилась отменить импортные ограничения на эти виды товаров.

Япония, уже сейчас заменившая Англию на австралийском рынке шерсти, через несколько лет может выйти на первое место по импорту других видов австралийских товаров[18] и, таким образом, стать для Австралии новоявленной дальневосточной Англией. Об опережении темпов японских закупок в Австралии говорит тот факт, что в 1959/60 г. Япония закупала 15% товаров австралийского экспорта, а Англия — 24%; в 1961/62 г. доля Японии увеличилась до 17,3%, а доля Англии уменьшилась до 19,1%.

Японские концерны, играя на англо-австралийских противоречиях, стремятся прочно забрать австралийский экспортный, а затем и импортный рынок в свои руки. Если тенденции, наметившиеся в англо-австралийской и австрало-японской внешней торговле, не изменятся в ближайшие годы, то к 1970 г. Япония будет поглощать австралийских товаров больше, чем Англия.

Если приведенные выше предположительные расчеты окажутся реальными, то дзайбацу не так уж далеки от осуществления своей давней цели, которой им не удалось добиться силой оружия в период второй мировой войны.

Иначе шло развитие австралийской торговли с Индией и Индонезией, занимающими соответственно третье и четвертое место в товарообороте Австралии со странами Азии.

Вот уже на протяжении нескольких лет у Австралии складывается отрицательный торговый баланс с Индией ввиду значительных закупок джута и хлопчатобумажных тканей. При этом нельзя сказать, что торговля с Индией полностью опирается на чисто экономические потребности; Австралия намерена развивать торговые отношения с Индией, несмотря на отрицательное сальдо внешнеторгового баланса, надеясь найти в будущем в лице Индии крупного импортера австралийской пшеницы. Например, за 1961/62 финансовый год выручка от экспорта в Индию, главным образом за счет пшеницы, увеличилась со сравнению с предыдущим годом почти в два раза — с 13,8 млн. австрал. ф. до 25,2 млн.

С Индонезией, как и с Индией, Австралия имеет отрицательное сальдо торгового баланса, но в данном случае в основном из-за растущих закупок индонезийской нефти, поступающей для вновь построенных нефтеперегонных заводов Австралии. Из 3 млрд. галлонов нефти, импортированных Австралией в 1961 г., почти треть была закуплена в Индонезии[19]. В последнее время Индонезия начала закупать в Австралии сталь и металлоизделия.

Австралия полностью зависит от импорта нефти, поэтому она жизненно заинтересована в развитии торговых связей с Индонезией; однако ввиду враждебной политики правящих кругов Австралии по отношению к своему ближайшему соседу торговля между ними не получила должного развития.

---

[18] Япония уже сейчас вытесняет Англию в качестве покупателя дешевой австралийской стали. Япония готова платить за нее больше, чем Англия.

[19] «The Australian engineer», September 1962, p. 83.

Большую заинтересованность Австралия проявляет в отношении малайского рынка, поскольку кроме его близости от Австралии Малайя имеет твердую валюту, не вводит валютных ограничений, а ее быстро растущее население создает заманчивую перспективу для расширения сбыта австралийских товаров. Австралия нуждается в малайском лесе, каучуке и олове, Малайя — в сгущенном и порошковом молоке, муке, мясе, масле, пшенице и других продуктах, а также землеройном и горном оборудовании.

О большой взаимной заинтересованности Австралии и Малайи в расширении торговли свидетельствует, в частности, тот факт, что для заключения австралийско-малайского торгового соглашения, подписанного в августе 1958 г., потребовалось всего 10 дней, в то время как для подписания австралийско-цейлонского — 3 месяца и австралийско-японского — 6 месяцев. Это — первое торговое соглашение, подписанное Малайей после получения ею независимости. По соглашению Австралия обязалась снять импортную пошлину на каучук, что дает возможность малайскому натуральному каучуку конкурировать с искусственным каучуком австралийского производства. В свою очередь Австралия получила гарантию, что Малайя будет ежегодно закупать у нее минимум 80 тыс. *т* муки и будет продолжать оказывать предпочтение австралийским молочным продуктам, консервированным фруктам, необработанной коже, аккумуляторам и т. д.

Расширяя экономическую экспансию в Малайе, австралийские монополии насаждают своих людей на ответственные посты в правительстве Малайи и различных экономических организациях.

Выражая мнение торговых и деловых кругов, министр торговли и промышленности Малайской Федерации Тан Шу-цин заявил: «Малайя представляет собой потенциальный рынок для изделий австралийской промышленности. Быстрые темпы индустриализации Австралии дают нам в свою очередь потенциальный рынок для наших сырьевых продуктов» [20].

Поскольку Малайя начинает развивать свою мукомольную промышленность, в будущем в ее импорте, видимо, будет преобладать пшеница. Кроме того, для строительства промышленных предприятий Малайя будет нуждаться в некоторых видах капитального оборудования. Австралия начала поставлять в Малайю стальной прокат, машины, металлоизделия, двигатели внутреннего сгорания, медикаменты и химикалии, радиопередатчики и приемники и другие изделия. Исходя из этого, есть основания полагать, что Австралия будет успешно развивать свой экспорт в Малайю.

Что касается Пакистана, Сингапура, Бирмы, Таиланда и других стран этого района, то они входят в список стран, внешнеторговый баланс которых с Австралией является отрицательным. Это объясняется главным образом тем, что большинство их производит мало товаров, которые нашли бы спрос в Австралии и могли конкурировать на австралийском рынке с товарами других стран или местными товарами. Поэтому вряд ли стоит ожидать расширения импорта из этих стран, между тем как у Австралии имеются широкие возможности для увеличения в них своего экспорта.

Начиная с 1960 г. значительно увеличила закупки в Австралии шерсти и особенно пшеницы Китайская Народная Республика. В результа-

[20] «Far Eastern economic review», 5.III.1959, p. 327.

те она занимает второе место среди стран этого района и первое место среди социалистических государств в торговле с Австралией.

В целом в торговле со странами Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока Австралия имеет положительное сальдо торгового баланса. Это позволяет Австралии покрывать дефицит ее торгового баланса с другими странами и финансировать импорт из Европы, США и Канады. Последнее обстоятельство заставляет австралийских промышленников и экспортеров вести более энергичную борьбу за расширение своего влияния на рынках стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

Австралийские торгово-промышленные круги, с надеждой устремившие свои взоры на север, в то же время не без опаски смотрят в сторону «страны восходящего солнца», ибо вполне реальна возможность получить подножку от японских дзайбацу, отнюдь не проявляющих энтузиазма в связи с усилением экономического влияния Австралии в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Временная отдушина для австралийского экспорта, открытая японскими импортерами, может быть захлопнута, и это явится закатом радужных надежд Австралии на превращение ее в ведущую торговую державу в обширном и самом густонаселенном районе земного шара, надежд, столь успешно начавших осуществляться после второй мировой войны.

В. Б. Воронцов

БОРЬБА ЗА ТАИЛАНД В ПЕРИОД ВОЙНЫ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ (1941—1945 гг.)

В период войны на Тихом океане Таиланд привлекал большое внимание Японии, Англии, США и Китая.

Японские империалисты стремились использовать первоначально эту страну как базу для наступления на Бирму и Малайю, для снабжения своей армии продовольствием и снаряжением, а также по возможности использовать и вооруженные силы Таиланда. Программа-максимум Японии предусматривала включение Таиланда в «Великую Восточно-азиатскую сферу совместного процветания». Японский империализм надеялся таким образом устранить конкуренцию западных держав, установить контроль над внешней торговлей, вооруженными силами, промышленностью и финансами страны.

При подготовке и осуществлении экспансионистских планов по отношению к Таиланду японские правящие круги потратили немало усилий, чтобы оправдать свои агрессивные действия. На протяжении последних предвоенных лет правительство Таиланда весьма лояльно относилось ко многим агрессивным акциям Японии, выступало в роли ее скрытого союзника по ряду важнейших международных вопросов. Так, в феврале 1933 г. Таиланд воздержался от голосования против Японии в Лиге Наций по Маньчжурскому вопросу, а в августе 1941 г. признал Маньчжоу-го. В 1940—1941 гг. Япония выступала в качестве арбитра между Таиландом и Францией в спорных пограничных вопросах в Индокитае.

Правые националисты из среды тайской буржуазии, используя лозунг объединения народов, говорящих на тайском языке, направляли свои усилия на расширение границ своего государства. Таиландское правительство, во главе которого стоял руководитель военной группировки Пибунсонграм, выступало с притязаниями на ряд областей Лаоса и Камбоджи. Пибунсонграм заигрывал с Японией в надежде использовать ее в своих интригах против Англии и Франции.

Со своей стороны японское правительство по существу спровоцировало конфликт между Таиландом и Францией в Индокитае, а когда начались военные действия на границе, японская дипломатия вмешалась в этот конфликт. Вопрос решался на конференции сначала в Сайгоне, а затем в Токио. Под усиленным нажимом из Берлина правительство Виши пошло на уступки, в результате чего было заключено соглашение, которое в мае 1941 г. было закреплено договором между правительствами Виши и Таиланда. По этому договору Таиланд получил ряд районов Индокитая: провинции Баттамбанг, Сием-Реап и Сисофон, лаосский правый берег реки Меконг. Япония же навязала правительству

Виши соглашение, по которому в Индокитае признавались японские интересы.

Все это говорит о том, что накануне войны на Тихом океане между Японией и Таиландом были довольно тесные связи, основанные, как казалось внешне, на взаимном доверии.

Японские политики отдавали себе отчет, что открытая агрессия против Таиланда вмиг развеет легенду о дружественных чувствах Японии к Таиланду, еще больше дискредитирует их в глазах мировой общественности. Поэтому самым удобным для японских империалистов оказалось признать необходимым оформить «оборонительный» союз между Японией и Таиландом и в качестве «защитников» его независимости оккупировать эту страну и использовать ее ресурсы в борьбе со своими империалистическими конкурентами.

Утром 7 декабря 1941 г. японские военно-морские силы напали на американскую базу Пирл-Харбор; разгром американского флота на Гавайских островах послужил началом вооруженной борьбы между Соединенными Штатами и Японией.

К концу того же дня японский посол в Бангкоке вручил министру иностранных дел Таиланда ноту, в которой содержалось требование предоставить территорию страны для неограниченного передвижения японских войск.

Для обсуждения этой ноты ввиду отсутствия премьера кабинет собрался под председательством известного своими антияпонскими настроениями министра финансов Придита Мундарма. Кабинет постановил противодействовать требованиям Японии. А в это время в Таиланд со стороны Камбоджи уже вступали японские войска, ведя на своем пути бои с таиландскими войсками.

Утром 8 декабря в Бангкок прибыл глава правительства Пибунсонграм, который сразу же объявил о прекращении огня, а 11 декабря дал согласие на подписание «оборонительного союза» с Японией. Свои действия Пибунсонграм объяснил народу следующим образом: «Правительство... считает, что этот шаг должен быть лучшим из того, что можно было бы предпринять для пользы страны и нации в подобном положении» [1].

Американский посол в Японии Грю отмечал, что во время церемонии подписания японо-таиландского договора 21 декабря 1941 г. присутствовало 25 высших буддистских чиновников. Американский дипломат усматривал в подобных действиях японскую пропаганду религиозных связей [2]. И Грю не ошибся. В Таиланде, как и во многих других странах Азии, японские оккупанты придавали большое значение пропаганде единства буддистов, надеясь таким образом обеспечить поддержку со стороны верующего большинства населения.

Японские империалисты, опасаясь роста недовольства в Таиланде и надеясь использовать свой «союз» с ним в качестве образца отношений в рамках «сферы совместного процветания», пошли на уступки: таиландское правительство получило торговые фирмы, принадлежавшие английскому капиталу, местным властям был официально передан контроль над рядом ведущих транспортных артерий страны и т. д. Однако положение зависимой от империалистической державы страны не могло не сказаться самым существенным образом на состоянии всей экономиче-

[1] «Japanese domination of Thailand», 1944, № 2368, September 18, p. 5. «Office of strategic services. Research and analisis branch».

[2] «Foreign relations of the United States. Diplomatic papers, 1942, vol. I, General, the British commonwealth, the Far East», Washington, 1960, p. 785.

В. Б. Воронцов

БОРЬБА ЗА ТАИЛАНД В ПЕРИОД ВОЙНЫ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ (1941—1945 гг.)

В период войны на Тихом океане Таиланд привлекал большое внимание Японии, Англии, США и Китая.

Японские империалисты стремились использовать первоначально эту страну как базу для наступления на Бирму и Малайю, для снабжения своей армии продовольствием и снаряжением, а также по возможности использовать и вооруженные силы Таиланда. Программа-максимум Японии предусматривала включение Таиланда в «Великую Восточно-азиатскую сферу совместного процветания». Японский империализм надеялся таким образом устранить конкуренцию западных держав, установить контроль над внешней торговлей, вооруженными силами, промышленностью и финансами страны.

При подготовке и осуществлении экспансионистских планов по отношению к Таиланду японские правящие круги потратили немало усилий, чтобы оправдать свои агрессивные действия. На протяжении последних предвоенных лет правительство Таиланда весьма лояльно относилось ко многим агрессивным акциям Японии, выступало в роли ее скрытого союзника по ряду важнейших международных вопросов. Так, в феврале 1933 г. Таиланд воздержался от голосования против Японии в Лиге Наций по Маньчжурскому вопросу, а в августе 1941 г. признал Маньчжоу-го. В 1940—1941 гг. Япония выступала в качестве арбитра между Таиландом и Францией в спорных пограничных вопросах в Индокитае.

Правые националисты из среды тайской буржуазии, используя лозунг объединения народов, говорящих на тайском языке, направляли свои усилия на расширение границ своего государства. Таиландское правительство, во главе которого стоял руководитель военной группировки Пибунсонграм, выступило с притязаниями на ряд областей Лаоса и Камбоджи. Пибунсонграм заигрывал с Японией в надежде использовать ее в своих интригах против Англии и Франции.

Со своей стороны японское правительство по существу спровоцировало конфликт между Таиландом и Францией в Индокитае, а когда начались военные действия на границе, японская дипломатия вмешалась в этот конфликт. Вопрос решался на конференции сначала в Сайгоне, а затем в Токио. Под усиленным нажимом из Берлина правительство Виши пошло на уступки, в результате чего было заключено соглашение, которое в мае 1941 г. было закреплено договором между правительствами Виши и Таиланда. По этому договору Таиланд получил ряд районов Индокитая: провинции Баттамбанг, Сием-Реап и Сисофон, лаосский правый берег реки Меконг. Япония же навязала правительству

Виши соглашение, по которому в Индокитае признавались японские интересы.

Все это говорит о том, что накануне войны на Тихом океане между Японией и Таиландом были довольно тесные связи, основанные, как казалось внешне, на взаимном доверии.

Японские политики отдавали себе отчет, что открытая агрессия против Таиланда вмиг развеет легенду о дружественных чувствах Японии к Таиланду, еще больше дискредитирует их в глазах мировой общественности. Поэтому самым удобным для японских империалистов оказалось признать необходимым оформить «оборонительный» союз между Японией и Таиландом и в качестве «защитников» его независимости оккупировать эту страну и использовать ее ресурсы в борьбе со своими империалистическими конкурентами.

Утром 7 декабря 1941 г. японские военно-морские силы напали на американскую базу Пирл-Харбор; разгром американского флота на Гавайских островах послужил началом вооруженной борьбы между Соединенными Штатами и Японией.

К концу того же дня японский посол в Бангкоке вручил министру иностранных дел Таиланда ноту, в которой содержалось требование предоставить территорию страны для неограниченного передвижения японских войск.

Для обсуждения этой ноты ввиду отсутствия премьера кабинет собрался под председательством известного своими антияпонскими настроениями министра финансов Придита Мундарма. Кабинет постановил противодействовать требованиям Японии. А в это время в Таиланд со стороны Камбоджи уже вступали японские войска, ведя на своем пути бои с таиландскими войсками.

Утром 8 декабря в Бангкок прибыл глава правительства Пибунсонграм, который сразу же объявил о прекращении огня, а 11 декабря дал согласие на подписание «оборонительного союза» с Японией. Свои действия Пибунсонграм объяснил народу следующим образом: «Правительство... считает, что этот шаг должен быть лучшим из того, что можно было бы предпринять для пользы страны и нации в подобном положении» [1].

Американский посол в Японии Грю отмечал, что во время церемонии подписания японо-таиландского договора 21 декабря 1941 г. присутствовало 25 высших буддистских чиновников. Американский дипломат усматривал в подобных действиях японскую пропаганду религиозных связей [2]. И Грю не ошибся. В Таиланде, как и во многих других странах Азии, японские оккупанты придавали большое значение пропаганде единства буддистов, надеясь таким образом обеспечить поддержку со стороны верующего большинства населения.

Японские империалисты, опасаясь роста недовольства в Таиланде и надеясь использовать свой «союз» с ним в качестве образца отношений в рамках «сферы совместного процветания», пошли на уступки: таиландское правительство получило торговые фирмы, принадлежавшие английскому капиталу, местным властям был официально передан контроль над рядом ведущих транспортных артерий страны и т. д. Однако положение зависимой от империалистической державы страны не могло не сказаться самым существенным образом на состоянии всей экономиче-

[1] «Japanese domination of Thailand», 1944, № 2368, September 18, p. 5. «Office of strategic services. Research and analisis branch».

[2] «Foreign relations of the United States. Diplomatic papers, 1942, vol. I, General, the British commonwealth, the Far East», Washington, 1960, p. 785.

ской жизни Таиланда: наблюдался застой в промышленности, сокращение производства риса, безработица, инфляция. Все тяготы военного времени легли на плечи таиландских трудящихся [3].

Грабительская политика японских оккупантов содействовала росту антияпонских настроений, подъему антифашистского движения. Большую роль в мобилизации масс и организации сопротивления оккупантам сыграла Коммунистическая партия Таиланда. В 1942 г. в подполье состоялся I учредительный съезд Коммунистической партии Таиланда, в которую вошли передовые рабочие разных национальностей. Под руководством компартии в стране создавались антияпонские отряды, ширилось сопротивление врагу. Рабочие составили ядро созданного в 1942 г. «корпуса антияпонских добровольцев» [4].

Деятельность коммунистической партии в стране сталкивалась с весьма серьезными трудностями. Известно, что бóльшая часть населения страны, составляющая крестьянство, находилась под сильным влиянием мелкобуржуазных демократов, которых возглавил Приди Паномионг. Он довольно смело выступал против прояпонского правительства и прослыл среди народа как защитник интересов страны. Однако лидеры мелкобуржуазных демократов оставались непоследовательными в борьбе за независимость Таиланда. Им были чужды глубокие социальные преобразования, они избегали давать какие-либо гарантии на получение крестьянами земли, опасались призвать трудящихся с оружием в руках отстоять свои права. Все это, естественно, ослабляло антифашистское движение «Свободное Таи», объединявшее бóльшую часть населения Таиланда и возглавляемое Приди Паномионгом.

25 января 1942 г., спустя месяц после подписания японо-таиландского договора, Таиланд официально объявил войну США и Великобритании.

Окончательное оформление японо-таиландского союза вызвало беспокойство в правящих кругах Соединенных Штатов и Великобритании. Государственный департамент и посольство Великобритании в США обменялись мнениями по вопросу объявления войны Таиланду и пришли к выводу, что объявлять войну не следует [5]. Принимая указанное решение, противники Японии учитывали целый ряд обстоятельств, имевших место в Таиланде к началу войны на Тихом океане.

Соединенным Штатам было хорошо известно, что в Таиланде в этот период существовала сильная антияпонская оппозиция, хотя многие ее сторонники, по мнению американской разведки, предпочитали «выжидать и наблюдать» [6].

Правительство США с начала войны на Тихом океане подготавливало планы подчинения своему влиянию антифашистского движения в Таиланде. Таиландский посланник в Вашингтоне Сени Прамот приобрел влиятельных покровителей в среде правящих кругов США и был провозглашен последними как глава движения «Свободное Таи». Уже 9 декабря 1941 г. Сени Прамот объявил по радио о начале движения «Свободное Таи» [7].

[3] Об экономическом положении страны в период войны на Тихом океане см.: Н. В. Ребрикова, *Очерки новейшей истории Таиланда 1918—1959*, М., 1960, стр. 94—101.

[4] См. журн. «Всемирное профсоюзное движение», Париж, 1949, декабрь, стр. 39.

[5] «Foreign relations of the United States. Diplomatic papers, 1942, vol. I, General, the British commonwealth, the Far East», p. 913. (Однако Англия в отличие от США считала себя официально в состоянии войны с Таиландом.)

[6] «Trend toward democracy in Thailand», 1944, October 25, p. 6. «Office of strategic services. Research and analisis branch».

[7] John Coast, *Some aspects of siamese politics*, New York, 1953, p. 21.

Предпринимая какие-либо официальные шаги, касающиеся проблемы Таиланда, американские империалисты считали необходимым консультироваться с колониальными державами, которые имели в этом районе традиционные интересы. Так, между правительствами США, Англии и Нидерландов была достигнута договоренность о том, что «любое заявление, сделанное относительно Таиланда правительствами Англии, Нидерландов и США, не должно противоречить друг другу» [8].

В январе 1942 г. госдепартамент выступил с заявлением, в котором отмечалось, что США не признают объявления войны правительством Таиланда (поскольку этот акт, согласно заявлению, противоречил воле таиландского народа). А в это время в Вашингтоне уже шла активная подготовка к тому, чтобы полностью поставить под американский контроль движение «Свободное Таи», воспользоваться народным сопротивлением для достижения победы над своим империалистическим противником Японией и в будущем занять ведущее положение при разрешении вопросов послевоенного устройства Таиланда.

В 1942 г. госдепартамент и Управление стратегической службы США (УСС) совместно с Сени Прамотом разработали план подготовки и переброски в Таиланд крупной шпионско-диверсионной группы.

Отобранные для этой миссии обучавшиеся в США таиландские студенты после тщательной подготовки в особых лагерях УСС в конце 1942 г. были отправлены в Индию, откуда предполагалось перебросить их с помощью гоминьдановской разведки в Таиланд. Во главе этой группы находился один из опытных американских разведчиков Николь Смит [9].

Николь Смит установил контакт с чанкайшистской разведкой и ее руководителем Дай Ли. Однако сотрудничество с Дай Ли не привело к желаемому для американцев результату. Два члена группы Смита, проведенные через Индокитай в Таиланд агентами Дай Ли, были преднамеренно переданы чанкайшистами в руки японцев. Американские разведчики на практике убедились в том, что чанкайшистская разведка оказывает всяческое противодействие проникновению США в Таиланд.

США внимательно следили за действиями чанкайшистской клики. Американские политики не могли не заметить тот повышенный интерес, который проявляло чанкайшистское правительство к послевоенной проблеме Таиланда. В июле 1942 г. советник американского посольства в Китае Винсент беседовал с главами департаментов по американским и политическим делам министерства иностранных дел Чан Кай-ши. В своей беседе сотрудник американского посольства упомянул о заявлениях гоминьдановской прессы, указывающих на необходимость установления протектората Китая в послевоенном Таиланде. Представители Чан Кай-ши уклонились от определенного ответа. О своей беседе Винсент подготовил специальный отчет, копия которого от 29 июля 1942 г. [10] была отправлена в госдепартамент. А спустя несколько дней (3 августа) посол США в Китае Гаус докладывал государственному секретарю Хэллу о результатах проделанной посольством работы по

[8] «Foreign relations of the United States. Diplomatic papers, 1942, vol. I, General, the British commonwealth, the Far East», p. 914.

[9] Смит вместе с другим сотрудником УСС Кларком написали о своей работе книгу (Nicol Smith and Blake Clark, *Into Siam, underground Kindom*, New York, 1946). В ней американские разведчики рассказали о тех усилиях, которые предпринимали США с целью установления своего контроля над освободительным движением в Таиланде.

[10] «Papers relating to the foreign relations of the United States, China, 1942», New York, 1956, p. 733.

изучению точки зрения правительства Чан Кай-ши на послевоенные проблемы. В частности, посол отмечал, что Таиланд в соответствии с существовавшим в гоминьдановских кругах мнением должен быть лишен независимости и поставлен под протекторат Китая [11].

С победами Советской Армии на советско-германском фронте большие перемены произошли и на Тихом океане.

Разгром немецко-фашистских войск на берегах Волги заставил японское правительство отложить осуществление планов нападения на Советский Союз. Эта победа вдохновила революционные силы Китая, патриотов Кореи на решительные действия против империалистических завоевателей. В этот период расширяется антияпонское движение в Бирме, Вьетнаме, Малайе, Индонезии и на Филиппинах; все сильнее звучит голос народов колониальных стран за освобождение от цепей иностранного гнета.

Победы Советской Армии сыграли большую роль и в подъеме освободительного движения в Таиланде. Один из лидеров «Свободное Таи» Придит Мунударм отмечал, что успехи Советской Армии на Волге — показатель поражения гитлеровской Германии [12]. Трудящиеся страны, несмотря на строгий запрет японцев, слушали иностранные радиопередачи, внимательно следили за антифашистской борьбой народов всего мира.

К 1943 г. политика таиландского правительства, направленная на сотрудничество с Японией, стала настолько непопулярной в стране, что Пибунсонграм вынужден был постоянно прибегать к вооруженной силе, чтобы удержаться у власти [13].

Антияпонские настроения захватили и армию Таиланда. На таиландские вооруженные силы японцы возложили задачу осуществлять охрану пограничных районов, оборонять их от вторжения гоминьдановских армий. Однако, по признанию хорошо информированной американской разведки, даже к этим минимальным обязанностям таиландские солдаты относились весьма равнодушно, проявляли полную пассивность, когда на японских коммуникациях и линиях связи были случаи саботажа или диверсий. Японское командование вынуждено было взять в свои руки контроль над железными дорогами и настаивало на увеличении своих гарнизонов с 10 тыс. до 15 тыс. человек [14].

Японская военщина очень опасалась, что таиландская армия может перейти к открытым вооруженным действиям против Японии, и тогда основные базы императорской армии в южных морях оказались бы в весьма тяжелом положении. Такие опасения возрастали вместе с неудачами Японии в войне на Тихом океане. Японские империалисты боялись потерять Таиланд. Эта страна по-прежнему играла существенную роль в стратегических планах японской военщины: ее территория использовалась японцами для проведения операций в Бирме, для снабжения войск в Малайе, по железным дорогам этой страны осуществлялась переброска войск и военной техники из Индокитая в порты на побережье Индийского океана.

Стремясь сохранить Таиланд под своим контролем в интересах большой стратегии, правящие круги Японии проводили по отношению к этой стране очень осторожную политику.

[11] Ibid., p. 735.
[12] John Coast, *Some aspects of siamese politics»*, p. 23.
[13] «Japanese domination of Thailand», p. 17.
[14] Ibid., p. 47.

Основные принципы управления оккупированными территориями, принятые 10 ноября 1941 г. Советом связи между главной ставкой и правительством перед началом войны на Тихом океане, в частности, предусматривали следующее: «В отношении местного населения... избегать таких действий, которые могут вызвать с его стороны движение за независимость» [15]. В своих отношениях с Таиландом японские политики стремились следовать указанному принципу.

Пытаясь сдержать нарастающую волну национально-освободительного движения в Азии, правящие круги Японии решили в ноябре 1943 г. провести демонстрацию единства населения «Великой Восточной Азии». В Токио была созвана конференция представителей японских «союзников» и ряда созданных японцами марионеточных государств. Будучи участником конференции, Таиланд подписал «Декларацию о Великой Восточной Азии». Однако пропагандистская шумиха, поднятая вокруг токийской конференции, не принесла желаемых результатов ее инициаторам. В Таиланде, как и в других странах Азии, идеи «совместного процветания» теряли последних своих сторонников. Призывы Пибунсонграма к тесному сотрудничеству с Японией не находили отклика ни в народе, ни в кругах, стоящих близко к правительству.

К лету 1944 г. в военном режиме японского империализма появились крупные трещины. В самой Японии росло недовольство диктатурой Тодзио. Крупные дзюсины стремились найти выход из положения в замене кабинета. Утром 18 июля 1944 г. Тодзио со своим кабинетом вышел в отставку.

Через несколько дней после падения кабинета Тодзио, 29 июля 1944 г., правительство Пибунсонграма вынуждено было уйти в отставку.

Новое правительство, представлявшее монархически настроенных крупных землевладельцев, возглавил Куан Апайвонг. Регентом стал Приди Панамионг, стоявший на антияпонских позициях и оказывавший огромное влияние на новое правительство. Бывший премьер пока оставался на политической арене и выступал в роли Верховного главнокомандующего таиландскими вооруженными силами. Он окружил себя преданными генералами и постоянно опирался на поддержку японцев.

Открытым вмешательством в правительственные дела своего «союзника» Япония боялась отпугнуть оставшуюся незначительную часть своих доброжелателей в странах Азии. 23 августа 1944 г. в Таиланд был назначен специальным представителем Японии крупный дипломат, бывший вице-министр по делам «Великой восточной сферы совместного процветания» Ямамото. Играя в демократию и лицемерно подчеркивая свое уважение к властям Таиланда, японская военщина прилагала все усилия к тому, чтобы сохранить свой контроль над ключевыми позициями в стране.

8 декабря 1943 г. де Голль выступил с заявлением об Индокитае. В этом документе глава Французского комитета национального освобождения (ФКНО) упомянул о «неотъемлемом праве» французской буржуазии на Индокитай. Де Голль отметил, что «Свободная Франция никогда не мирилась» с захватническими действиями, в результате которых Таиланд заполучил пограничные территории Индокитая [16].

Будучи рьяным защитником интересов крупной французской бур-

[15] Цит. по: «История войны на Тихом океане», т. IV, М., 1958, стр. 85.
[16] Шарль де Голль, *Военные мемуары*, т. II, М., 1960, стр. 731.

жуазии, де Голль особое внимание уделял сохранению колониальных владений Франции. К 1944 г. деголлевская администрация закрепилась на большей части французской колониальной империи. Индокитай составлял для де Голля неприятное исключение. Заявление ФКНО о возвращении колоний Франции не раз встречали противодействия со стороны правящих кругов США.

Яркое тому свидетельство — позиция США по отношению к вопросу о территориях, отторгнутых Таиландом у Индокитая. В конце концов правящие круги США поддержали претензии Таиланда на эти территории. Американские политики стремились использовать конфликт между Таиландом и Францией по вопросу об индокитайской территории, с одной стороны, для борьбы против своих империалистических соперников, а с другой — для привлечения на свою сторону большего числа сторонников из среды таиландской буржуазии.

Со сменой правительства обстановка в Таиланде обострилась. Усилилась борьба за Таиланд и на международной арене. Уже на Каирской конференции США, Англии и Китая (ноябрь — декабрь 1943 г.) проблема Таиланда вызвала оживленную дискуссию среди военных и дипломатов государств — участников войны на Тихом океане. 24 ноября 1943 г. на заседании Объединенного комитета начальников штабов США и Англии представитель Великобритании Луи Маунтбэттен выразил неудовлетворение тем, что Китай затрагивает такую весьма волнующую англичан тему, как проблема будущего Таиланда. Маунтбэттен горячо отстаивал два выдвинутых им положения: 1) деятельность разведывательных органов союзников в Таиланде должна контролироваться английским командованием китайско-бирманско-индийского театра военных действий; 2) с политическими вопросами, касающимися Таиланда, Чунцин не должен быть связан ни через правительственные каналы, ни через Объединенный комитет начальников штабов [17].

Однако англичане лишь смогли убедиться, что, к их большому сожалению, попытки подействовать на Чан Кай-ши оказались напрасными. Он упорно не хотел идти на компромисс и выступил против включения Таиланда в зону английского командования [18].

Чтобы не упустить случая и своевременно подчинить своему влиянию антияпонское движение в Таиланде, Соединенные Штаты и Англия активизировали деятельность своей агентуры. В сентябре 1944 г. американская разведка получила первое сообщение от одного из своих агентов, перешедшего индокитайскую границу и установившего контакт с ведущими руководителями антияпонского сопротивления, а с октября 1944 г. была установлена регулярная радиосвязь между представителями антияпонского движения «Свободное Таи» и американской разведкой. В конце октября представители антияпонского движения Таиланда летали в Вашингтон, где американцы в переговорах с ними настойчиво добивались права послать в Бангкок своих инструкторов [19].

Вашингтон возлагал большие надежды и на национальные кадры, которые усиленно готовились американскими инструкторами. В 1943—1944 г. в районе Тринкономали (Цейлон) действовала созданная США шпионско-диверсионная школа. В ней проходили подготовку жители Бирмы, Таиланда, Индокитая и Индонезии [20]. В конце 1944 г. в Дели

[17] «Foreign relations of the United States. Diplomatic papers. The conferences at Cairo and Tehran. 1943», Washington, 1961, p. 340.
[18] Ibid., p. 391.
[19] Nicol Smith and Blake Clark, *Into Siam, underground Kindom*, p. 199.
[20] Ibid., p. 201.

представители госдепартамента США разрабатывали планы руководства партизанским движением в Таиланде. Согласно этим планам, Таиланд предполагалось разделить на 12 районов и во главе каждого района поставить американского офицера. Планы США по отношению к Таиланду не ускользали из поля зрения британских союзников, которых не могло удовлетворить лишь освобождение этой страны от японской оккупации. Англичане хотели получить гарантию установления своего господства в этой стране.

Уже в 1943 г. вместо прежнего китайско-бирманско-индийского театра военных действий сложился новый более широкий фронт, охватывающий всю Юго-Восточную Азию. Войска союзников здесь находились под командованием английского лорда Луи Маунтбэттена. Руководство англичан военными действиями в Юго-Восточной Азии указывало на далеко идущие политические цели, которые преследовали правящие круги Великобритании в этом огромном районе. Американский военный историк Морис Мэтлофф отмечал, что «их (англичан.— *В. В.*) основные интересы на Дальнем Востоке практически состояли в том, чтобы возвратить свои имперские территории в Юго-Восточной Азии» [21].

Географически район командования Юго-Восточной Азии (СЕАК) охватывал Цейлон, Бирму, Малайю и Суматру. Сюда же был включен и Таиланд. Все эти территории (за исключением Цейлона) к моменту создания СЕАК были оккупированы Японией. Правящие круги США, соглашаясь на английское руководство военными действиями в ЮВА, рассчитывали максимально использовать своего британского союзника и резервы его колониальных владений для достижения победы над Японией. При этом американские политики учитывали и то, что английские позиции лучше позволяли удержать контроль за районами, где невиданными темпами росло национально-освободительное движение. Решение о создании СЕАК предполагало активное участие США в руководстве этим театром военных действий. Основной контроль за стратегией в СЕАК и распределением ресурсов США и Англии между Китаем и СЕАК должен был осуществляться англо-американским Объединенным комитетом начальников штабов. На английский же комитет начальников штабов была возложена задача контролировать операции и осуществлять стратегические замыслы Объединенного комитета начальников штабов. С целью обеспечения обмена информацией и координации разведывательной деятельности союзников в Нью-Дели (Индия) создавался Объединенный комитет связи [22].

Таиланд, где до второй мировой войны господствовали английские монополии и около 90% экспорта из которого приходилось на долю Британской империи, занимал видное место в планах английских правящих кругов. Они всеми силами старались противодействовать проникновению в Таиланд своих американских союзников, добивались установления полного контроля над этой страной в послевоенное время.

Эта страна, первоначально включенная в зону командования китайско-бирманско-индийским театром военных действий, переходила в сферу командования союзников в Юго-Восточной Азии. Включение Таиланда в новый театр не могло не вызвать опасений среди правящей верхушки гоминьдана, которая, как было сказано выше, надеялась

[21] Maurice Matloff, *Strategic planning in coalition warfare 1943—1944*, Washington, 1959, p. 33.
[22] Ibid., p. 239.

распространить свой контроль на таиландскую территорию. Однако гоминьдан был уже не тот, что в начале войны на Тихом океане. Под влиянием побед Советской Армии во второй мировой войне усилился подъем национально-освободительного движения китайского народа. Испытывая страх перед широким размахом революционного движения, руководимого китайскими коммунистами, гоминьдан лихорадочно искал пути для спасения своего режима. На помощь Чан Кай-ши пришли правящие круги США. Они обильно снабжали гоминьдан деньгами и оружием. Вместе с американской «помощью» росла и зависимость гоминьдана от Соединенных Штатов.

Внешнеполитическая линия Чунцина все в большей степени соответствовала интересам и пожеланиям Вашингтона. Поэтому, когда США и Англия в конце концов договорились о новом распределении сфер военных действий и включении Таиланда в зону командования ЮВА, мнение гоминьдана не играло уже никакой роли. Американские политики сочли возможным лишь поставить Чан Кай-ши в известность о своем решении и «деликатно» объяснить ему вопрос о передаче Таиланда под юрисдикцию СЕАК.

Включение Таиланда в зону командования СЕАК не означало, что правящие круги США потеряли интерес к этому району Юго-Восточной Азии. Признав интересы на Дальнем Востоке первоочередными, империалисты США одновременно прилагали немалые усилия для укрепления своих позиций в странах ЮВА, в том числе и в Таиланде.

В 1944 г. США с Англией обсуждали вопрос о будущем статуте Таиланда. Американская сторона обратилась к своему излюбленному средству в борьбе с колонизаторами классического образца — «антиколониализму»: США объявили, что они желали бы видеть Таиланд «независимым», тогда как англичане любыми путями хотели избежать гарантий «независимого» Таиланда [23].

Уже к началу войны на Тихом океане в Англии были созданы специальные отряды из обучавшихся там таиландских студентов. Эти отряды, руководимые проанглийски настроенными лидерами из монархических кругов, были переброшены в Индию, а оттуда в Таиланд [24].

События последнего года второй мировой войны существенным образом сказались на планах правящих кругов США и Англии в районе Тихого океана и ЮВА.

Начало 1945 г. ознаменовалось невиданным по темпам наступлением Советской Армии. Народы мира убедились в несокрушимой мощи социалистического государства. Приближался долгожданный день крушения гитлеровской Германии. В этих условиях на Ялтинской конференции (4—12 февраля 1945 г.) был решен вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии. Это решение союзников должно было служить гуманным целям скорейшего окончания войны. Вступление Советского Союза в войну на Тихом океане отвечало надеждам многомиллионных народных масс стран Азии, которые видели в его победах над силами фашизма необходимую гарантию успешного завершения их борьбы за освобождение от колониального господства.

Однако рост авторитета Советского Союза среди азиатских народов был не по душе империалистам США и Англии. После смерти Рузвельта, с приходом в Белый дом Трумэна во внешнеполитическом курсе США произошли резкие изменения. Были попытки пересмотреть

[23] «The memoirs of Cordell Hull», vol. II, New York, 1948, pp. 1588, 1589.
[24] John Coast, *Some aspects of siamese politics*, p 27.

ялтинские решения, касающиеся вступления Советского Союза в войну с Японией; правящие круги США стали все чаще задумываться над вопросами: как предупредить Советский Союз в овладении стратегическими районами на Дальнем Востоке, как наиболее выгодно для себя подавить растущее национально-освободительное движение угнетенных народов и овладеть позициями своих империалистических конкурентов. Принимая решение сбросить атомную бомбу, США исходили из целей «холодной войны», которую уже тогда тщательно планировали в Вашингтоне.

В июле 1945 г. во время Потсдамской конференции между США и Англией была достигнута договоренность о районах действия американских и английских войск. Попытки англичан выговорить себе большую долю участия в операциях на Тихом океане не удались. Американцы оставляли за собой безоговорочное право осуществлять контроль над военными действиями в районе Тихого океана, предполагая таким образом занять ведущее место в решении основных вопросов послевоенного устройства на Дальнем Востоке. Англичане должны были «навести порядок» в Юго-Восточной Азии и юго-западном районе Тихого океана.

«Наведение порядка» в освобожденных от японских оккупантов районах, по мнению империалистических кругов США и Англии, предполагало подавление национально-освободительного движения. В этом случае колонизаторы выступали единым фронтом. Факты говорят, что именно так произошло и в Таиланде.

В начале 1945 г. начальник американской разведывательной службы в Таиланде Смит был приглашен в Вашингтон. По словам заведующего отделом Юго-Восточной Азии госдепартамента США Аббота Моффата, Смит получил там ответственное задание: «Самое важное поручение — убедить регента, что он не должен поднимать восстание, пока не получит указаний от главнокомандующего вооруженными силами союзников в ЮВА Маунтбэттена» [25]. В июле 1945 г. агент Вашингтона встретился с членами таиландского правительства. Во время этой встречи он настаивал на том, чтобы восстание было отложено [26]. Придит Мунударм упрекал США и Англию за их противодействие восстанию, но получил от Смита ответ: «Делайте то, что вы делали — сидите и ждите» [27].

Соединенные Штаты, отказывая таиландским посланцам предоставить необходимое вооружение, в то же время направляли в эту страну большое число инструкторов, расширяли сеть своей агентуры.

Американская разведка добилась того, что этому содействовало пособничество помещичьего крыла движения «Свободное Таи», недостаточная организованность самого движения, отсутствие единого фронта в антифашистской борьбе. К марту 1945 г. Управление стратегической службы США подготовило доклад по территориальным спорам Таиланда и Французского Индокитая, в котором довольно подробно была исследована история пограничных конфликтов. Интерес США к этой проблеме не был случайным. В свое время японские колонизаторы обрели в Таиланде немало сторонников благодаря своей активной поддержке территориальных притязаний правящих кругов Таиланда. Опыт японской дипломатии как нельзя кстати пригодился американским империалистам.

[25] Nicol Smith and Blake Clark, *Into Siam, underground Kindom*, p. 204.
[26] Ibid., p. 231.
[27] Ibid., p. 232.

Вмешательство империалистических держав и враждебный Советской России внешнеполитический курс правившей в то время в Пекине милитаристской клики не остановили усилий Советского правительства, направленных на установление нормальных, дружественных отношений с Китаем. В качестве важнейшего средства для достижения этой цели правительство РСФСР использовало контакты местных органов Советской власти с властями пограничных Советской России округов и провинций Китая.

Обстановка, сложившаяся в тот период на восточных окраинах России, подготовила местные органы Советской власти к выполнению указанной роли. Советская власть в Сибири и на Дальнем Востоке в первые же дни своего возникновения в конце 1917 — начале 1918 г. оказалась перед лицом враждебных выступлений империалистических держав. Для организации провокаций против Советской России империалисты широко использовали также китайские пограничные власти и китайскую территорию. Так, в начале января 1918 г. они заставили пекинское правительство присоединиться к экономической блокаде Советской России и издать циркуляр о закрытии советско-китайской границы и прекращении вывоза продовольствия и других товаров из Китая в Россию. При всесторонней поддержке империалистических держав белогвардейский атаман Семенов сколотил на территории Китая вооруженные банды и двинул их в середине января 1918 г. на советское Забайкалье.

Подстрекаемые империалистами и русской контрреволюцией, китайские власти ряда пограничных пунктов предприняли было попытку вооруженной силой воспрепятствовать установлению Советской власти в соседних им областях Сибири и Дальнего Востока. Так, в январе 1918 г. правитель Хэйхэского округа провинции Хэйлунцзян заявил, что в случае перехода власти в Амурской области и г. Благовещенске в руки Советов в город для «обеспечения безопасности и интересов иностранных подданных» будут введены китайские войска [3]. В марте 1918 г. китайский сановник в Маймачене выступил в поддержку белой реакции в Троицкосавске (Западное Забайкалье), предпринявшей попытку свергнуть в городе Советскую власть. Угрожая вводом китайских войск, он потребовал передачи власти в городе белогвардейской думе [4].

Провоцируемые империалистическими державами налеты белогвардейских банд, угроза вторжения иностранных войск и прекращение традиционных хозяйственных связей с Китаем, имевших в то время жизненное значение для Восточной Сибири и русского Дальнего Востока [5], вынудили местные советы, удаленные на многие тысячи километров от центра революционной России, немедленно предпринимать до-

[3] «Дальневосточные известия» (Хабаровск), 13(26).I.1918; «Известия Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов», 14(27).I.1918.

[4] «Власть труда» (Иркутск), 9.III.1918; «Известия ВЦИК», 13.IV.1918.

[5] В предреволюционный период через таможни на русско-китайской сухопутной границе в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (в 1913—1915 гг.) ежегодно проходила примерно треть всего русского импорта из Китая (см. «Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1915 г.», ч. 1, Департамент таможенных сборов, СПб., 1917, стр. 3, 4). Из Китая на русский Дальний Восток и в Восточную Сибирь вывозились десятки тысяч тонн пшеницы, сотни тысяч голов скота, значительное количество продуктов животноводства и т. д. (там же, стр. 3, 68). Вывоз русских товаров в Китай через сибирскую и дальневосточную границу также имел значительные размеры: в 1913 г. — 3,8 млн. пудов стоимостью 18,8 млн. руб. (там же, стр. 3). Несмотря на участие царской России в первой мировой войне, объем русского экспорта в Китай в 1915 г. оставался на уровне 1913 г.: 3,8 млн. пудов (там же).

ступные им ответные меры. В этих условиях для осуществления необходимых контактов с представителями империалистических держав и китайскими пограничными властями при краевых органах Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке возникли специальные международные отделы.

В январе 1918 г. такой отдел, получивший название комиссариата по иностранным делам, возник при Дальневосточном краевом исполнительном комитете Советов, объединявшем Советскую власть на территории Приамурской, Амурской и Пирморской областей [6]. В конце февраля комиссариат по иностранным делам создается и при Центросибири (Центральном исполнительном комитете Советов Сибири), объединявшем Советскую власть на территории Западной и Восточной Сибири [7].

Придавая важное значение этой стороне деятельности местных советов, НКИД РСФСР в самом начале 1918 г. предпринял шаги, чтобы поставить ее под свой контроль и подчинить общим внешнеполитическим задачам Советской власти. В январе во Владивосток был направлен специальный представитель НКИД РСФСР [8]. Вслед за этим, 22 февраля 1918 г., НКИД РСФСР выслал сибирским и дальневосточным Советам и комиссариатам по иностранным делам при них специальную инструкцию [9]. Разъясняя принципы советской внешней политики, НКИД обязал местные органы Советской власти руководствоваться во взаимоотношениях с «соседними народами» «принципами, изложенными в Декрете о мире», открыто пропагандировать внешнюю политику Советского государства и в этих целях «широко распространять на местных языках» Декрет о мире и подчеркивать в печатных и устных выступлениях, что Советская Россия кладет «первый камень в создании совершенно новых отношений с народами Востока и что спасение их от опасности захвата, насилий и беззакония японо-европейских капиталистов и угнетателей заключается в тесном единении с народами Социалистической России».

Особое внимание в инструкции уделялось взаимоотношениям с пограничными областями Китая. Советское правительство обязывало местные власти добиваться установления на советско-китайской границе мирных добрососедских отношений путем открытого, честного отказа от грабительской колониальной политики царской России. НКИД РСФСР вместе с тем особо подчеркивал реакционный характер пекинского правительства. Это предупреждение должно было подготовить местные органы Советской власти к пониманию причин отдельных недружелюбных и даже враждебных действий со стороны пограничных китайских

[6] «Дальневосточные известия», 16(29).I.1918. Первым комиссаром по иностранным делам был избран Н. М. Любарский. С мая 1918 г. обязанности комиссара по иностранным делам выполнял А. М. Краснощеков, председатель созданного в мае 1918 г. Дальневосточного Совнаркома. См. «Дальневосточные известия», 11.V.1918.

[7] «Власть труда», 12.V.1918. Первым комиссаром был избран Вейнбаум. С конца марта 1918 г. комиссаром временно был назначен Я. Д. Янсон.

[8] «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, стр. 109. Уполномоченный НКИД РСФСР прибыл во Владивосток в середине февраля 1918 г. [см. «Красное знамя» (Владивосток), 17.II.1918]. В марте — апреле 1918 г. первого эмиссара во Владивостоке сменил А. В. Сережников — «эмиссар по пограничным сношениям» (см. «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 234). В мае 1918 г. Москва назначила члена ВЦИК А. Я. Нейбута народным комиссаром по иностранным делам Дальнего Востока (см. «Известия ВЦИК», 23.V.1918). По пути во Владивосток т. Нейбут был схвачен белогвардейцами и расстрелян.

[9] «Инструкция НКИД международным отделам краевых Совдепов», — «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1958, стр. 109—111.

властей и помочь разоблачить интриги стоящих за их спиной империалистических держав и русской контрреволюции.

НКИД приветствовал инициативу местных советов по созданию комиссариатов с целью налаживания отношений с пограничными областями соседних стран. Инструкция обязывала советы и комиссариаты помочь НКИД РСФСР в подборе кадров для формирования советских консульств в Китае. Инструкция ограничила компетенцию комиссариатов кругом задач, не выходивших за рамки руководства отношениями с пограничными властями соседних стран. Общее руководство и надзор за работой местных комиссариатов НКИД РСФСР взял на себя

Деятельность Советов Сибири и Дальнего Востока в 1918 г. показала, что мероприятия Советского правительства были своевременны и сыграли положительную роль. Местные органы Советской власти успешно боролись за претворение в жизнь установок Советского правительства. Давая решительный отпор враждебным выступлениям китайских пограничных властей, Советы вместе с тем направляли главные усилия на создание на границе с Китаем обстановки дружественного взаимопонимания и добрососедского сотрудничества.

В конце февраля — начале марта 1918 г. сибирские красногвардейские отряды под командованием С. Лазо разгромили банды Семенова. Разбитые семеновцы откатывались к китайской границе. Военные сибирские власти 5 марта 1918 г. известили китайского консула в Иркутске и китайские власти на ст. Маньчжурия, что действия советских отрядов имеют своей целью исключительно подавление мятежа Семенова. Советское командование заверило китайских представителей в том, что «Советская власть Российской Республики всегда стремится поддерживать дружественные и добрые отношения с соседними народами и властями» Китая[10]. На состоявшейся 9 марта 1918 г. на ст. Маньчжурия встрече представителей советского сибирского и китайского провинциального командования советская сторона официально подтвердила, что «гражданская война не перейдет границу»[11]. Советские делегаты подчеркнули, что разбойные действия семеновцев мешают установлению торговых отношений[12] и выразили уверенность, что китайцы немедленно разоружат семеновцев или выдворят их со своей территории[13].

Разгром семеновцев, несомненно, оказал воздействие на политику местных китайских властей на этом участке границы. Успехи советских отрядов наглядно продемонстрировали силу и жизненность Советской власти. Китайские пограничные власти оказались перед перспективой нести бремя последствий навязанного империалистическими державами внешнеполитического курса, для осуществления которого реакционное пекинское правительство само не располагало возможностями. Угроза быть втянутыми в военные столкновения за чуждые интересы и на неопределенное время потерять хозяйственные связи с Сибирью, занимавшие важное место в экономической жизни Северо-Восточного Китая, побуждала китайские пограничные власти проявить в этих условиях известную самостоятельность и изменить свое отношение к событиям в соседних им областях Советской России.

---

[10] Государственный архив Иркутской области, ф. 342, оп. 1, ед. хр. 8, л. 2 (далее — ГАИО).

[11] Донесение С. Лазо со ст. Даурия от 11 марта 1918 г., — «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. I, М., 1940, стр. 184.

[12] «Известия ВЦИК», 13.IV.1918.

[13] Там же. См. также «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. I, М., 1940, стр. 184.

Принципиальное значение для подобной перемены позиции китайских пограничных властей имели заверения Советской власти о дружеских чувствах к Китаю и о стремлении строить добрососедские отношения на границе на основе взаимного невмешательства. Поэтому уже на первой встрече 9 марта 1918 г. с представителями сибирского военного командования китайские делегаты вынуждены были признать, что семеновские банды являются единственной причиной нарушения советско-китайских отношений на этом участке границы. Они не скрывали своей неприязни к семеновцам. Называя семеновцев «грабителями», китайские представители заявили, что «маленькой собачонке не удастся поссорить два больших государства»[14]. Далее китайские представители уверяли, что они занимают в гражданской войне в Советской России «строгий нейтралитет» и обязались в течение недели не пропускать семеновцев на советскую территорию и за это время запросить инструкции у своего правительства[15]. 15 марта переговоры были продолжены и завершились подписанием соглашения[16]. Китайское командование возобновило еще на три недели обязательство не допускать враждебных Советской России действий семеновцев с китайской территории[17]. Была также достигнута договоренность о немедленном возобновлении двустороннего пассажирского железнодорожного сообщения между Читой и Владивостоком через Северо-Восточный Китай[18] и телеграфной связи между Сибирью и Северо-Восточным Китаем[19]. Китайские представители гарантировали невмешательство семеновцев в железнодорожные дела[20] и сообщили о своем намерении прислать в Читу делегацию для ведения переговоров о возобновлении грузового железнодорожного сообщения между Сибирью и Северо-Восточным Китаем и вывоза из Северо-Восточного Китая продовольствия[21].

В этом же направлении развивались события и на других участках советско-китайской границы. В Дальневосточном крае Советской власти также удалось склонить власти Хэйхэского округа от политики враждебного вмешательства в события, происходившие в Амурской области, к политике добрососедского сотрудничества. Дальневосточный краевой исполнительный комитет Советов ответил решительным протестом на январский ультиматум правителя Хэйхэского округа. Вместе с тем краевой комитет заверил китайские власти, что сумеет обеспечить безопасность иностранных подданных, в том числе и китайцев, на советской территории[22].

В январе — феврале вопрос об отношении к переходу власти в Амурской области к Советам подвергся обсуждению на специальном совещании гражданских и военных властей и представителей торговых и финансовых кругов Хэйхэского округа, которое приняло решение не вмешиваться в события на русской стороне, поскольку они не затрагивали интересов Китая. В основе такой перемены позиции лежало признание факта, что установление Советской власти в Амурской области ничем не угрожало округу и создавало благоприятные условия для

---

[14] «Известия ВЦИК», 13.IV.1918.

[15] См. «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. I. стр. 184.

[16] «Известия ВЦИК», 19.III.1918.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 228.

[20] Там же.

[21] «Известия ВЦИК», 19.III.1918.

[22] «Дальневосточные известия», 23.I.(18.II) 1918.

развития добрососедских отношений на основе взаимовыгодных хозяйственных связей. Не случайно поэтому власти Хэйхэского округа заняли позицию невмешательства во время вооруженного выступления белогвардейцев в Благовещенске в начале марта 1918 г. Главари белогвардейцев и бывший русский консул в Айгуне (пограничный город на китайской стороне) обратились к местным китайским гражданским и военным властям с требованием оказать вооруженную помощь мятежникам. Это требование было поддержано японским офицером и коммерческим атташе американской миссии в Китае, находившимися в то время в Айгуне. Пытаясь спровоцировать китайские власти на вооруженное выступление против советских отрядов, белогвардейцы сделали несколько орудийных выстрелов с русского берега по Сахаляну. Однако китайские власти категорически отказались двинуть войска в Благовещенск [23].

В начале мятежа белогвардейцам удалось склонить на свою сторону несколько десятков китайцев, проживавших в Благовещенске. Когда об этом стало известно командованию советских отрядов, оно обратилось к китайским властям в Сахаляне с заявлением, в котором заверило последних в дружеских чувствах к народу Китайской Республики и предложило китайскому отряду расформироваться, гарантировав его составу «полную неприкосновенность... жилищ, личности и имущества». Предложение было принято, китайский отряд разоружился и больше не принимал участия в вооруженной борьбе [24].

Разгром белогвардейских мятежников в еще большей степени укрепил решимость властей Хэйхэского округа сохранять нейтралитет. Местные китайские войска немедленно разоружили остатки белогвардейских банд, бежавших на китайскую сторону.

В апреле 1918 г. советские дальневосточные власти предприняли попытку отозвать белого вице-консула в Айгуне [25] и тем самым устранить существенное препятствие на пути к установлению и развитию добрососедского сотрудничества с китайскими пограничными властями. Однако ввиду отказа вице-консула подчиниться и нерешительности властей Хэйхэского округа дело окончилось ничем.

Правитель Хэйхэского округа с ведома губернатора провинции Хэйлунцзян не выдавал белогвардейцам отнятого у них оружия вплоть до середины сентября 1918 г., т. е. до временного падения здесь Советской власти под объединенными ударами интервентов и белогвардейцев. На протяжении всего этого периода правитель округа не раз протестовал перед белым вице-консулом в Айгуне против попыток формировать на территории округа белогвардейские отряды и отказывался содействовать его антисоветской деятельности. Для сложившихся в отношениях между властями Амурской области и Хэйхэского округа взаимного доверия и добрососедского сотрудничества характерен следующий факт: 9 сентября 1918 г., когда положение Советской власти в Амурской области было уже безнадежным, Исполком областного совета и областной Совнарком сочли возможным «приветствовать» правителя Хэйхэского округа провинции Хэйлунцзян «за предложение... вести мирные переговоры о прекращении гражданской войны» и обратились к нему как к представителю «нейтральной стороны» с просьбой «не пропускать вооруженные отряды» белых с китайской территории на советскую до ближайшего съезда Советов области — до 20 сентября 1918 г. [26].

[23] «Дальневосточные известия», 28.III.1918; «Известия ВЦИК», 19.III.1918.
[24] «Дальневосточные известия», 27 и 29.III.1918.
[25] Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока, ф.р.-4518, оп. I, ед. хр. 33, л. 52 (далее — ЦГА РСФСР ДВ).

Со времени ликвидации в Амурской области весной 1918 г. белогвардейских мятежей значительное развитие получили хозяйственные связи как между Амурской областью и Хэйхэским округом, так и в целом между Дальневосточным краем и Северо-Восточным Китаем. Несмотря на запрет, наложенный пекинским правительством на торговлю с Советской Россией, китайские товары продолжали вывозиться в Амурскую область. 1 июня 1918 г. власти Хэйхэского округа официально объявили об открытии границы для торговли с советской Амурской областью. С открытием границы вывоз товаров и скота из Северо-Восточного Китая по тракту Цицикар — Айгунь в Благовещенск значительно возрос.

Интересы сохранения добрососедского сотрудничества и развития важных для Дальневосточного края экономических связей с Северо-Восточным Китаем поставили краевые советские власти перед необходимостью найти временное, впредь до рассмотрения центральными правительствами Советской России и Китая, решение вопроса о плавании советских и китайских торговых судов по пограничным рекам.

Согласно буквальному смыслу дореволюционных русско-китайских договоров, в частности статьи 1 Айгунского договора от 16 мая 1858 г., подтвержденной ст. XVIII Петербургского договора от 12 февраля 1881 г., по рекам Сунгари, Уссури и Амур было разрешено плавание судов только под русским и китайским флагами [27]. Однако царская Россия всячески препятствовала появлению китайского парового флота на этих реках. Это удавалось ей благодаря отсутствию в Северо-Восточном Китае судостроительных заводов. Когда же китайские предприниматели стали приобретать суда у русских владельцев, царское правительство запретило продавать пароходы китайцам [28]. Летом 1918 г., китайские купцы при поддержке провинциальных властей обратились к дальневосточному Совнаркому с просьбой о пропуске грузов на судах под китайским флагом через устье Сунгари [29].

Тогда же председателя Совнаркома посетила делегация представителей провинциальных китайских властей, поднявшая вопрос о пропуске грузов на судах под китайским флагом с Сунгари по Амуру на Уссури. В результате была достигнута договоренность о том, что советские власти «будут гарантировать безопасность плавания китайских пароходов» в ответ на подобные же гарантии китайских властей в отношении плавания советских судов на Сунгари [30]. Это означало отказ от односторонней привилегии плавания на пограничных реках, которой обладала царская Россия.

Несомненно, что бескорыстный, дружественный Китаю характер политики Советской власти оказывал решающее влияние на развитие устанавливавшихся на границе контактов и сотрудничества. Приемлемое для обеих сторон решение вопроса о судоходстве благоприятно

[26] Резолюция объединенного заседания членов Исполкома, Совнаркома, Военного Комитета и др. советских и общественных органов и организаций Амурской области от 9 сентября 1918 г. (см. ЦГА РСФСР ДВ, ф.р.-4518, оп. 1, д. 48, л. 255).
[27] «Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы», М., 1958, стр. 29, 59.
[28] Государственный архив Хабаровского края, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 14, лл. 1—2.
[29] «Дальневосточные известия», 27.VI.1918.
[30] Там же, 26.VII.1918; см. также А. Н. Хейфец, *Советско-китайские отношения в первые годы после Октябрьской революции*, стр. 31—32.

сказалось на хозяйственных связях Хабаровска и его области с Северо-Восточным Китаем. Продовольственные органы Хабаровска установили связи с «маньчжурскими и харбинскими хлеботорговцами, которые снабжали Хабаровск хлебом до последнего момента существования сов[етской] власти»[31]. «Хлеб доставлялся шаландами и китайскими пароходами. Для установления неофициального товарообмена летом 1918 г. в Хабаровск приезжали представители хэйлунцзянского губернатора»[32].

Вследствие острого продовольственного кризиса в Приморской и Амурской областях и приграничных районах Северо-Восточного Китая дальневосточный Совнарком счел возможным разрешить передачу нескольких пароходов из состава национализированного Советской властью амурского флота в аренду китайским купцам под гарантию пограничных китайских властей[33]. Пароходы предназначались для вывоза продовольствия по Сунгари. Однако события, разгоревшиеся в августе — сентябре 1918 г., не дали возможности выполнить эти решения[34].

В Восточной Сибири советские власти успешно сотрудничали с китайским консульством в Иркутске и широко использовали это сотрудничество в целях расширения торговых связей с Китаем. 1 июня 1918 г. они при посредничестве китайского консульства в Иркутске заключили соглашение с китайскими торговцами о поставке в Восточную Сибирь из Северо-Восточного Китая около 3,5 млн. пудов хлеба. Формально по тексту договора весь хлеб предназначался для китайских граждан, проживавших в Советской Сибири. Этот пункт соглашения давал возможность китайским поставщикам получить у дипломатических представителей империалистических держав в Северо-Восточном Китае, непосредственно контролировавших осуществление китайскими таможнями экономической блокады Советской России[35], разрешение на вывоз хлеба в Советскую Россию. Фактически же огромное количество хлеба, которого было с лихвой достаточно, чтобы удовлетворить потребности китайцев, живущих в Сибири, в течение нескольких лет, должно было поступать в распоряжение продовольственных органов советов Восточной Сибири. Первая партия хлеба в 50 тыс. пудов поступила в советское Забайкалье; однако уже вторая партия в результате японского вмешательства была возвращена из устья Сунгари в Харбин.

Несмотря на значительные успехи советских сибирских и дальневосточных властей в налаживании добрососедского сотрудничества с пограничными районами Китая, все же Советской власти пришлось на отдельных участках границы с Китаем, главным образом там, где КВЖД — собственность Советской России на территории Китая — смыкалась с железными дорогами Забайкалья и Приморья, выдержать

[31] В. Голощонко, *Партия и советы в Хабаровске за период 1917—1918 гг.*, — «Дальистпарт. Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке», кн. III, Владивосток, 1925, стр. 25.

[32] Там же.

[33] Постановления Дальсовнаркома от 26, 28 июля и 3 августа 1918 г. (см. ГАХК, ф. 410, оп. I, ед. хр. 2, лл. 31—32, 33, 38). Речь шла об 11 пароходах, купленных китайскими купцами у бежавших в Северо-Восточный Китай владельцев. Пароходы были проданы заочно. Дальневосточный Совнарком неоднократно заявлял о безусловном непризнании им незаконных сделок прежних судовладельцев и отказался выдать пароходы. Однако в ответ на просьбы китайских купцов Совнарком принял решение временно передать им пароходы под залог впредь до рассмотрения вопроса о законности сделок центральными правительствами.

[34] ЦГА РСФСР ДВ, ф. р.-4518, оп. 1, ед. хр. 48, лл. 240—241.

[35] См. «Народы Азии и Африки», 1962, № 5, стр. 89.

ожесточенную борьбу против происков империалистических держав и белогвардейщины.

Усилиями империалистических держав при попустительстве и участии пекинского правительства КВЖД была превращена с конца 1917 г. в базу русской контрреволюции. Здесь формировались белогвардейские банды, совершавшие набеги на Советскую Россию. Империалисты отводили КВЖД важную роль в планах антисоветской интервенции. Японо-китайские военные соглашения, подписанные весной и летом 1918 г., прямо предусматривали использование Северо-Восточного Китая и в первую очередь КВЖД в качестве плацдарма для нападения на Советскую Россию. Поэтому империалистические державы и русская контрреволюция никак не могли примириться с перспективой сотрудничества советских и китайских властей с целью пресечения вооруженных выступлений белогвардейских банд и использования КВЖД для восстановления хозяйственных связей, хотя бы на основе временных локальных соглашений. Как только в середине марта 1918 г. пограничные власти обеих сторон пришли к соглашению в Восточном Забайкалье, на ст. Маньчжурия прибыли представители Англии, Франции, Японии и белой русской миссии в Пекине и оказали давление на местное китайское военное командование[36]. В результате почти ни один пункт соглашения от 15 марта не был выполнен китайской стороной[37].

Английское и японское правительства готовили новое нападение семеновцев на Советскую Россию. Особую активность развивала японская военщина, стремившаяся взять на себя снабжение семеновцев оружием и тем самым поставить белогвардейского атамана под свой исключительный контроль. Во время трехнедельного затишья на границе семеновцы получили японские орудия, на помощь семеновцам прибыло 50 японских солдат[38].

6 апреля 1918 г. на ст. Мациевская представители советских сибирских и китайских провинциальных (Хэйлунцзян) властей вновь встретились за столом переговоров[39]. Китайские представители заявили, что они «не могут... контролировать» действия семеновских банд, и отказались впредь придерживаться своих обязательств перед советскими властями по отношению к семеновским бандам. Объясняя мотивы изменения своего отношения к семеновцам, китайские представители прямо признали, что «действия против семеновцев со стороны Китая обусловливаются отношением других союзников к нему. Союзники еще не приняли русского Советского правительства и не дали Китаю указаний (!), что нужно ликвидировать семеновское движение»[40]. Спустя несколько дней банды семеновцев вновь начали наступление на советское Забайкалье.

Сибирские власти продолжали настойчиво добиваться от пограничных китайских властей отказа от поддержки семеновских банд и участия в их авантюрах. В апреле сибирские власти протестовали против открытого содействия китайских военных чинов семеновцам при занятии последними ст. Даурия[41]. В мае 1918 г. комиссар по иностранным делам Сибири Я. Д. Янсон направил китайским властям в Харбин и

[36] Донесение С. Лазо от 31 марта 1918 г., — «Власть труда», 3.IV.1918.

[37] Там же.

[38] Там же.

[39] Протокол заседаний русской и китайской делегаций по пограничным вопросам от 6 апреля 1918 г., — «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 227—230.

[40] Там же.

[41] См. «Известия ВЦИК», 16.IV.1918; «Красное знамя», 19.IV.1918.

китайскому консулу в Иркутске копии декрета Центро-Сибири от 8 мая 1918 г., которым Семенов был объявлен врагом советского народа[42]. В сопроводительном письме к копии декрета содержалась просьба к китайским властям изгнать семеновские и прочие контрреволюционные банды из пределов Северо-Восточного Китая и не допускать их деятельности там в будущем[43].

В июне 1918 г. обострилось положение на советско-китайской границе в районе Гродеково — Пограничная в Приморье. Белогвардейские банды, формируемые в полосе отчуждения КВЖД, предприняли попытку прорваться в советское Приморье[44]. В связи с отказом китайских властей разоружить белогвардейские банды дальневосточные краевые власти обратились 17 июня 1918 г. к китайскому генеральному консулу во Владивостоке с требованием официально подтвердить нейтралитет Китая в гражданской войне на русском Дальнем Востоке[45]. Благодаря настоянию советских краевых властей командование китайских войск в районе ст. Пограничная дало заверения о стремлении установить дружественные отношения на советско-китайской границе и приняло на себя обязательство не допустить сосредоточения белогвардейских отрядов в пограничной полосе[46]. Вслед за этим представители советских дальневосточных властей и представители губернатора китайской провинции Цзилин, прибывшие в советское Приморье, выработали соглашение о нейтралитете и разоружении белогвардейских банд[47]. Белые отряды отошли от советской границы, и провокации на время прекратились[48].

Несмотря на прямую поддержку империалистических держав, банды Семенова в июне — июле 1918 г. были вновь разбиты советскими сибирскими отрядами. Остатки банд опять укрылись на китайской территории. 30 июля 1918 г. на ст. Мациевская советская и китайская военные делегации подписали предварительный текст договора о нормализации пограничных отношений в этом районе. Условия договора вступали в силу немедленно со дня его подписания[49]. Китайские военные представители обязались в течение пяти недель разоружить и ликвидировать семеновские банды на китайской территории. Это было главным итогом переговоров. Представители сибирского командования вновь подтвердили отсутствие у них намерения вторгаться на китайскую территорию, причем это было подкреплено согласием отвести советские отряды, разгромившие белогвардейцев, от китайской границы за станцию Даурия, т. е. на несколько десятков километров в глубь советской территории. Китайское командование получило возможность расположить свой передовой пост (в количестве не свыше 60 человек) на 86-м разъезде Забайкальской ж. д., т. е. на советской территории.

Вслед за разгромом семеновцев в июле 1918 г. возобновился вывоз товаров и продовольствия из Северо-Восточного Китая в советское Забайкалье[50]. Китайские военные власти способствовали установлению торговых связей тем, что эскортировали китайские обозы до советской территории[51]. После заключения последнего, июльского военного соглашения советские сибирские власти предпринимали «меры к скорейшему разрешению» «задач политического и экономического характера, как-то: возобновление ж. д. движения по Маньчжурской дороге (КВЖД), возобновление торговых сношений, урегулирование вопроса о КВЖД, и т. д.»[52].

Однако усилия советских властей не привели к закреплению и дальнейшему развитию уже достигнутых результатов в деле сотрудничества с китайскими пограничными властями. Китайская сторона не выполнила своих обязательств по обоим соглашениям: в июле в Приморье вступили белые отряды с КВЖД, а во второй половине августа на Забайкалье начали наступление семеновцы.

Новые выступления белогвардейских банд совпали по времени с началом объединенной антисоветской вооруженной интервенции войск США, Японии, Англии, Франции, Канады на Советском Дальнем Востоке и явились ее составной частью.

Провинциальные китайские власти капитулировали перед нажимом интервентов и белогвардейцев. И все же небезынтересно отметить, что хотя пекинское правительство, втянутое в интервенцию, направило в 10-х числах августа 1918 г. около тысячи солдат во Владивосток[53], китайские провинциальные войска, дислоцировавшиеся в приграничных пунктах, летом и осенью 1918 г. не принимали участия в боях иностранных интервентов и белогвардейцев против советских отрядов. Например, последние советские сибирские отряды, отступавшие к китайской границе в Западном Забайкалье, были разоружены 2 сентября 1918 г. белогвардейцами в Троицкосавске; китайские войска, стоявшие в это время в Маймачене, границы не переходили. Благовещенск был занят белыми и японскими отрядами 18 сентября 1918 г.

Такова вкратце история контактов между советскими сибирскими и дальневосточными властями, с одной стороны, и китайскими пограничными властями, с другой, весной и летом 1918 г.

Отношения, сложившиеся на советско-китайской границе в 1918 г., вызвали яростные нападки империалистических держав, которые, разумеется, не могли простить властям пограничных с Советской Россией местностей Китая их связей с советскими сибирскими и дальневосточными властями. Пекинское правительство по требованию держав в начале ноября 1918 г. уволило правителя Хэйхэского округа за сотрудничество с властями советской Амурской области.

Правительство Колчака, временно восторжествовавшего в Сибири и на Дальнем Востоке, специально занималось сбором материалов о китайских дипломатических чиновниках, бывших в 1918 г. в Советской России, а также о властях пограничных с Советской Россией местностей Китая, которые «скомпрометировали» себя связями с Советской властью; в частности, были собраны такого рода материалы о членах

---

[42] Декрет Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов Сибири (См. «Власть труда», 24.V.1918).

[43] ГАИО, ф. 342, оп. 1, д. 68, л. 1. С аналогичными заявлениями Янсон обратился также к иностранным консулам в Харбине и Иркутске (см. там же, л. 2).

[44] См. «Дальневосточные известия», 6.VI.1918.

[45] См. «Вечерние известия», 20.VI.1918.

[46] Там же.

[47] См. «Дальневосточные известия», 21.VI.1918.

[48] См. «Дальневосточные известия», 26.VI.1918.

[49] Текст договора см. «Центро-Сибирь», 6.VIII.1918, а также «Дальневосточные известия», 17.VIII.1918.

[50] Так, в Нерчинский хозяйственный отдел из Северо-Восточного Китая проследовал обоз из восьми подвод с товарами. Читинские советские власти использовали для закупки товаров в Северо-Восточном Китае посредничество китайских коммерсантов [см. «Советская власть» (Чита), 10.VII.1918].

[51] Там же.

[52] «Центро-Сибирь», 6.VIII.1918.

[53] «Paper relating to the foreign relations of the United States», 1918, Russia, vol. 2. p. 353.

китайского консульства в Иркутске, о китайских властях в Маймачене и Сахаляне.

* * *

Переход реакционного пекинского правительства Китая под нажимом империалистических держав во враждебный Советской России лагерь не означал полного прекращения контактов между Советской Россией и Китаем в 1918 г. С утверждением власти Советов на восточных окраинах революционной России на советско-китайской границе весной и летом 1918 г. установилось сотрудничество местных властей РСФСР и Китая, затронувшее многие стороны жизни пограничных областей обоих государств. Лишь империалистическая интервенция, приведшая к временной ликвидации Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке, прервала развитие этих взаимоотношений.

Сотрудничество советских и китайских пограничных властей в 1918 г. — еще один эпизод из истории ранних советско-китайских отношений, который наглядно подтверждает, что в 1918 г. имелись объективные условия для установления официальных советско-китайских отношений на началах, провозглашенных ленинским Декретом о мире, и помогает разоблачить политику правительств империалистических держав и пекинского правительства как главное препятствие на пути нормализации советско-китайских отношений, на пути развития и укрепления дружбы между народами РСФСР и Китая в то время.

В. Н. Барышников

РОЛЬ ГРУППИРОВКИ ЛЯО ВЭНЬ-И В АГРЕССИВНЫХ ПЛАНАХ США НА ТАЙВАНЕ

Основные цели внешней политики США диктуются интересами американских империалистических кругов, стремящихся к мировому господству, к уничтожению коммунизма и национально-освободительных движений. Этим целям соответствует и американская военная стратегия, так называемая национальная программа гибкого реагирования, предусматривающая беспрерывное наращивание обычных и ядерных вооружений и использование американских вооруженных сил, находящихся за пределами страны на многочисленных военных базах США, для развязывания агрессивных действий в любых районах земного шара.

Одной из самых крупных военных баз США на Дальнем Востоке является остров Тайвань, фактически оккупированный американскими вооруженными силами еще в 1949 г. На нем дислоцируются ракетные подразделения, 13-е авиасоединение и 7-й флот США. Он служит также базой для авиадесантных частей. Американское правительство делает все, чтобы увековечить отторжение Тайваня и островов Пэнхуледао от Китая и закрепить на них свое господство. В связи с усиливающимися во всем капиталистическом мире реалистическими тенденциями к признанию Китайской Народной Республики и допуска ее в Организацию Объединенных Наций американское правительство вкупе со своими союзниками по военным блокам стремится реализовать план создания «двух Китаев» и тем самым удержать Тайвань в своих руках. Именно этим объясняются американские «миролюбивые» предложения о «прекращении огня» в Тайваньском проливе и неоднократные требования влиятельных политических деятелей и ученых США о предоставлении места в ООН одновременно делегатам КНР и Тайваня. Поскольку для клики Чан Кай-ши легализация «двух Китаев» означает политическое банкротство и может привести к ликвидации ее власти на Тайване (на состоявшемся в конце 1961 г. пленуме ЦК гоминьдана выражалось мнение, что теория «двух Китаев» выгодна США, так как она предусматривает возможность «вытеснения чанкайшистской власти, лишь бы сохранить Тайвань»), поскольку она осмелилась протестовать против американского плана.

В этой обстановке на авансцену выступила группировка тайваньских сепаратистов, имеющих штаб-квартиру в Токио.

Американские журналы в последнее время то и дело напоминают, что «в Токио существует воинствующее, хотя и довольно слабое, движение за независимость, которое добивается создания некитайской Формозской республики»[1]. Перебирая различные варианты «решения тай-

[1] См. «The New Republic», 18.IV.1962; «Current history», December 1959; December 1961; «Foreign affairs», April 1958, № 3.

ваньской проблемы» в интересах США, одним из них они называют создание «независимого» Тайваня с группировкой тайваньских сепаратистов в Японии в качестве костяка новой администрации.

Упомянутое сепаратистское движение началось на Тайване после окончания второй мировой войны, когда остров в соответствии с решениями Каирской и Потсдамской конференций был передан Китаю. Тайваньские сепаратисты в то время агитировали за предоставление Тайваню прав местной автономии в рамках федерации китайских провинций— Соединенных Штатов Китая. Они предлагали, чтобы на конференции «большого числа либеральных китайских лидеров и мыслителей» было создано коалиционное правительство США, в котором не последняя роль отводилась бы тайваньским деятелям [2]. Эта концепция носила явные следы влияния американских правящих кругов, надеявшихся на приход к власти в Китае неких «либеральных элементов», которые помогли бы остановить развитие революционного движения в Китае. Однако по мере того как гоминьдановцы терпели поражение за поражением и ход гражданской войны в Китае складывался явно не в их пользу, тайваньские сепаратисты начали активизировать свою деятельность, проводя ее под лозунгом отделения острова от Китая и превращения его в самостоятельное нейтральное государство.

Сепаратисты приняли активное участие в восстании населения Тайваня в феврале 1947 г. против диктатуры тогдашнего гоминьдановского губернатора острова генерала Чэнь И, пытаясь повернуть это восстание в угодном им направлении. После кровавого подавления восстания большое число сепаратистов бежало в Японию, Гонконг, на Филиппины, где они развернули шумную пропагандистскую кампанию. Центром их деятельности стал Гонконг, а затем Япония, куда переселилось около 40 тыс. тайваньских эмигрантов.

Движение тайваньских сепаратистов привлекло к себе внимание правящих кругов США, которые заняли по отношению к ним сочувственную позицию. Лидер сепаратистов, обосновавшихся в Японии, Ляо Вэнь-и [3] в 1948 г. установил непосредственный контакт с управлением по иностранным делам при штабе Макартура.

В августе 1947 г. Тайвань посетил генерал Ведемейер, которому государственным департаментом США было поручено ознакомиться с положением на этом острове. Ведемейер встретился с представителями группировки Ляо Вэнь-и и принял от них петицию с изложением их требований предоставления Тайваню автономии. В петиции повторялось, что, по их мнению, решение проблемы лежит в превращении Тайваня в независимое нейтральное государство [4]. Именно в период пребывания Ведемейра на Тайване выявилась открытая поддержка со стороны США движения тайваньских сепаратистов. Сопровождавший Ведемейера в его поездке на Тайвань пресс-аташе американского посольства в Китае Кэдд заявил участникам этого движения, что:

[2] Joshua Liao, *Formosa Speaks,* Honkong, 1950, p. 20.

[3] Ляо Вэнь-и (Томас Ляо) родился на Тайване в 1910 г. По профессии инженер-химик. Высшее образование получил в США, в университете штата Огайо. Имеет ученую степень доктора философии. С 1950 г. живет в Токио. Женат на американке.

В руководстве группой сепаратистов активное участие принимал старший брат Ляо Вэнь-и — Ляо Вэнь-жуй (Джошуа Ляо), считающийся основателем и теоретиком движения за независимость Тайваня. Он приехал из США на Тайвань в 1946 г., участвовал в восстании 1947 г. и в 1948 г. находился в заключении в гоминьдановской тюрьме. В 1948 г. выехал в Гонконг, где преподавал в университете политические науки. Умер в 1958 г.

[4] 中國外交史，北京，外交学院，1957, стр. 366.

1) пока не подписан мирный договор с Японией, правительство США будет считать статус Тайваня «неопределенным» (как известно, статус острова, с точки зрения правительства Англии, Японии, США и других империалистических держав, остался «неопределенным» и после подписания мирного договора с Японией в Сан-Франциско в сентябре 1951 г. Этот искусственно созданный «аргумент» лежит в основе теории «двух Китаев»);

2) США намерены применить по отношению к Тайваню Атлантическую хартию, предоставив возможность населению острова выразить свое мнение о самоопределении;

3) население может обращаться с просьбами непосредственно к командующему союзными оккупационными войсками в Японии генералу Макартуру, так как Тайвань находится в сфере его юрисдикции;

4) в случае желания населения Тайваня отделиться от Китая США окажут ему необходимую поддержку;

5) США с пониманием встретят просьбу об опеке;

6) США окажут экономическую помощь Тайваню [5].

В докладе государственному департаменту об инспекционном визите на Тайвань генерал Ведемейер сообщил, что жители острова благоприятно воспринимают идею об опеке над островом, осуществляемой США или ООН. Ведемейер указывал, что тайваньцы выражают опасения, как бы гоминьдановское правительство не превратило Тайвань в базу для сохранения своей пошатнувшейся и разлагающейся власти. И эти опасения, как отметил генерал Ведемейер, являются «вполне обоснованными» [6].

В Токио возникла Лига повторного освобождения Тайваня, возглавляемая братьями Ляо. Помимо нее был создан ряд других сепаратистских организаций, таких как Лига уроженцев Тайваня, Молодежная лига Тайваня, Лига тайваньских студентов, Ассоциация женщин нового Тайваня и т. д. Все эти организации были чрезвычайно малочисленными, и главная цель их создания заключалась в пропаганде сепаратистских взглядов, в придании видимости массовости движению за отделение Тайваня от Китая. 23 августа 1948 г. в Токио был опубликован манифест ряда сепаратистских организаций тайваньских эмигрантов, в котором содержалось требование провести на Тайване плебисцит и предоставить ему независимость. Манифест подписали лидеры эмиграции: Ляо Вэнь-и — от Лиги повторного освобождения Тайваня, И. Т. Цзэн — от Лиги борьбы за независимость Тайваня, С. Л. Пань — от Лиги уроженцев Тайваня, Питер К. Хуан — от Молодежной лиги Тайваня, К. С. Юн — от Ассоциации демократической реконструкции, С. Л. Чао — от Ассоциации женщин нового Тайваня, Фрэнк С. Лим — от Лиги тайваньских студентов, К. К. Лим — от Лиги экономических исследований, П. Л. Ху — от Литературной ассоциации и Г. Т. Тан — от Народной лиги Тайваня [7]. Все эти деятели ратовали за создание объединения тайваньских организаций, к голосу которого прислушивались бы за рубежом.

В мае 1950 г. в Токио было объявлено о создании Демократической партии независимости Тайваня [8]. В число ее лидеров помимо Ляо Вэнь-жуя и Ляо Вэнь-и вошли генерал Уилфред Вон, Джеймс Х. Сэнь, Гордон Тан, И. Т. Цзэн и Фрэнк С. Лим. По сведениям, исходящим от

[5] Там же.

[6] «United States relations with China», Washington, 1949, p. 309.

[7] F. Riggs, *Formosa under Chinese nationalist rule,* New York, 1952, p. 56.

[8] A. Doak Barnett, *Communist China and Asia,* New York, 1960, p. 396.

сепаратистов, в рядах этой партии только в Токио насчитывается 3 тыс. человек [9].

США постарались создать для партии тайваньских сепаратистов довольно широкую рекламу. Тогдашний заведующий азиатским отделением агентства Юнайтед Пресс Эрнест Хобрехт (позднее он был вице-президентом этого агенства и директором отделения в Азии) представил Ляо Вэнь-и как лидера Демократической партии независимости Тайваня иностранным корреспондентам в Токио.

Программа тайваньских сепаратистов предусматривала достижение независимости острова. Необходимость отделения Тайваня от Китая обосновывалась в ней рядом причин [10].

Во-первых, сепаратисты утверждали, что между тайваньцами и жителями материкового Китая сложились сильные национальные различия, которые требуют и государственного разграничения. «Это факт,— заявил Ляо Вэнь-и, — что некитайские аборигены, включая ассимилированных, составляют по своей численности почти одну десятую всего населения острова [11]. Что касается остальных жителей, то хотя китайская кровь у них доминирует, однако бесспорно, что в результате браков они постоянно абсорбировали кровь голландцев, испанцев и маньчжур в отдаленном прошлом и кровь японских эмигрантов до недавнего времени». Ляо Вэнь-и заключил, что тайваньцы — это особый народ, отличный от китайского народа [12].

Во-вторых, игнорируя общеизвестные исторические факты, сепаратисты доказывали, будто Тайвань никогда не принадлежал Китаю и жители острова вели непрекращавшуюся войну против материка. Между тем Тайвань и Пэнхуледао были заселены китайцами еще в III в. до н. э., и до аннексии этих островов Японией в 1895 г. они были провинцией Китая.

В-третьих, сепаратисты утверждали, что созданию независимого государства на Тайване благоприятствуют и географические факторы, в частности пролегающий между островом и материком 300-километровый Тайваньский пролив, являющийся «естественной национальной границей». Абсурдность этого геополитического довода очевидна.

В-четвертых, тайваньские сепаратисты доказывали всегдашнюю независимость Тайваня от материка в экономическом отношении [13], хотя до захвата острова Японией в 1895 г. его экономика находилась в тесной хозяйственной взаимосвязи с материковой частью Китая.

Требуя предоставления независимости Тайваню, сепаратистская программа утверждала, что положение Каирской декларации о передаче острова Китаю представляло собой «международный диктат», с которым ни в коем случае «нельзя согласиться». Сепаратисты заявляли также, что решение, принятое в Каире по тайваньскому вопросу, является ошибочным и в техническом отношении, так как Япония отторгла ост-

---

[9] «Current History», December 1961.

[10] В данной статье подробно не рассматривается аргументация сепартистов, поскольку в ряде трудов китайских ученых уже проанализированы все псевдотеории, стремящиеся доказать, что Тайвань не является китайской территорией (см. 吴壮达，台湾的開發，北京，1958，揚克煌，台湾人民民族解放斗爭小史，武漢，1956, У Чжуан-да, *Тайвань*, М., 1959).

[11] На самом деле из 11 млн. человек, составляющих в настоящее время население Тайваня, 2 млн. бежали из материкового Китая в последний период гражданской войны, 9 млн. — коренные островитяне, из которых только 200 тыс. не являются ханьцами (т. е. около 2% коренных тайваньцев) (см. «China Yearbook 1960», Taipei, 1961).

[12] «Contemporary Review», № 1116, December 1958, p. 344.

[13] Joshua Liao, *Formosa Speaks*, pp. 51—53.

ров Тайвань не у китайцев, а у тайваньцев, а поэтому последним он и должен быть возвращен [14]. Несколько позднее сепаратисты, спекулируя на стремлении народов к миру, использовали также тезис о том, что только объявление Тайваня «нейтральным и независимым» способно установить прочный мир на Дальнем Востоке.

В соответствии с этой программой Лига повторного освобождения Тайваня в марте 1949 г. направила в адрес Организации Объединенных Наций послание с требованием провести на Тайване плебисцит по вопросу о независимости [15]. (Такая же петиция посылалась в ООН в октябре 1950 г. и в последующие годы.)

Новый импульс движению тайваньских сепаратистов был дан в результате опубликования государственным департаментом США в августе 1949 г. Белой книги об американо-китайских отношениях, в которой делалась попытка возложить на режим Чан Кай-ши вину за провал американской экспансионистской политики в Китае.

Под руководством Питера Хуана, Фрэнка С. Лима, Гордона Тана и И. Т. Цзэна активизировались тайваньские сепаратисты в Японии. В октябре 1949 г. Ляо Вэнь-и отправился на Филиппины, а затем в Индонезию, где с помощью своих сторонников из среды тайваньской эмиграции проповедовал идею проведения на Тайване плебисцита. Свое требование он обосновывал тем, что Каирская декларация 1943 г. якобы является незаконной, поскольку Атлантическая хартия 1941 г. предусматривала самоопределение наций.

В декабре 1949 г. И. Т. Цзэн представил в Союзнический контрольный совет для Японии (SCAP) меморандум, требовавший немедленной оккупации Тайваня вооруженными силами западных стран в качестве подготовительной меры к проведению среди жителей острова референдума по вопросу о независимости [16].

Однако в то время США не могли открыто выступить в поддержку движения за независимый Тайвань. Американское правительство не потеряло еще надежды восстановить власть Чан Кай-ши в материковой части Китая и поэтому укрепляло гоминьдановский режим на Тайване. Кроме того, гоминьдановцы после эвакуации на остров довершили разгром сепаратистских элементов, принимавших участие в февральском восстании 1947 г., и установили неограниченную диктатуру, которой тайваньские сепаратисты не были в состоянии что-либо противопоставить.

Тем не менее американцы помогли группе Ляо Вэнь-и прочно обосноваться в Токио и продолжать свою деятельность. Она была сохранена как резерв в китайско-тайваньской политике США, чтобы в случае необходимости ее можно было пускать в ход в качестве «третьей силы».

После того как в конце 1954 — начале 1955 г. правительство США, убедившись в невозможности реставрации гоминьдановского режима в Китае, взяло курс на создание «двух Китаев», группировка тайваньских сепаратистов снова активизировалась. Клика Ляо Вэнь-и оказалась необходимой ее американским хозяевам в связи с тем, что реализация плана «двух Китаев» натолкнулась на серьезные трудности, так как

---

[14] Ibid, pp. 54—55. Каирская конференция 1943 г. приняла решение, «чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев, как, например, Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова, были возвращены Китайской республике». Это положение было подтверждено в Потсдамской декларации и в Акте о капитуляции Японии (1945 г.).

[15] Joshua Liao, *Formosa speaks*, p. 21.

[16] Ibid.

гоминьдановские власти на Тайване решительно выступили против намерения превратить остров Тайвань во «второй Китай». Клика Ляо Вэнь-и явилась одним из средств для шантажа, посредством которого США попытались воздействовать на «взбунтовавшегося» Чан Кай-ши.

1 сентября 1955 г. в Токио на конференции тайваньских сепаратистов, в которой приняло участие 100 человек, было создано так называемое «Временное национальное собрание Тайваньской Республики» в составе 40 членов — представителей от различных сепаратистских организаций. «Временное национальное собрание» в феврале 1956 г. избрало «президентом Тайваньской Республики» Ляо Вэнь-и, который в свою очередь сформировал «временное правительство» [17].

Финансирование деятельности «тайваньского правительства» взяло на себя Центральное разведывательное управление США, которое для этой цели пользовалось посредничеством некоторых религиозных организаций в Японии, связанных с кликой Ляо Вэнь-и [18].

Попутно необходимо указать, что своим существованием клика Ляо Вэнь-и обязана также поддержке японских кабинетов Иосида, Киси и Икэда, которые активно содействовали американским планам создания «двух Китаев».

Создание эмигрантского правительства сопровождалось рядом митингов и собраний тайваньских сепаратистов, проходивших под лозунгами: «Против коммунистов и против Чан Кай-ши», «За независимость Тайваня» и т. д.

На митинге 28 февраля 1958 г. в Токио Ляо Вэнь-и и его сторонники всячески расхваливали предложение видного американского ученого-китаеведа профессора Гарвардского университета Д. Фейрбэнка о создании «независимого Тайваня» и о допуске его в Организацию Объединенных Наций в качестве суверенного государства. Сепаратисты с одобрением отозвались также о выступлении сенатора Фулбрайта 16 июня 1957 г. и сенатора Морзе 26 декабря 1957 г., которые ратовали за независимость Тайваня [19].

Один за другим представители «Временного правительства Тайваньской Республики» выезжали в другие государства, пытаясь добиться поддержки их движения и даже признания их в качестве законного правительства Тайваня. В июне 1958 г. с подобными домогательствами выступил, например, один из эмиссаров Ляо Вэнь-и некий Чэнь Чжисюн, который, приехав в Джакарту, пытался наладить официальные отношения с правительством Индонезии. Он посетил агентство «Антара» и заявил, что является «специальным уполномоченным по странам Юго-Восточной Азии» от «Временного правительства Тайваньской республики», находящегося в Токио, и что ему поручено создать представительство этого «правительства» в Индонезии. В связи с этими попытками генеральный секретарь Министерства иностранных дел Индонезии Сувито опубликовал заявление, в котором подчеркнул, что правительство Индонезии не собирается вступать в какие-либо контакты с представителем «движения за свободный Тайвань» и что оно считает остров Тайвань неотъемлемой частью Китайской Народной Республики [20].

В то же время группировка Ляо Вэнь-и продолжала петиционную

[17] «Вице-президентом Тайваньской Республики» является видный сепаратист У Чжэнь-нань. Среди членов «правительства» — Цзянь Вэнь-цзе, Чжан Чун-син, Сюнь И-чжунь.

[18] «Акахата», 13.IX.1961.

[19] «Japan press», 5.III.1958, № 68.

[20] 人民日报, 14.VI.1958.

кампанию, направляя Организации Объединенных Наций, Международному суду в Гааге, а также крупнейшим международным конференциям (типа Бандунгской и Женевской) требования о предоставлении Тайваню независимости, что на самом деле означало бы отчуждение острова от Китая и переход его в руки американских монополий.

В начале 1958 г. представитель тайваньских сепаратистов Цзянь Вэнь-цзе вместе с японской делегацией отправился в Каир на конференцию солидарности стран Азии и Африки и пытался (правда, безуспешно) добиться права участвовать в работе этой конференции в качестве посланца «Тайваньской республики» [21].

Клика Ляо Вэнь-и издавала в Токио собственную газету «Minpo» (сейчас 台,湾公报訐 и «Taiwan Youth»).

Общественность Китайской Народной Республики справедливо расценила маневры кучки тайваньских сепаратистов как продолжение интриг американского империализма, стремящегося путем закулисных махинаций добиться отделения острова от Китая. Печать КНР с гневом и презрением клеймила предательскую деятельность клики Ляо Вэнь-и, продавшейся иностранным монополиям. Она выражала твердую уверенность китайского народа, что все происки сторонников «двух Китаев», под каким бы камуфляжем они ни выступали, окончатся провалом [22].

Инспирированная Соединенными Штатами деятельность сепаратистской группировки Ляо Вэнь-и, угрожающей режиму Чан Кай-ши, не могла не вызвать ответной реакции и со стороны гоминьдановских кругов на Тайване [23]. Тайваньские газеты «Чжунхуа жибао», «Чжунянь жибао», журнал «Чжэнчжи пинлунь» и другие неоднократно отводили свои страницы разоблачению «предательской деятельности самозванца Ляо Вэнь-и». В то же время гоминьдановские власти беспощадно расправляются со всеми лицами на Тайване, заподозренными в сепаратистских настроениях. Так случилось с рядом политических деятелей во главе с Лэй Чжэнем, попытавшихся в 1959 г. накануне приезда на Тайвань президента США Эйзенхауэра организовать оппозиционную гоминьдану партию, которая ориентировалась бы на провозглашение «независимости» Тайваня. Лэй Чжэнь вместе со своими коллегами был обвинен в измене и приговорен к длительному тюремному заключению.

На Тайване клика Ляо Вэнь-и в настоящее время, видимо, не имеет массовой базы, хотя американская печать часто пишет о серьезном недовольстве населения острова засильем гоминьдановцев. Причина такого положения, с нашей точки зрения, заключается не только в тех репрессивных мерах, с помощью которых правящие круги гоминьдана подавляют сепаратистские настроения, но и в тех политических и экономических акциях, которые предпринимал Чан Кай-ши на Тайване, предотвращая рост народного недовольства и появление антагонизма между коренными островитянами и беглецами с материка.

Во-первых, в 1949—1953 гг. на Тайване была проведена аграрная реформа, которая облегчила условия аренды, а также частично изменила систему землевладения. Крестьянам-арендаторам была продана часть государственных и помещичьих земель. Это мероприятие преследовало

[21] «Japan press», 5.III.1958, № 68.

[22] См., например, 人民日报 4.IX.1949; 9.VI.1958; 4.III.1960; 27.VI.1960; 10.IX.1961.

[23] Тайваньские сепаратисты утверждают, что ненависть гоминьдановцев к ним зашла столь далеко, что за голову Ляо Вэнь-и ими обещана награда в 30 тыс. долл. Они утверждают также, что гоминьдановцы охотятся за руководителями движения за независимость Тайваня и, в частности, они отравили заместителя Ляо Вэнь-и по пропаганде, некоего Со Е-дэна («Contemporary review», № 1116, 1958).

цель хотя бы временно приостановить развитие острейшего кризиса в тайваньской деревне, отвратить массы крестьянства от борьбы и затруднить деятельность сепаратистов среди них.

Во-вторых, гоминьдановцы последовательно облегчали для местной тайваньской буржуазии возможность заниматься предпринимательской деятельностью, ограничивая их фактически лишь в некоторых отраслях промышленности и во внешней торговле.

В-третьих, коренные тайваньцы получили возможность заниматься политической деятельностью на провинциальном уровне. Подавляющее большинство делегатов, избираемых в законодательную ассамблею, а также в муниципалитеты, являются тайваньцами. Тайваньцы включаются в делегации «Китайской Республики» на сессии Генеральной Ассамблеии ООН, участвуют в составе гоминьдановских делегаций в работе различных международных организаций и т. д. Это создает видимость существования политических свобод и равных прав для тайваньцев.

Кроме того, более половины членов гоминьдана — тайваньцы. Это — результат систематической кампании по вовлечению в гоминьдан всех влиятельных тайваньцев. Гоминьдановская армия (преимущественно солдаты) на 70% состоит из тайваньцев. Партийная и армейская машина воспитывает их в духе ханьского национализма. Им прививается идея, что Тайвань — это часть Китая и что их миссия — «освободить» материковый Китай.

Официальным языком на Тайване является мандаринский диалект, который усиленно распространяется среди жителей острова.

Все эти меры значительно ограничивают сепаратистское движение на Тайване, лишая его на данном этапе массовой базы [24].

Одновременно гоминьдановцы, используя свои организации, ведут активную работу среди 15 млн. китайских эмигрантов, живущих главным образом в Юго-Восточной Азии. Цель этой деятельности — укрепить их ориентацию на Тайвань, привлечь их капиталы и добиться их поддержки гоминьдановского курса на «возвращение на материк». Действуя в этом направлении, гоминьдановцы приглашают на Тайвань представителей имущих слоев китайских землячеств различных стран, увеличивают число мест в колледжах и университетах для молодых китайских эмигрантов и т. д.

Наряду с борьбой против тайваньских сепаратистов гоминьдановские власти на Тайване продолжают упорно противодействовать попыткам США склонить их к согласию с ситуацией «двух Китаев». Они отказываются расстаться с доктриной «освобождения материка», вывести или хотя бы сократить численность своей армии на прибрежных островах Цзиньмыньдао и Мацзудао (на этих островах, по американским данным, сосредоточена одна треть сухопутных сил Чан Кай-ши). А это затрудняет реализацию плана «двух Китаев». Такая позиция гоминьдановцев заставляет правящие круги США снова обращаться к помощи клики Ляо Вэнь-и в качестве орудия для шантажа.

[24] Следует, однако, заметить, что в будущем не исключена возможность постепенного роста сепаратистского движения на Тайване, если учесть к тому же, что подобные тенденции всячески стимулируются и сепаратизм усиленно поддерживается и поощряется влиятельными кругами США. Профессор Миннесотского университета Вернер Леви отмечает, что усилению социальных позиций и влияния коренных тайваньцев на острове способствуют контакты с американцами, которые укрепляют их авторитет и независимую позицию. Он отмечает также, что вовлечение в армию Чан Кай-ши большого числа тайваньцев, часть которых получила офицерские звания, может иметь в будущем важные последствия, поскольку «по мере роста прослойки формозцев в армии ее энтузиазм в деле освобождения материка может уменьшиться в пользу обороны острова, и, возможно, она поможет политической эмансипации формозцев» («Current history», December 1961).

В апреле 1958 г. влиятельный американский журнал «Форин афферс», в число издателей которого входили тогдашний помощник государственного секретаря США по делам Дальнего Востока Робертсон и директор Центрального разведывательного управления А. Даллес, предоставил свои страницы пропаганде взглядов движения за «независимый» Тайвань. Значение этого факта нельзя преуменьшать, учитывая то влияние, которое имеет журнал «Форин афферс» в США. В обширной статье «Китайский тупик» [25] сторонник Ляо Вэнь-и, специалист по делам Дальнего Востока Ли Тянь-хок упрекает правительство США за то, что оно поддерживает гоминьдановский режим, «претендующий на суверенность, хотя он не имеет никакой власти и ему не хватает суверенности даже там, где он существует». Ли Тянь-хок заявляет, что тайваньцы не считают себя китайцами, что они «жаждут независимости». Он утверждает, что признание этих претензий сепаратистов дало бы США «благородный путь выхода из теперешнего затруднительного положения». По его мнению, США и другие страны вправе пренебречь положением Каирской декларации о возвращении Тайваня Китаю и передать его тайваньцам, основываясь на принципе самоопределения наций и Уставе Организации Объединенных Наций (в частности, на ст. 103). «Допуская разговоры о неопределенности статуса Тайваня, — пишет Ли Тянь-хок, — Соединенные Штаты обрекают себя на незащитимую позицию и дают коммунистам большие преимущества в пропагандистской войне». Он указывает, что создание «свободного, независимого» государства на Тайване принесло бы США множество преимуществ и избавило бы их от проблем, «возникающих от их поддержки Чан Кай-ши». Он прямо связывает вопрос о длительной оккупации Тайваня американскими вооруженными силами (из-за стратегической, политической и психологической значимости этого острова) с вопросом об окончательном решении проблемы правового статуса и создания Тайваньской Республики. «Освободив Формозу от проблем представительства Китая в Объединенных Нациях и признания китайского коммунистического режима, — пишет Ли Тянь-хок, — Соединенные Штаты могут вернуть себе свободу действий. Если бы Формоза была независимой и была союзницей, Соединенные Штаты имели бы все правовые и моральные оправдания для обороны острова, а союзники США, внеблоковые народы Азии и страны, признающие коммунистический Китай, смогли бы поддержать такие усилия». Делая реверансы в сторону США, Ли Тянь-хок называет их «символом демократии и свободы», «необходимым союзником» тайваньцев в их борьбе за независимость. Ляо Вэнь-и, выступая в Токио в конце 1958 г., в качестве одного из способов создания «свободного Тайваня» указал на оккупацию острова Соединенными Штатами Америки.

Идея превращения Тайваня в независимое государство (под любым названием — «Китайская республика» или «Тайваньская республика») пользуется все большей популярностью среди влиятельных кругов США, а также среди тех ученых, которые обслуживают государственный департамент [26].

[25] Li Thian hok, *The China impass. A Formosan view,* — «Foreign affairs», vol. 36, April 1958, pp. 437—448.

[26] См., например: R. A. Scalapino, *Communist China and Taiwan,* Berkley, 1960; D. Fairbank, *Communist China and Taiwan in United States Foreign Policy,* University of Connecticut, November 1960; N. Grabner, *China: unanswered challange»,* — «Current history», vol. 2, № 245, January 1962.

После прихода к власти демократов правительство Кеннеди энергично продолжало политику своих предшественников, подготовлявших почву для создания «двух Китаев». Оно пыталось выйти из затруднительного положения и все растущей изоляции, в которой оказались США в своей политике в отношении Китая.

Еще до своего избрания президентом США Д. Кеннеди активно проповедовал идею «двух Китаев». В беседе с корреспондентом английской газеты «Санди таймс» в июле 1960 г. Кеннеди заявил, что «Формоза, возможно, будет признана независимым государством». Кеннеди обещал занять более жесткую позицию в отношении Чан Кай-ши. «Мы хотим, чтобы решение, которое приведет Соединенные Штаты к войне или миру, — заявил Кеннеди 16 сентября 1961 г., — базировалось на статьях американской конституции, а не зависело от генералисимуса Чан Кай-ши» [27].

В апрельском номере «Форин афферс» за 1961 г. один из видных деятелей американской дипломатии Ч. Боулс выступил за создание «китайско-формозского независимого государства» — «преимущественно китайского в смысле культуры, а формозского в смысле взглядов». «В конечном итоге с Формозой, — писал Ч. Боулс, — если она останется единым целым, и со всем ее народом необходимо будет проконсультироваться в отношении формы правления» [28].

Другой политический деятель США, близкий к Кеннеди, постоянный представитель США в ООН Э. Стивенсон также выступил за признание «права населения Формозы провести под наблюдением ООН референдум для определения своей судьбы» [29].

Реализация этих планов была возможна лишь с согласия Чан Кай-ши. Поскольку такого согласия добиться не удалось, на политическую арену снова был выпущен Ляо Вэнь-и.

Выступая на пресс-конференции в Токио 8 марта 1960 г., лидер тайваньских сепаратистов, как сообщило агентство Ассошиэйтед Пресс, призвал к проведению на острове свободных выборов, с тем чтобы свергнуть Чан Кай-ши и его правительство беженцев и создать независимое правительство. Характерно, что его доводы повторяли рассуждения сторонников теории «двух Китаев». Он заявил, в частности, что острова Цзиньмыньдао и Мацзудао должны быть переданы Китайской Народной Республике, так как никогда не были частью Тайваня.

В конце 1961 г. в Вашингтоне распространилось сообщение о том, что Ляо Вэнь-и должен посетить США. Приглашение было направлено американскими властями через премьер-министра Японии Х. Икэда, встретившегося с Кеннеди летом того же года. Этот шаг правительства США снова явился демонстративным средством давления на клику Чан Кай-ши, которая упорно отказывалась следовать в фарватере американской политики в вопросе о приеме Монгольской Народной Республики в ООН. Известно, что правительство США было вынуждено согласиться на прием МНР в ООН, чтобы избежать больших затруднений в отношении дальнейшего маневрирования в ООН по вопросу об отсрочке допуска КНР в эту организацию. Угроза Кеннеди установить открытые связи с Ляо Вэнь-и оказалась столь действенной, что, несмотря на клятвы Чан Кай-ши, Чэнь Чена и других гоминьдановских деятелей не допустить МНР в ООН, им все же пришлось пойти на попят-

[27] «Figaro literare», 18.XI.1961, p. 16.
[28] «Foreign affairs», vol. 38, March 1960.
[29] «Foreign affairs», vol. 39, January 1961.

ную. 14 октября 1961 г. после длительных консультаций с Тайбэем гоминьдановский посол в США Цзян Тин-фу был вынужден согласиться с требованиями государственного департамента и отказался от применения вето по вопросу о приеме МНР в Совете Безопасности. В обмен на это государственный департамент в числе прочих уступок аннулировал приглашение Ляо Вэнь-и посетить США.

Недопущение Ляо Вэнь-и в США вызвало резкое недовольство американских сторонников «независимого» Тайваня. Один из них, профессор права в университете Сент-Луис (штат Миссури) Роберт Селдер опубликовал в журнале «Прогрессив» протест, квалифицируя решение правительства Кеннеди, лишившее «стойкого антикоммуниста» Ляо Вэнь-и возможности приехать в США, как «одну из постыднейших и лицемернейших линий в нашей (США. — *В. Б.*) политике — отказ тайваньцам в самоуправлении» [30]. Профессор Иллинойсского университета Норман Гребнер также сетует по этому поводу, ибо, по его мнению, «разрешение доктору Ляо совершить поездку по США дало бы американскому народу важную возможность узнать побольше о настроениях тайваньцев и их надеждах на будущее» [31].

Ляо Вань-и компенсировал эту неудачу пропагандистской поездкой по странам Юго-Восточной Азии, которая продолжалась около шести месяцев — с сентября 1961 г. по февраль 1962 г. 27 февраля 1962 г. он был снова избран лидером тайваньских сепаратистов. Члены группировки Ляо Вэнь-и провели ряд митингов и демонстраций. В феврале 1961 г. в Токио они отметили 14-ю годовщину восстания тайваньцев 1947 г. В ноябре они пикетировали гоминьдановское посольство в Токио, а также гоминьдановское консульство в Осака. В октябре 1961 г. токийская полиция произвела аресты среди тайваньских сепаратистов, пытавшихся сорвать митинг китайских эмигрантов, отмечавших 50-ю годовщину революции 1911 г. [32].

Необходимо все же указать, — для сохранения правильной перспективы, — что Ляо Вэнь-и является лишь одной из креатур госдепартамента США, на которую последний может опереться в своих попытках создать «независимый» Тайвань. Как писала газета «Нью-Йорк таймс», «американские специалисты по вопросам ситуации на Тайване не сбрасывают доктора Ляо со счетов, но и не считают его тем, за кого он себя выдает» [33]. В Японии, США и на самом острове Тайвань имеются и другие кандидатуры, претендующие на роль лидеров «свободного» Тайваня. Однако эмигрантское «правительство» Ляо Вэнь-и, с нашей точки зрения, является пока наиболее удобным инструментом для американских империалистов в их попытках сепаратизации Тайваня.

Следует однако подчеркнуть в заключение, что все потуги американского империализма, направленные на осуществление плана «двух Китаев», обернутся для него полным фиаско. Ни хитроумные интриги, ни бряцание оружием не в состоянии помешать конечному торжеству справедливого дела китайского народа, борющегося за воссоединение своих исконных земель — Тайваня и Пэнхуледао. В этой борьбе китайский народ пользуется поддержкой честных людей всего мира и прежде всего советского народа и народов других социалистических стран.

[30] «The Progressive», December 1961.
[31] «Current history», vol. 42, № 245, January 1962.
[32] Репортаж об одном из сборищ Ляо Вэнь-и в Токио см. «The New York times» 5.III.1961.
[33] Ibid.

Б. П. Гуревич

ПОЛИТИКА РОССИИ В ОПИУМНОМ ВОПРОСЕ В ПЕРИОД АНГЛО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ 1839—1842 гг.

В истории взаимоотношений России и Китая в первой половине XIX в. особый интерес представляют русско-китайские отношения в годы первой англо-китайской, или «опиумной», войны, которая стала поворотным пунктом в истории китайского народа. Эта война, как известно, положила начало превращению феодального китайского общества в полуколониальное и полуфеодальное общество. Первая «опиумная» война 1839—1842 гг. в то же время привела к новой расстановке сил на Дальнем Востоке и оказала большое влияние на все дальнейшее развитие международных отношений в этом районе Азии.

Русско-китайские отношения в этот критический для Китая момент завершают собой длительный этап в развитии традиционных связей между Россией и Китаем, базировавшихся на принципах равенства. Особенность этих связей отмечал в 1857 г. К. Маркс: «У России совершенно особые отношения с Китайской империей. В то время как англичане и мы сами лишены привилегии непосредственной связи даже с наместником Кантона (т. е. Гуанчжоу. — *Б. Г.*) ...русские пользуются преимуществом держать посольство в Пекине...

Поскольку русские не вели морской торговли с Китаем, они никогда не были заинтересованы в спорах по этому вопросу, никогда не вмешивались в них в прошлом и не вмешиваются теперь; на русских не распространяется поэтому та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря... русские ведут специфическую для них внутреннюю сухопутную торговлю (речь идет о русско-китайской торговле в Кяхте. — *Б. Г.*)...»[1]

Указанная выше особенность русско-китайских отношений весьма ярко проявилась в политике России в вопросе о торговле опиумом в Китае.

Распространение опиума — этого вредоноснейшего наркотика — в Китае получило со второй четверти XIX в. широкую поддержку со стороны правящих кругов Англии, США и других держав. Торговля опиумом насильственно насаждалась ими в колонизаторских целях. Опиумный вопрос, как известно, был в конце концов использован английской буржуазией для развязывания в 1839 г. первой «опиумной» войны против китайского народа. Однако при всем реакционном характере внешней политики царизма Россия занимала в вопросе о торговле опиумом в Китае отличную от других государств позицию[2].

[1] К. Маркс, *Русская торговля с Китаем*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 157, 158.

[2] В настоящей статье автор ограничивает свою задачу изучением материалов, связанных с отношением к опиумному вопросу официальных кругов России, хотя известно, что о событиях в Китае, в частности о насильственном распространении опиума среди китайского народа, весьма часто высказывались представители русской общественности, и этот вопрос освещался на страницах печати. Передовые люди русского общества решительно осуждали грабительские «опиумные» войны капиталистических держав и выражали свое сочувствие освободительной борьбе, которую вел китайский народ против хозяйничанья колонизаторов в Китае.

Между тем в работах по истории международных отношений на Дальнем Востоке вообще и русско-китайских отношений в частности вопрос об отношении официальных кругов России к торговле опиумом в Китае до сих пор остается почти не освещенным. За исключением лишь упоминания о запрещении русским подданным заниматься этой торговлей в исследованиях А. Л. Нарочницкого[3], большинство советских и иностранных историков вообще обходят молчанием политику русского правительства в опиумном вопросе, в то время как освещение ее прежде всего по материалам, хранящимся в Архиве внешней политики России, дает возможность более полно и объективно представить историю русско-китайских отношений в период, когда начался процесс колониального закабаления Китая.

* * *

Взаимоотношения России и Китая к 30-м годам XIX в. в отличие от взаимоотношений Китая с западноевропейскими государствами и США основывались уже на ряде договоров и соглашений: Нерчинский договор 1689 г., Буринский договор 1727 г., Кяхтинский договор 1727 г. (а также дополнительная статья к нему, принятая в 1768 г.), Международный акт 1792 г.[4], — которые разрешали некоторые пограничные вопросы, устанавливали порядок торговли и взаимных связей обоих государств по политическим и другим делам. Официальные отношения поддерживались между российским Сенатом и палатой внешних сношений (лифаньюань), а фактически связь осуществлялась через пограничную администрацию — русского пограничного начальника в Троицкосавске, с одной стороны, и китайского пограничного комиссара (дзаргучея) в Маймачене — с другой. Постоянная Русская духовная миссия в Пекине была важным неофициальным каналом, через который также осуществлялись связи между обоими государствами. Несмотря на неурегулированность некоторых вопросов русско-китайских отношений, никаких серьезных споров и недоразумений между Россией и Китаем не происходило.

Руководитель Азиатского департамента Министерства иностранных дел Родофинкин в своем письме на имя начальника Русской духовной миссии в Пекине Морачевича от 14 апреля 1833 г., т. е. сравнительно незадолго до начала первой «опиумной» войны, прежде всего подчеркивал, что в Китае русские не должны «делать ничего такого, что могло бы породить неудовольствие или подозрения со стороны правительства их (т. е. цинского правительства. — *Б. Г.*)». Он далее следующим образом формулировал основы политики Петербурга, отмечая, что «главная и постоянная цель Российского Министерства в отношении к Китаю есть политическая и торговая; первая состоит в сохранении и ускорении

[3] См. А. Л. Нарочницкий, *Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895*, М., 1959, стр. 113, 114; «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», М., 1956, стр. 43; «История дипломатии», т. I, изд. 2, М., 1959, стр. 637.

[4] «Русско-китайские отношения 1689—1916. Официальные документы», М., 1958, стр. 9—12, 17—26.

дружественных с Китаем связей, как с государством, с коим граничим мы на столь значительном протяжении; вторая заключается в распространении и развитии торговых наших с китайцами сношений для пользы отечественной промышленности и взаимных выгод»[5].

Торговля между Россией и Китаем издавна строилась на принципах обоюдной экономической заинтересованности и равноправия. Основным ее центром по-прежнему был район Кяхта — Маймачен. За период с 1755 по 1830 г. товарооборот в Кяхте увеличился почти в 15 раз, достигнув 12 798 руб.[6]. Одновременно менялась и товарная структура обмена. Так, если в начальный период кяхтинской торговли Россия вывозила в Китай преимущественно сырье и ввозила оттуда фабрикаты, то уже во второй четверти XIX в. положение изменилось. На первое место в русском вывозе выдвигаются промышленные товары отечественного производства и прежде всего текстиль (сукна и хлопчатобумажные ткани), на долю которого приходилось уже свыше половины русского ввоза в Китай[7]. Основным товаром китайского ввоза в Россию становится чай.

С конца 30-х годов XIX в. заметно расширяется торговля с Западным Китаем через Казахстан и Западную Сибирь. Определенное значение в этой торговле начинают приобретать Или (Кульджа), Чугучак, Семипалатинск и другие города.

Русско-китайская торговля, несмотря на строгую регламентацию и свой меновой характер (без использования денег, векселей или других средств платежа), играет все возрастающую роль в торговом обмене России с азиатскими странами. Накануне первой «опиумной» войны она составляла примерно половину всей торговли России с Азией[8]. Значительное увеличение объема русско-китайской торговли и изменение ее товарной структуры отражали новые процессы, происходившие к середине XIX в. в экономике России — углубляющийся кризис крепостного хозяйства и развитие капитализма. Забота о рынках сбыта для изделий русской обрабатывающей промышленности становится постепенно основным содержанием азиатской торговой политики царского правительства. Об этом свидетельствует, например, «всеподданнейший» отчет министра финансов Канкрина за 1833 г., в котором он, намечая «главнейшие будущие виды» по Департаменту мануфактур, включает одним из первых пунктов своей программы «усиление сбыта изделий в Азию»[9].

Падение русской торговли в Иране и в некоторых других районах Ближнего и Среднего Востока, где начинает особенно остро чувствоваться конкуренция со стороны капиталистической Англии[10], заставляет царское правительство все более серьезно задумываться о перспективах расширения русско-китайских торговых связей, поскольку в то время Россия была единственной европейской державой, ведущей с Китаем

[5] Архив внешней политики России, ф. Главного архива, I—5, 1833, д. 1, папка 9, лл. 149—150 (далее — АВПР).
[6] А. Корсак, *Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем*, Казань, 1857, стр. 67, 137, 146.
[7] Е. В. Бунаков, *Из истории русско-китайских отношений в первой половине XIX в.*, — «Советское востоковедение», 1956, № 2, стр. 98.
[8] «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», СПб., 1902, стр. 21, 22.
[9] Центральный государственный исторический архив Ленинграда, ф. Общей канцелярии министра финансов, оп. 31, д. 34, стр. 234.
[10] См.: М. К. Рожкова, *Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия*, М.—Л., 1949, стр. 142.

стабильную сухопутную торговлю[11]. Однако условия этой торговли, сложившиеся к середине XIX в., уже не отвечали интересам ни русского, ни китайского купечества.

Такая отсталая форма торговли, как простой товарообмен, ограничивала и затрудняла нормальное развитие товарооборота между Россией и Китаем. Русские не имели права морской торговли и русские суда редко появлялись в Гуанчжоу — главном внешнеторговом пункте страны, хотя, как это отмечают некоторые современные китайские исследователи, «попытка русских начать морскую торговлю с Китаем со всех точек зрения отвечала требованиям китайского рынка»[12]. Несмотря на то, что торговля в Кяхте благотворно сказывалась на экономической жизни Северного Китая[13], русско-китайская торговля оставалась приграничной. Наконец, во второй четверти XIX в. все более чувствовалась конкуренция западноевропейской и американской морской торговли через Гуанчжоу, которая грозила подорвать старую сухопутную торговлю России с Китаем.

Со второй четверти XIX в. морская торговля на юге Китая делает заметные успехи. Перевозка товаров морем, естественно, обходилась дешевле, чем их транспортировка по довольно примитивным и протяженным сибирским торговым путям, да и времени требовалось в два-три раза меньше[14]. Это обстоятельство прежде всего вызывает сокращение транзита европейских товаров в Китай через Сибирь и продажи их в Кяхте. Заметно возрастает ввоз европейских и американских товаров в Южный Китай. По некоторым данным, в 1827—1839 гг. объем экспорта в Цинскую империю одних только английских промышленных товаров, доставляемых сюда морем, возрос более чем в 15 раз и оценивался в 1839 г. в 11,6 млн. ф. ст.[15]. Резко увеличился вывоз морским путем китайского чая в Европу и США. Накануне первой «опиумной» войны Англия, Франция и США (все вместе) вывозили из Китая чая в 10 раз больше, чем Россия[16], еще не так давно снабжавшая китайским чаем целый ряд европейских государств. По некоторым данным, цены на китайские товары, ввозимые в европейскую часть России через морские порты, были намного ниже, чем на товары, доставлявшиеся туда через Сибирь[17].

Под влиянием торгово-промышленных кругов правительства Англии, Франции, США и других держав, которые вели с Китаем морскую торговлю, стремятся еще шире использовать китайский рынок для сбыта промышленных товаров и как источник получения чая, шелка-сырца и других продуктов. Однако относительно слабое развитие товарно-денежных отношений в Китае и сравнительно высокий уровень китайского ремесла не позволяли иностранным промышленным товарам занять сколько-нибудь значительное место на китайском рынке. За чай и шелк английские и другие иностранные купцы должны были в этих условиях расплачиваться серебром, что, естественно, было им невы-

[11] В разное время в этой торговле определенную роль играло и купечество западноевропейских государств, отправлявшее свои товары в Китай транзитом через Сибирь.
[12] Дин Цзэ-лян, *Первая русская кругосветная экспедиция и Китай*, — «Лишн яньцзю», 1954, № 5, стр. 128 (на кит. яз.).
[13] См. Е. П. Силин, *Кяхта в XVIII веке*, Иркутск, 1947, стр. 195.
[14] М. И. Сладковский, *Очерки экономических отношений СССР с Китаем*, М., 1957, стр. 80.
[15] «Журнал мануфактур и торговли», 1844, № 4—5, стр. 352.
[16] Там же, стр. 353, 354.
[17] М. И. Сладковский, *Очерки экономических отношений СССР с Китаем*, стр. 88.

годно. Тогда они расширяют ввоз в Китай опиума, который английские купцы доставляли в Гуанчжоу из Индии еще со второй половины XVIII в.

Уже в первой четверти XIX в. опиум становится наиболее выгодной статьей экспорта западноевропейских государств и США в Китай. Несмотря на то, что цинское правительство неоднократно запрещало торговлю опиумом, английские, а также американские купцы постепенно расширяют контрабандный ввоз в страну этого наркотика. За 16 лет, с 1818 по 1833 г., доля опиума в британском ввозе в Китай поднялась с 17 до 50% [18]. По некоторым данным, накануне первой «опиумной» войны Англия завозила в Китай по 35 тыс. ящиков опиума в год общим весом в 2000 *т* [19], продажа которых давала британским властям в Индии одну седьмую часть всех их доходов [20]. Для китайского народа опиум стал подлинным национальным бедствием.

Торговля опиумом в Китае вела к выкачке основной китайской валюты — серебра, что усугубляло и без того тяжелое финансовое положение государства. Опиумокурение разрушало здоровье китайского народа и подрывало устои семьи. Несмотря на капитулянтскую позицию некоторой части маньчжурской знати, наживавшейся на получении взяток от торговцев опиумом, император Дао Гуан в 1836 г. вновь издает специальный указ о борьбе с торговлей опиумом. Оценивая этот акт, К. Маркс в 1858 г. гневно заклеймил английских колонизаторов, отравлявших китайский народ вредоносным зельем: «В то время как полуварвар отстаивал принцип морали, представители цивилизованного мира противопоставляли ему принцип наживы. То, что колоссальная империя, население которой составляет почти треть человечества, прозябающая вопреки духу времени, изолированная насильственным выключением ее из системы мировых связей и поэтому умудряющаяся обманывать самое себя иллюзией насчет своего «небесного совершенства», что такая империя должна погибнуть, в конце концов, в смертельном поединке, в котором представитель одряхлевшего мира следует этическим побуждениям, а представитель самого современного общества борется за привилегию покупать на самых дешевых и продавать на самых дорогих рынках, — это, поистине, трагедия, необычайный сюжет который никогда не дерзнула бы создать даже фантазия поэта» [21].

Серьезные финансовые трудности, вызываемые ежегодной утечкой из Китая серебра, которое шло на оплату опиума, вынудили цинское правительство принять в начале 1839 г. более решительные меры к прекращению ввоза этого наркотика через Гуанчжоу. Прибывший сюда специальный императорский комиссар Линь Цзэ-сюй, будучи представителем прогрессивной части феодальной китайской интеллигенции, энергично взялся за изъятие опиума у иностранных торговцев — англичан, американцев [22] и других,— уничтожив летом того же года

[18] K. M. Panikkar, *Asia and Western Dominance*, London, 1959, p. 96.
[19] «История экономического развития Китая. 1840—1848 гг.», М., 1958, стр. 36; Е. П. Ковалевский, *Путешествие в Китай*, ч. II, СПб., 1853, стр. 106.
[20] См.: Фань Вэнь-лань, *Новая история Китая*, т. I, М., 1955, стр. 25.
[21] К. Маркс, *История торговли опиумом*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 567.
[22] Подавляющее большинство американских фирм в Гуанчжоу занималось продажей опиума, который закупался ими как в Индии, так и в некоторых странах Ближнего Востока. Не случайно поэтому, что в общее количество конфискованного Линь Цзэ-сюем опиума входило 1540 ящиков опиума, изъятого у американцев (Лю Да-нянь, *История американской агрессии в Китае*, М., 1953, стр. 24—27).

475 тыс. *кг* конфискованного им наркотика [23]. Одновременно цинское власти проявляют известную озабоченность по поводу возможного ввоза опиума в Китай через русско-китайскую границу. По некоторым данным, такой ввоз имел место, в частности, через западный участок границы, хотя количество провозимого этим путем опиума было ничтожным по сравнению с ввозом через южные китайские порты [24]. Однако учитывая, что главным пунктом русско-китайской торговли являлась Кяхта, цинские власти, естественно, прежде всего были озабочены тем, чтобы не допустить ввоза опиума в Маймачен и Ургу. На маймаченского дзаргучея было возложено специальное поручение — «смотреть за тайной торговлей опиума и преследовать торгующих оным со всею возможною строгостью» [25].

5 декабря 1839 г. троицкосавский пограничный начальник Петухов доносил в Азиатский департамент о том, что, по представлению маймаченского дзаргучея, в Урге был обнаружен случай опиумокурения, виновник которого заявил, что получил наркотик из Кяхты [26]. Однако Петухов, ссылаясь на данные кяхтинской таможни, информировал Петербург о том, что «не только в 1838 и 1839 годах, но и прежде того не было никем провозимо на промен китайцам опиума» [27]. Одновременно троицкосавский пограничный начальник, опираясь, видимо, на китайские данные, сообщал в Азиатский департамент о том, что расследование не подтвердило, что опиум был ввезен из России [28].

Тем временем в Гуанчжоу, где Линь Цзэ-сюй начал борьбу с иностранными опиумоторговцами, обстановка становилась все более напряженной. Под влиянием британских торгово-промышленных кругов, которые стремились к насильственному открытию целого ряда китайских портов и монопольному господству на китайском рынке, правительство Англии решило во что бы то ни стало найти повод для вооруженного столкновения. Наряду с непрекращавшимся контрабандным ввозом опиума англичане в июле 1839 г. вопреки суверенным правам Китая отказались выдать местным властям Гуанчжоу матроса, виновного в убийстве китайского крестьянина. Это вынудило Линь Цзэ-сюя начать антибританский бойкот — прервать торговлю с англичанами, прекратить снабжение английской фактории продовольствием, отозвать оттуда китайский обслуживающий персонал. Подобные законные меры комиссара цинского правительства Англия сочла подходящим поводом к тому, чтобы развязать вооруженную агрессию против китайского народа. В ноябре 1839 г. английские военные корабли совершили пиратское нападение на китайские джонки, а 6 декабря того же года британские военно-морские силы фактически блокировали порт Гуанчжоу, что означало начало необъявленной войны между Англией и Китаем, вошедшей в историю под названием первой «опиумной» войны.

Разумеется, переход Англии к агрессивной политике в Китае, которую поддерживали США и некоторые другие державы, вызвал беспокойство России. Открытие китайских портов для широкой иностранной коммерческой деятельности, подрывающее значение русско-китайской торговли в Кяхте, не отвечало, естественно, интересам русских торгово-

[23] Фань Вэнь-лань, *Новая история Китая*, стр. 45.
[24] См. С. П. Потоцкий, *Из истории торговых и экономических отношений России с Синьцзяном в XVII—XX столетиях* (диссертация), М., 1948, стр. 73.
[25] АВПР, ф. Главного архива, II—3, 1839—1844, д. 5, л. 4.
[26] Там же, лл. 5—6.
[27] Там же, л. 6.
[28] Там же.

промышленных кругов. Не располагая тогда еще сколько-нибудь солидным торговым флотом на Тихом океане, Россия не могла рассчитывать на то, чтобы извлечь для себя существенную выгоду от развития морской торговли с Китаем. Наконец, экономическая отсталость царской России, ее военная слабость на Дальнем Востоке и отдаленность этого района от европейской части страны создавали в результате развязывания британскими колонизаторами первой «опиумной» войны невыгодную для самодержавия военно-политическую обстановку в Восточной Азии.

С другой стороны, сохранение старого положения, при котором независимый Китай оставался слабой страной, ведущей с Россией обширную взаимовыгодную сухопутную торговлю[29], сулило русским торгово-промышленным кругам заманчивые перспективы. Русский экспорт в Китай в годы, предшествовавшие первой «опиумоной» войне, был равен импорту[30]. Такие товары, как сукно, занимавшее важное место в вывозе из России, пользовались в Китае (особенно в Северном Китае) неизменным спросом и успешно конкурировали с английскими. Наконец, в русско-китайской торговле того времени ввоз и вывоз драгоценных металлов был вообще запрещен, что уже само по себе означало невозможности утечки из Китая серебра, которая имела место в результате торговли с Англией и другими державами.

Таким образом, в связи с началом первой «опиумной» войны 1839—1842 гг. международная обстановка на Дальнем Востоке складывалась так, что заинтересованность России и Китая в поддержании традиционных дружественных отношений усилилась. Наряду с выгодами, которые русские власти рассчитывали получить от цинского двора для развивающейся русско-китайской торговли, в перспективе Петербург надеялся также достигнуть договоренности с Пекином и по другим вопросам. Об этом, в частности, свидетельствует содержание правительственной инструкции приставу Русской духовной миссии Любимову, утвержденной в начале 1840 г.[31].

Перечисленные выше соображения и обусловили в конце концов отрицательное отношение правительства России к торговле опиумом в Китае, в которой, между прочим, русское купечество имело возможность участвовать[32].

Уже в то время, когда Англия, блокируя своим флотом Гуанчжоу, начинает первую «опиумную» войну в Китае, правительство России проявляет известную озабоченность в связи с возникшими подозрениями цинских властей в провозе опиума через Кяхту. На запрос министра иностранных дел Нессельроде министру финансов Канкрину от 4 декабря 1839 г. по поводу слухов о промене опиума в кяхтинской торгов-

[29] Сравнительная характеристика русско-китайской торговли в Кяхте и торговли, которая велась западноевропейскими государствами и США через Гуанчжоу в первой половине XIX в., содержится в ст. А. Л. Гальперина «Русско-китайская торговля в XVIII — первой половине XIX века» («Проблемы востоковедения», 1959, № 5). Здесь, в частности, приводятся данные, свидетельствующие о том, что перед первой «опиумной» войной 1839—1842 гг. Россия занимала второе место в китайском импорте и третье — в экспорте из Китая (стр. 221—222).

[30] «Труды статистического отделения Департамента таможенных сборов. Статистические сведения о торговле России с Китаем», СПб., 1909, стр. 8.

[31] АВПР, ф. Главного архива, I—1, 1840, д. 150, лл. 49—50.

[32] В России опиум мог быть получен из Средней Азии — Коканда и Бухары, где в то время уже выращивался опийный мак. Производство этого мака при определенных условиях было возможно и в южных губерниях европейской части страны. При желании царское правительство и русское купечество могли также закупать опиум в Турции, как это делали тогда США, вывозя затем его в Китай.

ле последний в своем отношении от 8 декабря того же года недвусмысленно заверял Нессельроде в том, что «наше купечество на Кяхте никакой торговли опиумом не производит». «По уважению дружественных к нам отношений китайского правительства, — пишет Канкрин, — я предписал кяхтинской таможне наблюдать, чтобы подобного рода торговля впредь не могла вестись в Кяхте»[33].

29 декабря 1839 г. маймаченский дзаргучей вновь сделал представление в троицкосавское пограничное управление с просьбой о категорическом запрещении ввоза опиума из России[34]. Это представление не осталось без внимания. Пограничный начальник Петухов на второй день уже спешил заверить Азиатский департамент в том, что с его стороны делается все возможное. «Кяхтинскую таможню я просил,— пишет он в своем донесении от 31 декабря,— дабы она согласно настоянию китайского правительства не оставила... для блага торговли принять нужные к тому меры осторожности на тот конец, чтобы опиум ни в каком случае между русскими не только не был предметом здесь на Кяхте торговли, но даже при коммерческих сношениях с китайцами и в помине его не было»[35]. Наконец, после представления Канкрина записки на имя Николая I от 26 января 1840 г., в которой министр финансов просил объявить торгующему на Кяхте купечеству, что «отпуск китайцам опиума должно считать воспрощенным», последовал окончательный запрет правительственных инстанций России на опиумную торговлю в Кяхте. Однако тогда же было решено, «дабы не возбуждать внимания иностранных правительств», не предавать пока гласности все эти распоряжения, касающиеся запрещения на провоз опиума из Кяхты в Китай[36].

События, которые тем временем развивались в Южном Китае — переход Англии к прямой военной агрессии против китайского народа,— не могли, естественно, пройти мимо внимания правительства России. Первые сведения о том, что произошло в Гуанчжоу, полученные в Петербурге от русского посла в Лондоне Брунова, породили сначала в официальных кругах Петербурга надежду использовать англо-китайский конфликт в интересах расширения и упрочения русско-китайской торговли. Ознакомившись с депешей посла от 2 января 1840 г., в которой подчеркивалось, что военные действия между Англией и Китаем «...производят... весьма вредное влияние на торговлю Англии»[37], министр иностранных дел Нессельроде писал несколько недель спустя Брунову: «Я вообще излишне считаю распространяться здесь о важности, какую имеют для нас все сии события как в политическом, так и в торговом отношении»[38]. Затем, разъясняя послу, какие вопросы в создавшейся обстановке особенно интересуют царское правительство, Нессельроде в том же письме отмечал: «Считаю должным обратить Ваше внимание на ...предметы, относящиеся преимущественно до торговли, которая составляет, так сказать, основу всей нашей политики по отношению к Китаю». По словам Нессельроде, план Петербурга заключался в том, чтобы, «пользуясь нынешним разрывом Англии с Китаем», русские купцы «могли бы независимо от предприятий по чайной своей торговле усилить и в этом отношении свои обороты с Китаем...»

[33] АВПР, ф. Главного архива, 11—3, 1839—1844, д. 5, л. 7.

[34] Там же, л. 8.

[35] Там же, лл. 8—9.

[36] Там же, л. 11.

[37] АВПР, ф. Главного архива, 11—3, 1840—1842, д. 3, л. 1.

[38] Там же, л. 5.

По расчетам царского правительства, наступал такой момент, когда для многих русских изделий в Китае «может ...открыться свободное поприще»[39].

Ранней весной 1840 г., когда в Англии уже снаряжалась экспедиционная армия для отправки в Китай и перехода к широким военным действиям не только на юге, но и на севере страны, в Петербурге шли приготовления к отъезду в Пекин нового состава Русской духовной миссии. На этот раз, учитывая создавшуюся обстановку, правительство возлагало на миссию особые надежды. «Отправление миссии в то самое время, когда у китайцев произошел разрыв с англичанами, придает вашему путешествию еще большую значительность,— гласила инструкция Министерства иностранных дел приставу миссии Любимову.— Вы однако же будете уклоняться от всякого вмешательства в сии дела»[40].

Судя по инструкции, полученной начальником миссии архимандритом Поликарпом, главная его задача заключалась в том, чтобы способствовать «поддержанию и упрочению существующих с Китаем мирных и торговых сношений»[41]. Руководству миссии в весьма категорической форме указывалось, что при решении всех вопросов необходимо действовать «миролюбивым образом»[42]. Особое внимание обращалось на возможность расширения русско-китайской торговли. «Паче всего,— отмечалось в инструкции Любимову,— вникайте в это важное для нас обстоятельство: есть ли возможность расширить круг действий нашей торговли с Китаем и какие ближайшие и вернейшие к тому средства?»[43] Не случайно, что именно с миссией Поликарпа русское правительство отправило в Пекин большую партию образцов мануфактуры отечественного производства и поручило членам миссии выяснить, соответствует ли качество этих товаров «вкусу китайцев»[44].

Таким образом, становится очевидным, что в Петербурге рассчитывали как можно быстрее использовать начало первой «опиумной» войны в интересах развития торгово-экономических и политических связей между Россией и Китаем. Этому курсу должна была способствовать и политика царского правительства в опиумном вопросе.

Ряд материалов из Архива внешней политики России свидетельствует о том, что правительство и местная русская администрация вели борьбу против опиумной торговли на русско-китайской границе весьма последовательно и настойчиво. Так, например, когда весной 1840 г. из Кяхты снова начали распространяться слухи о том, что здесь, несмотря на все принятые меры, ведется тайная торговля опиумом, которой занимаются мелкие торговцы и некоторые служащие таможни, власти были серьезно встревожены. Подобное обстоятельство, как отмечалось в отношении вице-директора Азиатского департамента на имя троицкосавского пограничного начальника Петухова от 3 июля 1840 г., «слишком для нас важно по могущим произойти последствиям не только в торговом, но и в политическом отношении»[45]. А потому Министерство иностранных дел снеслось с Министерством финансов, чтобы последнее распорядилось проверить все слухи о торговле опиумом в Кяхте и приняло самые деятельные меры к «бдительному надзору за всеми, хоть несколько сомнительными лицами, имеющими сношения с китайцами»[46]. Оповестив обо всем этом троицкосавского пограничного начальника, вице-директор Азиатского департамента тогда же рекомендовал ему войти в контакт с таможенными властями, чтобы «уничтожить и малейший повод к могущему произойти со стороны китайского правительства неудовольствию»[47]. Наконец, практически, когда уже в начале 1841 г. в Кяхте опять распространился слух о том, что один из китайцев при посещении русских выменял у кого-то из них два пуда опиума, троицкосавский пограничный начальник, как свидетельствует его донесение в Азиатский департамент от 10 января 1841 г., нашел нужным «сверх прежде учиненных... по сему предмету... распоряжений, еще вновь письменно подтвердить компаньонам торгующего на Кяхте купечества» о запрещении всякой опиумной торговли, а также «предложил им, компаньонам, чтобы они ныне же известив о вышепрописанном, кого следует, не оставили от владельцев всех здешних торговых домов отобрать подписки с тем, дабы каждый из них имел бдительное и неослабное смотрение за поведением служащих при домах их...»[48]

Столь же действенные меры русские власти решили принять и в отношении возможного ввоза опиума из России в Западный Китай. Окончательно этот вопрос получил разрешение к осени 1840 г. На донесение генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова с предложением о борьбе с опиумной торговлей через Семипалатинск из Петербурга последовало распоряжение о необходимости строжайшего запрещения такой торговли[49], что незамедлительно было сделано.

Тем временем «опиумная» война вступила в новую фазу. Прибывшая в китайские воды в июне 1840 г. английская эскадра развернула военные действия на побережье Южного Китая, а затем отплыла на север. На протяжении нескольких недель в руках иностранных захватчиков оказался целый ряд крупных населенных пунктов на побережье страны, а в августе того же года соединение британских боевых кораблей подошло к Тяньцзиню. Несмотря на заверения британского министра иностранных дел Пальмерстона, сделанные 11 января 1841 г. русскому послу в Лондоне Брунову насчет того, что Англия своими действиями в Китае не преследует «никаких иных целей, кроме... возмещения ущерба, нанесенного британским подданным, и удовлетворения за оскорбление британской короны, а также — обеспечения в будущем безопасности для британских подданных, торгующих в Китае»[50], беспокойство правительства России и русских торгово-промышленных кругов, заинтересованных в торговле с Китаем, возросло.

Разумеется, особую тревогу в связи с событиями развернувшейся «опиумной» войны испытывало русское купечество Кяхты. Один из крупных местных коммерсантов Н. А. Носков следующим образом характеризует тогдашнее настроение деловых людей, связанных с кяхтинским торгом: «В Кяхте знали и следили за ходом первой войны Англии с Китаем и понимали, что водворение англичан в Китае со своими изделиями и вывоз оттуда в громадном количестве чаев в Европу должен неминуемо отразиться на торговле нашей с Китаем...»[51]

Переход Англии к широкой вооруженной агрессии против китайского народа, слабость Цинской империи и неспособность маньчжурско-

[39] Там же, л. 6.
[40] АВПР, ф. Главного архива, I-1, 1840, д. 150, л. 53.
[41] Там же, л. 9.
[42] Там же, л. 52.
[43] Там же, л. 55.
[44] Там же, л. 56.
[45] АВПР, ф. Главного архива, II—3, 1839—1844, д. 5, л. 18.
[46] Там же.
[47] Там же, л. 19.
[48] Там же, лл. 27—28.
[49] Там же, л. 24.
[50] АВПР, ф. Главного архива, II—3, 1840—1842, д. 3, л. 93.
[51] Н. А. Носков, *Кяхта*, Иркутск, 1861, стр. 8.

го двора организовать сопротивление иностранным захватчикам — все это давало официальным кругам в Петербурге полное основание не сомневаться, что результаты «опиумной» войны могут отразиться не только на русско-китайской торговле, но и вообще на положении России на Дальнем Востоке.

Учитывая создавшуюся новую военно-политическую обстановку, Россия всячески стремилась к тому, чтобы продемонстрировать цинскому правительству свое намерение к упрочению добрососедских отношений с Китаем, подвергшимся нападению со стороны Англии. Эта позиция официальных русских кругов вновь нашла свое выражение в их отношении к опиумной торговле. Желая, видимо, оказать открытую морально-политическую поддержку Пекину и в какой-то мере высказать свою неприязнь к военным мероприятиям британского правительства, стремившегося силой навязать Китаю свои условия торговли, Россия решила обнародовать свой запрет на ведение торговли опиумом через русско-китайскую границу.

12 апреля 1841 г., т. е. в тот момент, когда британская экспедиционная армия заканчивала приготовления к штурму Гуанчжоу, а также начиналась переброска новых вооруженных сил к побережью провинции Чжэцзян, в Петербурге последовал указ Николая I Сенату, в котором говорилось о необходимости довести до всеобщего сведения принятое ранее решение о категорическом запрещении торговли опиумом на русско-китайской границе. «Желая, чтобы оно (запрещение торговли опиумом.— *Б. Г.*) было известно по всему государству к должному наблюдению каждого,— отмечалось в указе,— повелеваем правительствующему Сенату ныне же сделать к исполнению того надлежащее распоряжение»[52]. Одновременно были приняты меры к тому, чтобы об этом указе как можно скорее узнало и цинское правительство. По свидетельству министра финансов Канкрина, копия указа Сенату была отправлена директору кяхтинской таможни для сообщения маймаченскому дзаргучею[53]. Наконец, в мае 1841 г. Сенат направил в Пекин, в палату внешних сношений, ведавшую тогда делами по сношениям с Россией, специальный лист, содержащий разъяснение позиции Петербурга в вопросе о торговле опиумом на русско-китайской границе. «Имея в виду не только ненарушимо сохранять доброе согласие и приязнь, существующие между обоими соседствующими государствами,— отмечалось в этом документе,— но сколько можно более усиливать взаимные связи, мы не оставили воспользоваться настоящим случаем, чтобы показать китайскому правительству нашу готовность содействовать справедливым его желаниям»[54]. Затем в листе декларировалось твердое намерение русского правительства «строго воспретить всем российским подданным производить явно или тайно торг опиумом в китайские владения»[55]. По донесению начальника троицкосавского пограничного управления Петухова в Азиатский департамент в связи с передачей им этого документа маймаченскому дзаргучею для отправления его в Пекин, дзаргучей, ознакомившись с содержанием бумаги, принял ее с «большим удовольствием»[56].

Развитие событий на фронтах первой «опиумной» войны приносило тем временем все более неблагоприятный для Китая оборот. При-

[52] АВПР, ф. Главного архива, II—3, 1839—1844, д. 5, л. 31.
[53] Там же, л. 30.
[54] Там же, л. 33.
[55] Там же.
[56] Там же, л. 49.

нудив к капитуляции войска цинского правительства в Гуандуне, английская экспедиционная армия в августе 1841 г. захватила Сямынь (Амой) и развернула наступление на Чжэцзян. Растерявшиеся цинские власти начали тогда с лихорадочной поспешностью перебрасывать свои военные силы из северных провинций на юг страны. По донесению начальника троицкосавского пограничного управления, в первых числах сентября 1841 г. в районе Хайлара было уже собрано до 9 тыс. человек, «коим вслед за тем велено было выступать из Цицикара в полуденную сторону Китая для отражения неприятеля, ведущего ныне с китайцами войну»[57]. А во второй половине сентября, как сообщал тот же Петухов, из Хайлара еще отправлено было до тысячи человек. Это сообщение с русско-китайской границы весьма интересно, ибо оно свидетельствует о том, что цинское правительство, производя такую переброску своих военных сил, было спокойно за сопредельные с Россией районы Китая.

Спустя несколько месяцев после отправления в Пекин листа Сената с изложением позиции правительства России по вопросу опиумной торговли, в ноябре 1841 г., в Петербург пришел ответный лист палаты внешних сношений Китая, в котором содержалась следующая официальная оценка цинскими властями этого акта: «Из сего Вашего действия мы очень хорошо поняли, что Вы ясно отличаете пользу от вреда, заботливо искореняете зло и чрезвычайно чисто понимаете существующую обоюдную пользу. Наш государь с большим восхищением и одобрением принял известие о Вашем действии. И, к нашему величайшему удовольствию, мы надеемся, что на границе двух государств не может укрываться никакое злоупотребление в торговых сношениях и торгующие будут соблюдать государственные законы»[58].

Таким образом, уже эти факты, заимствованные в основном из Архива внешней политики России, проливают новый свет на политику русского правительства в вопросе о торговле опиумом в период первой англо-китайской войны в 1839—1842 гг. Эта политика, заслужившая признательность со стороны цинских властей, привела к тому, что случаи вывоза или транзита опиума из пределов России в Китай были весьма редким явлением. Одновременно запрещение торговли опиумом благотворно сказалось на дальнейшем развитии прежде всего экономических связей между Россией и Китаем, что в свое время отмечал, например, такой известный исследователь истории русско-китайской торговли, как А. Корсак[59]. Подобной же позиции в этом вопросе[60] правительство России придерживалось и после того, как Англия, добившись капитуляции Цинской империи, заключила первый в истории Китая неравноправный Нанкинский договор 1842 г., который положил начало колониальному закабалению китайского народа.

Своеобразный характер русско-китайских отношений, благодаря которому царская Россия на протяжении длительного периода успешно развивала свои торгово-экономические связи с Китаем, не прибегая к методам военного давления на цинское правительство, обращает на себя внимание целого ряда исследователей. Особый интерес в этой связи представляют выводы известного индийского дипломата и уче-

[57] АВПР, ф. Главного архива, II—3, 1840—1842, д. 3, л. 120.
[58] АВПР, ф. Главного архива, II—3, 1839—1844, д. 5, л. 67, 68.
[59] А. Корсак, *Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем*, стр. 166.
[60] История этого вопроса изложена в донесении русского поверенного в делах в Пекине Кояндера от 26/14 июня 1881 г. (АВПР, ф. Главного архива, I—9, 1881, д. 28).

ного К. М. Паниккара, содержащиеся в его работе «Азия и господство Запада». Останавливаясь на особенностях политики России на Дальнем Востоке вообще и в Китае в частности, он пишет: «Политика западных государств строилась на основе исторических традиций, созданных Англией и Францией. Политика России отличалась от политики этих государств» [61]. Это отличие Паниккар видит, в частности, в том, что «Россия никогда не была замешана в навязывании Китаю торговли опиумом и в торговле людьми, что всегда вызывало решительный протест как народа, так и правительства Китая и причиняло Китаю невероятные унижения» [62].

[61] K. M. Panikkar, *Asia and Western Dominance,* p. 180.
[62] Ibid., p. 182.

В. Н. Никифоров

СОВЕТСКИЙ УЧЕНЫЙ-МЕЖДУНАРОДНИК АНАТОЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ КАНТОРОВИЧ

Слово «международник» в качестве обозначения научной специальности еще не вполне приобрело у нас права гражданства, но именно его хочется употребить, говоря о направлении научных работ Анатолия Яковлевича Канторовича. Он был историком — автором первой в нашей стране докторской диссертации по истории Китая, а также квалифицированным экономистом, начавшим свое образование еще до революции на экономическом отделении Петроградского политехнического института, автором серьезного исследования «Иностранный капитал и железные дороги Китая». А. Я. Канторович глубоко разбирался в вопросах права, работал в экономическо-правовом отделе Народного комиссариата иностранных дел, ездил в Китай в составе возглавлявшейся проф. Пергаментом постоянной комиссии по подготовке советско-китайского торгового договора; выступал на суде в качестве защитника советских сотрудников, схваченных китайскими реакционерами. Он начал печататься еще в 1922 г. и прошел большой путь от постоянного корреспондента газет «Экономическая жизнь» и «Труд» до заместителя заведующего иностранным отделом «Известий». Но при всем видимом разнообразии его занятий все они, в той мере, как занимался ими А. Я. Канторович, четко укладываются в понятие «международник». Он занимался и экономикой, и историей, и текущей политикой, и правом, и журналистикой — всем в чисто международном плане. Его призванием были проблемы международных отношений во всем их многообразии, преимущественно — международные отношения Китая

Каждая работа была для него важна не просто как решение некой теоретической задачи, но прежде всего как ответ на практические вопросы современности, как научный прогноз развития международных отношений в данной области. Его книги и статьи, как правило, завершаются разделом «Итоги и перспективы», где содержится прогноз, который вытекает из всего исследования и цель которого — служить ориентиром для практических работников в области международных отношений. Облик А. Я. Канторовича может служить примером для людей, посвятивших себя изучению международных отношений, а его научное наследство (свыше 60 работ) заслуживает внимательного разбора.

Анатолий Яковлевич Канторович родился 28 сентября 1896 г. в Петербурге в семье ученого-юриста [1]. Призванный в 1916 г. в армию

[1] Биографические данные взяты в основном из биографии А. Я. Канторовича (рукопись), хранящейся в библиотеке Института народов Азии АН СССР среди материалов, собранных С. Д. Милибанд для подготовляемого ею к печати био-библиографического справочника советских востоковедов. Пользуюсь случаем выразить благодарность тов. Милибанд за любезно предоставленные ею материалы.

вольноопределяющимся, принял активное участие в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, был делегатом II съезда Советов от своей воинской части. А. Я. Канторович участвует в обороне Петрограда от Юденича, в 1919—1920 гг. работает председателем совнархоза в г. Николаеве. В 1920 г., после окончания гражданской войны, поступает на факультет общественных наук Петроградского университета, который заканчивает в 1922 г.

В течение последующего десятилетия трудовая деятельность А. Я. Канторовича связана с Народным комиссариатом иностранных дел. Работая в экономическо-правовом отделе НКИД, он сотрудничает в газетах и в 1923 г. в издании газеты «Экономическая жизнь» совместно с Б. Е. Штейном выпускает свою первую научную работу [2]. Это был солидный справочник, разбиравший торгово-политические условия, в которых в те годы происходило возрождение русского экспорта. Поскольку экспорт из РСФСР направлялся вначале преимущественно в западные страны, справочник имел дело с тарифами, портовым режимом и другими условиями только стран Западной Европы и США.

С этим первым периодом, когда А. Я. Канторович уже вел научную работу в области международных отношений, но еще не занимался Китаем, связана и работа справочного характера — «Ближний Восток» [3]. Здесь А. Я. Канторович имеет дело уже со странами Востока: им написан раздел «Аравия» и, по-видимому, раздел «Египет» [4].

Но еще до того как эта книжка увидела свет, А. Я. Канторович попадает в 1924 г. в составе комиссии проф. Пергамента в Китай, после чего его научные интересы неразрывно связываются с этой страной. Находясь в Китае, А. Я. Канторович пишет статьи и рецензии для ведущего органа советских востоковедов «Новый Восток» [5]. У него возникает идея написать книгу «Китай в империалистическом окружении» — большое исследование по международным отношениям Китая. По-видимому, частями этой будущей работы должны были стать статьи о роли иностранного капитала в тяжелой индустрии Китая [6], об экономическом развитии Китая [7], о развитии обрабатывающей промышленности [8], об условиях труда в Китае [9], об экономике китайской деревни [10], о таможенной проблеме [11], о финансах [12].

---

[2] Б. Е. Штейн, А. Я. Канторович, *Русский экспорт и внешние рынки (торгово-политические условия русского экспорта)*, под редакцией Б. Е. Штейна, М., 1923.

[3] С. Л. Защук, А. Я. Канторович, А. С. Бонч-Осмоловский, *Ближний Восток*, М., 1925. — Кроме стран Ближнего Востока, в эту книжку попали Югославия и Албания.

[4] Часть статей подписана инициалами, представляющими, очевидно, двух авторов: С. Л. Защука («Л. Сергеев», «С. Леонидов», «З. Щ.») и А. Я. Канторовича («А Яковлев»). Раздел «Египет» подписан «А. Яковлев».

[5] См., например, рецензии А. Я. Канторовича на книги буржуазных авторов по Китаю: Гилберта («Новый Восток», 1927, № 18, стр. 232), Путнема Уила, Мелгори и Макнэйра («Новый Восток», 1927, № 19, стр. 224—228), Даэра, Болла («Новый Восток», 1928, № 20—21, стр. 453).

[6] «Иностранный капитал в тяжелой индустрии Китая», — «Новый Восток», 1925, № 10—11.

[7] «Дальневосточные письма. Экономическое развитие Китая», — «Внешняя торговля», еженедельник Наркомвнешторга, 1935, № 23 (137).

[8] «Развитие обрабатывающей промышленности в Китае», — «Экономическое обозрение», 1925, № 3.

[9] «Условия труда в Китае», — «Экономическое обозрение», 1925, № 6.

[10] «Некоторые данные об экономике китайской деревни», — «Экономическое обозрение», 1926, № 3.

[11] «Таможенная проблема в Китае», — «Вестник Маньчжурии», 1927, № 2.

[12] «Китай и обесценение серебра», — «Вестник финансов», 1927, № 1; «Японская цена в Маньчжурии», — «Вестник финансов», 1927, № 5.

Фактически задуманную книгу А. Я. Канторович так и не закончил. Одну из частей предполагавшегося большого труда, посвященную иностранному капиталу на железных дорогах Китая, публиковавшуюся вначале в журнале «Вестник Маньчжурии» [13], А. Я. Канторович смог издать как отдельную монографию [14]. Ею заканчивается первый период исследований А. Я. Канторовича по Китаю, цикл работ на тему «Китай в империалистическом окружении» с преимущественным вниманием к железнодорожной проблеме в Китае.

В апреле 1928 г. А. Я. Канторович возвращается в Москву, в Народный комиссариат иностранных дел. С каждым годом он все больше уделяет внимания научным исследованиям и в 1932 г. переходит на основную работу в Институт мирового хозяйства и мировой политики.

В 30-х годах ведущим научным изданием по международным отношениям был журнал «Мировое хозяйство и мировая политика», по международным отношениям на Дальнем Востоке — журнал «Тихий океан», по китаеведению — «Проблемы Китая». А. Я. Канторович (часто под псевдонимом «Ник. Терентьев») постоянно сотрудничал во всех трех журналах, а также печатался в ряде других органов [15].

Многие работы, написанные им в конце 20-х и в 30-е годы, группируются вокруг тем: конфликт на КВЖД [16], японская агрессия в Китае [17], политика США в Китае. Выбор тем не был случайным: он отражал важнейшие вопросы того времени, с которыми последовательно приходилось сталкиваться советской дипломатии на Дальнем Востоке.

Позициям империалистов А. Я. Канторович противопоставлял политику равенства и дружбы, проводившуюся по отношению к Китаю Советским Союзом. В 1929 г., в течение нескольких дней, А. Я. Канторович пишет брошюру «Советский Союз, империализм и Китай», в которой в популярной форме и в то же время на основе большого, давно подобранного и продуманного им фактического материала отвечает на поставленные жизнью острые вопросы. Эта работа оставалась лучшим очерком истории отношений между СССР и Китаем вплоть до появле-

---

[13] «Иностранный капитал на железных дорогах Китая», — «Вестник Маньчжурии», 1925, № 8—10; 1926, № 1—2.

[14] «Иностранный капитал и железные дороги Китая», М., 1926 (см. рецензию Р. Кима в журн. «Новый Восток», 1926, № 13—14).

[15] «Международная жизнь», «Коммунистический интернационал», «Советская Азия», «Конъюнктура мирового хозяйства», «Фронт науки и техники», «Интернационал молодежи», «Колониальные проблемы», «Партработник», «Новый мир».

[16] «Советский Союз, империализм и Китай (захват КВЖД и разрыв советско-китайских отношений)», М.—Л., 1929. — Проблемам КВЖД посвящены также статьи: «Советский Союз и КВЖД», — «Советская Азия», М., 1930, № 3—4; «Железнодорожное строительство в Маньчжурии и Китайско-Восточная железная дорога», — «Советская Азия», 1931, № 5—6.

[17] А. Канторович, *Борьба за Тихий океан*, Л. Иванов, *Военно-морские силы империалистических держав на Тихом океане*, М., 1932; «Японский капитал в Маньчжурии», М., 1932; «Очаг войны на Дальнем Востоке», М., 1934; «Борьба империалистов за Маньчжурию», — сб. «Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов», М., 1932, стр. 68—86; «Внешняя политика японского империализма», — сб. «Япония», М., 1934, стр. 375—390.

Статьи: «Доклад Литтона», — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1932, № 11—12; «Новый этап японского наступления в Китае», — там же, 1936, № 1; «Новый этап в развитии японской агрессии», — там же, 1937, № 1; «Междуимпериалистические противоречия и конфликты на побережье Тихого океана», — «Коммунистический Интернационал», 1932, № 8—9; «Американо-японские противоречия», — «Фронт науки и техники», 1932, № 6; «Война — демпинг — инфляция», — «Конъюнктура мирового хозяйства», 1933, № 1; «Японский империализм в Маньчжурии», — «Проблемы Китая», 1931, № 8—9; «Борьба империалистов за Тихий океан», — «Проблемы Китая», 1932, № 10.

ния, уже после второй мировой войны, книг М. С. Капицы [18]. В некоторых частностях (например, показ сложных отношений, сложившихся между обеими странами в 1927—1929 гг.) брошюра А. Я. Канторовича и до сих пор дает самую ясную картину.

Завершением этого, второго в творчестве А. Я. Канторовича, цикла работ, который можно было бы назвать «Империализм и железные дороги Северо-Восточного Китая» [19], была статья 1931 г. о японо-китайском железнодорожном конфликте на Северо-Востоке Китая накануне оккупации этой части Китая японским империализмом [20]. Эта статья образует как бы мост к следующей, третьей проблеме, разработанной автором, — «Японская агрессия в Китае в 1931—1937 годах». Разоблачению японской агрессии в Китае посвящено особенно большое число работ А. Я. Канторовича.

Но самых больших успехов достиг автор в изучении четвертой темы — «Агрессивная политика американского империализма в Китае». Все большее обострение японо-американских противоречий по мере развертывания японского наступления на Китай придало особую важность изучению позиции США на Дальнем Востоке. А. Я. Канторович, верный своему правилу — в научной работе откликаться на самые актуальные вопросы современности, в 1933—1936 гг. основное внимание уделяет проблемам политики США в Китае [21].

После решения Советского правительства о введении ученых степеней А. Я. Канторовичу, как видному специалисту-международнику, в 1935 г. без защиты диссертации была присвоена ученая степень кандидата наук. А в апреле 1936 г. он уже защищает докторскую диссертацию на тему «Америка в борьбе за Китай» [22]. Это было выдающееся исследование по истории американо-китайских отношений.

Творческая деятельность А. Я. Канторовича была прервана в самом расцвете. В период культа личности он был арестован по ложному доносу (май 1937 г.). А. Я. Канторович уже не смог вернуться к научной работе. 3 декабря 1944 г. он скончался.

В научном наследстве А. Я. Канторовича не все равноценно. Наибольшее значение до наших дней сохранили его книги исторического характера — «Америка в борьбе за Китай» и «Иностранный капитал и железные дороги Китая» [23], в которых он имел дело с проверенным

[18] «Советско-китайские отношения в 1931—1945 гг.», М., 1956; «Советско-китайские отношения», М., 1958.

[19] «См. также относящиеся к этой теме статьи: «Новые формы борьбы за Маньчжурию», — «Международная жизнь», 1928, № 3; «Железнодорожное строительство и железнодорожный конфликт в Маньчжурии», — «Новый Восток», 1928, № 22.

[20] «Японо-китайский железнодорожный конфликт в Маньчжурии», — «Проблемы Китая», 1931, № 6—7. — Вышедшая уже после оккупации Маньчжурии статья «Японский империализм в Маньчжурии» была прямым продолжением предыдущей (см. «Проблемы Китая», 1931, № 8).

[21] «Американская политика на Тихом океане» (рецензия на труды Американской академии политических и социальных наук), — «Тихий океан», 1934, № 2; «Обзор журнала «Пасифик аффэрс» за 1934 г.», — «Тихий океан», 1935, № 1; «Противоречия в дальневосточной политике США», — «Тихий океан», 1935, № 3; рецензия на книгу Дрю Пирсона и Константина Броуна «Американская дипломатическая игра», — «Тихий океан», 1935, № 4. — В эти годы только отдельные статьи А. Я. Канторовича посвящены японской политике в Китае и лишь одна — английской: «Англия на Дальнем Востоке», — «Тихий океан», 1936, № 1.

[22] «Америка в борьбе за Китай», М., 1935. — Некоторые главы этой работы были предварительно опубликованы, иногда в сокращенном виде, в журналах.

[23] В книге «Америка в борьбе за Китай» из девяти глав первые шесть носят чисто исторический характер. В книге «Иностранный капитал и железные дороги в Китае» истории отведено шесть глав из двенадцати, последующие главы носят в значительной степени справочный характер.

временем материалом. В других его «международных» работах многое устарело, некоторые прогнозы не оправдались. Автор, следовавший за быстро текущей жизнью, стоял, естественно, перед большими трудностями. Однако исследования А. Я. Канторовича современных ему событий также представляют для нас интерес, содержат ценные наблюдения и обобщения.

А. Я. Канторович выдвинулся в ряды ведущих специалистов по Китаю работой «Иностранный капитал и железные дороги Китая», написанной в 1925 г. и опубликованной, как указывалось выше, в 1925—1926 гг.

Чтобы оценить значение этой книги для того времени, нужно представить себе положение с научным изучением Китая в 1924—1925 гг. Китаеведы старой школы, занимавшиеся преимущественно вопросами языка и литературы, в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции не могли в силу непонимания современных задач удовлетворить спрос читателей на литературу по истории Китая. Единственной такого рода книгой, которую старое поколение учетных дало в эти годы, были «Очерки политической истории Китая в новейшее время» Н. В. Кюнера [24]. Заслугой Н. В. Кюнера, крупнейшего русского историка Китая, сложившегося как ученый еще в начале XX в., было то, что он создал первый цельный, построенный на обширном и проверенном фактическом материале очерк истории Китая эпохи империализма. Однако в теоретическом отношении концепция Кюнера по ряду важнейших пунктов не выдерживала серьезной критики, свидетельствуя, что добросовестное стремление автора к овладению марксистским методом в тот период еще не увенчалось успехом [25]. Из других работ тех лет, кроме серьезных статей по истории Китая А. Е. Ходорова [26] и блестящей популяризаторской книги К. Харнского [27], можно назвать лишь многочисленные книги, брошюры и статьи справочного характера, и в настоящее время не представляющие интереса. К устаревшим мы относим сейчас и работы плодовитого автора 20-х годов В. Виленского-Сибирякова, книгу И. Мамаева и В. Колоколова (первая попытка дать очерк истории Китая с древнейших времен) и т. д. [28].

В этой обстановке книга А. Я. Канторовича «Иностранный капитал и железные дороги Китая», как и вышедшая несколько позже работа Б. А. Романова «Россия в Маньчжурии» [29], были первыми монографиями, положившими начало глубокому изучению истории Китая.

Не случайно обе работы принадлежали к сфере международных отношений, которая в отличие от внутренней истории Китая была больше обеспечена источниками и имела большие научные традиции еще в дореволюционной русской науке. Особенно выгодным в этом отно-

[24] Н. В. Кюнер, *Очерки новейшей политической истории Китая*, Владивосток, 1927.

[25] См. рецензию Н. Т. (возможно, Н. Терентьев-Канторович) в журн. «Новый Восток», 1927, № 18. Рецензент не заметил многих серьезных недостатков книги Н. В. Кюнера, но редакция журнала, возглавлявшаяся известным марксистом-востоковедом М. П. Павловичем, несколько выправила положение, сопроводив рецензию примечанием: «Целиком признавая ценность труда проф. Кюнера, редакция не соглашается с отдельными взглядами автора (например, об отсутствии остатков феодализма, о значении империализма и т. д.), обусловленными общей слабостью марксистского анализа в рецензируемой работе».

[26] См. «Новый Восток», 1923, № 3; 1925, № 7; 1927, № 18, 19; 1929, № 26—27.

[27] К. Харнский, *Китай с древнейших времен до наших дней*, Хабаровск — Владивосток, 1927.

[28] И. Мамаев, В. Колоколов, *Китай. Страна, народ, история*, М., 1924.

[29] Б. А. Романов, *Россия в Маньчжурии (1892—1906)*, Л., 1928.

шении было положение Б. А. Романова, работавшего с русскими архивными материалами и имевшего возможность опереться на огромный опыт, накопленный русской наукой в области изучения внешнеполитического аспекта отечественной истории. Б. А. Романову удалось, соединив этот опыт с марксистским методом, создать глубокое исследование, которое, выйдя в свет в 1928 г., стоит, однако, на уровне крупнейших достижений советской науки последующих десятилетий. Книга А. Я. Канторовича, написанная преимущественно на английских источниках и относившаяся к гораздо менее изученной области, чем история внешней политики России, значительно уступает по глубине работе Б. А. Романова. Лишь спустя десять лет после книги «Иностранный капитал и железные дороги Китая» А. Я. Канторович смог создать труд «Америка в Китае», который по масштабам приближается к работе Б. А. Романова. Но и «Иностранный капитал и железные дороги Китая» был хотя и более скромным, но серьезным исследованием.

Выход книги «Иностранный капитал и железные дороги Китая» был по заслугам оценен научной критикой того времени. Видный литератор и знаток стран Дальнего Востока Р. Ким, незадолго до этого горячо отстаивавший необходимость перехода от справочников по Китаю к специальным исследованиям [30], приветствовал работу А. Я. Канторовича как первую монографию: «Автор справился с трудной задачей вполне удовлетворительно,— писал он,— его работа, небольшая по размеру, но чрезвычайно компактно написанная, представляет собой вполне самостоятельную, связно написанную историко-экономическую монографию, а не сухой безжизненный справочник с бесконечными столбиками цифр и островками лапидарных текстов, взятых напрокат из „ирбуков“» [31].

В книге «Иностранный капитал и железные дороги Китая» и близких к ней по теме работах, включая работы о КВЖД, А. Я. Канторович дал полную картину истории и современного состояния железнодорожного вопроса в Китае, рассматривая железные дороги как важный фактор политической жизни Китая и объект борьбы международных политических сил. Не вдаваясь в разбор тех частей книги «Иностранный капитал и железные дороги Китая», которые имели преимущественно справочный характер (протяжение и плотность железнодорожной сети, финансовое положение и экономическая роль китайских железных дорог, конкретные цифры, отражающие иностранные интересы на железных дорогах, юридическое оформление иностранного контроля над железными дорогами и т. д.), остановимся лишь на тех мыслях и новых положениях автора, которые имели, отчасти и сейчас имеют, принципиальное значение.

А. Я. Канторович нарисовал картину истории железнодорожного строительства в Китае и наметил основные этапы этой истории, сообразуясь с особенностями тактики иностранного капитала в Китае на разных этапах.

Первым этапом А. Я. Канторович считает период до 1895 г., когда железнодорожное строительство не стало еще центральной задачей иностранных капиталистов в Китае и когда немногие строившиеся железные дороги в общем находились в руках китайцев.

На втором этапе иностранный капитал развил бурную деятельность в сфере железнодорожного строительства; все железные дороги,

[30] См. «Новый Восток», 1926, № 12, стр. 305.
[31] «Новый Восток», 1926, № 13—14, стр. 382.

строившиеся в этот период, создавались иностранцами и оставались их собственностью. Однако конкуренция между различными империалистическими державами, рост сопротивления китайского народа иностранной агрессии, наконец, рост китайского национального капитала привели к новому — третьему этапу, когда дороги, строившиеся иностранцами, оставались в руках китайского правительства, хотя и со значительным участием иностранного капитала (для этого этапа типичны так называемые «Пукоуские условия» 1908 г., заключенные Китаем с английскими и германскими капиталистами, строившими железную дорогу Тяньцзинь — Пукоу). Отметим, что, по нашему мнению, значение этого третьего этапа в книге А. Я. Канторовича несколько преувеличено и необходимость выделения «Пукоуских условий» в особый этап до конца автором не доказана. В конце концов и железные дороги, строившиеся на основании соглашений, подобных пукоускому, фактически неизбежно должны были оказаться в основном под контролем иностранцев. К тому же сами эти соглашения оказались лишь кратковременным эпизодом.

Примерно с 1909—1910 гг., с создания иностранными капиталистами консорциума для совместного грабежа Китая, А. Я. Канторович начинает четвертый этап, когда на смену «пукоуским» пришли новые соглашения, столь же жесткие для Китая, как соглашения периода, предшествовавшего «пукоуским» условиям. В предпоследней главе книги «Иностранный капитал и железные дороги Китая» рассматриваются проекты интернационализации китайских железных дорог, выдвигавшиеся в 1924—1925 гг. в США и Англии. Автор делал вывод, что эти проекты имеют мало шансов на успех. Сопротивление китайского народа и конкуренция между империалистами (прежде всего незаинтересованность в осуществлении таких проектов Японии) сорвут, как правильно полагал А. Я. Канторович, всякие планы совместного империалистического господства в Китае.

Особо выделяется одна черта работ А. Я. Канторовича раннего периода его творчества. В отличие от многих авторов не только своего, но и значительно позднейшего времени А. Я. Канторович не сводил роль тогдашнего Китая в международных отношениях к роли простой пешки в игре империалистов. Отмечая экономическую и политическую слабость, зависимость Китая от империалистов, автор в то же время показывал всю сложность фактической обстановки, когда реакционное китайское правительство в каких-то пределах все же проводило собственную внешнеполитическую линию и Китай был не только объектом, но и субъектом международной политики, хотя конечно далеко не в той мере, как это могло бы соответствовать положению великой страны Восточной Азии.

Автору был чужд упрощенный взгляд, что все ресурсы полуколониального Китая поделены между империалистами, что иностранный капитал полностью господствует не только над Китаем в целом, но и над каждым квадратным метром китайской территории. А. Я. Канторович показал, что сфера подлинного, по существу неограниченного господства империалистов в Китае — морское побережье и открытые порты. Во внутренних районах Китая, писал он, иностранному капиталу до сих пор не удалось пустить глубокие корни [32].

Работы А. Я. Канторовича говорят не только об объективном стихийном влиянии Китая на международные отношения и на мировой

[32] См. «Новый Восток», 1925, № 10—11, стр. 64—66.

рынок[33], но и об определенных сознательных мероприятиях даже реакционных китайских властей, пытавшихся укрепить в известных рамках свое положение, лавировать между империалистами, вступая иногда в частные конфликты с некоторыми из них. Стоит специально отметить эту черту работ А. Я. Канторовича в противовес встречающемуся (даже в научной литературе) представлению, будто роль реакционных правящих классов Китая сводилась исключительно к функциям хорошо вымуштрованных, абсолютно лишенных самостоятельности слуг иностранного капитала.

А. Я. Канторович описал финансовые мероприятия милитаристов Северо-Восточного Китая, направленные на вытеснение японской иены[34], борьбу между китайской и японской политикой железнодорожного строительства в Северо-Восточном Китае[35] и т. д.

Автор предвидел «возвращение Китаю всех железнодорожных концессий и восстановление его суверенитета на всех остальных железнодорожных путях». «Разумеется,— добавлял он,— нельзя сейчас сказать, как много времени пройдет до окончательной победы над империализмом. В свете этой более или менее близкой неизбежности становится, однако, очевидным, насколько невероятно какое-либо резкое движение вспять, какой-либо поворот в начавшемся процессе эмансипации железных дорог и железнодорожного строительства; этот процесс должен, очевидно, развиваться и дальше, вплоть до своего логического конца»[36].

Делая этот основной вывод, констатировавший развитие Китая в направлении завоевания независимости, А. Я. Канторович сделал правильную оговорку, что особая активность США и Японии в Китае может как-то временно повлиять на решение вопроса о железных дорогах. Автор словно предчувствовал, что на пути Китая к независимости империалисты этих двух стран (как в действительности и оказалось — вспомним японскую агрессию в 1931—1945 гг. и американскую в 1946—1949 гг.) окажутся наиболее серьезным препятствием.

Особенно интересны соображения А. Я. Канторовича о роли японского империализма в Китае. Нужно иметь в виду, что 1924—1926 годы были временем как раз относительно «мирного», внешне во всяком случае, «тихого» поведения японского империализма. Однако А. Я. Канторович, изучив экономические и политические позиции держав в Китае, установил особую активность японского капитала. Анализ железнодорожного вопроса позволил заключить, что «Япония приобрела себе в Китае совершенно исключительное положение. Она выступила на китайской арене последней, но она пришла к цели первой: по степени политического влияния, промышленного проникновения и, в частности... жел. дор. интересов (в широком смысле слова) Япония не имеет себе равной... японское капиталистическое влияние в Китае есть и останется самым могущественным, и это несмотря на то, что из всех стран именно Япония объективно преследует (и не может не преследовать) в Китае цели наиболее колонизаторского, наиболее опасного для Китая свойства»[37].

К тому же выводу приводило автора знакомство с ролью иностранного капитала в горной и тяжелой промышленности Китая. В этой отрасли японские «интересы» значительно превысили интересы всех остальных держав вместе взятых: «...там, где европейский и американский капитал терпит фиаско, японский капиталист часто выигрывает. Это явление следует приписать ряду причин: расовой и языковой близости с Китаем, необыкновенному умению и пониманию японцами китайской обстановки, чрезвычайной сосредоточенности политической и экономической деятельности тесно друг с другом переплетающихся, географической и стратегической близости, делающей военный нажим чрезвычайно действенным. Так или иначе именно японская экспансия в Китае наиболее эффективна и успешна и, стало быть, представляет для Китая наибольшую опасность»[38]. Захватывая китайскую горную и металлургическую промышленность, Япония имела в виду не только обеспечить за собой их прибыли или покрыть собственную потребность в металле, но и занять «командные высоты китайской хозяйственной жизни для того, чтобы, опираясь на них, постепенно превратить Китай в свою обширную материковую колонию»[39].

Убедительным был общий вывод автора об исключительной активности Японии на Дальнем Востоке — активности, по которой с нею не может сравниться ни одна из остальных империалистических держав, ни даже целая группировка их, и о том, что рост японского влияния «несет с собой несомненную и серьезную опасность для всего экономического и политического будущего Китая»[40]. В 1925 г., когда в советской периодической печати было много статей менее дальновидных авторов, видевших лишь вчерашнюю и сегодняшнюю (для тех лет) роль Англии как ведущей силы империалистической экспансии против Китая, но не видевших завтрашней роли Японии, приведенный выше вывод А. Я. Канторовича отличался смелостью и глубиной. Серьезный анализ международных отношений и их экономических факторов в последующих работах, посвященных планам железнодорожного строительства в Северо-Восточном Китае, вновь подводил А. Я. Канторовича к выводу о близком и еще более приближающемся грозном конфликте между Китаем и империалистической Японией[41]. Однако, правильно уловив общую тенденцию в японо-китайских отношениях, автор ошибся в определении более конкретных сроков[42].

---

[33] Так, А. Я. Канторович доказал, что резкое обесценение серебра на мировом рынке в 1926 г. было следствием изменений, происходивших не в Индии, как считало большинство авторов, а в Китае («Китай и обесценение серебра», — «Вестник финансов», 1927, № 1).

[34] «Японская иена в Маньчжурии», — «Вестник финансов», 1927, № 5.

[35] «Железнодорожное строительство и железнодорожный конфликт в Маньчжурии», — «Новый Восток», 1928, № 22; «Новые формы борьбы за Маньчжурию», — «Международная жизнь», 1928, № 3; «Японо-китайский железнодорожный конфликт в Маньчжурии», — «Проблемы Китая», 1931, № 6—7.

[36] «Иностранный капитал и железные дороги Китая», стр. 180.

[37] Там же, стр. 181—182.

[38] «Новый Восток», 1925, № 10—11, стр. 66.

[39] Там же, стр. 77.

[40] Там же.

[41] «Советский Союз и КВЖД», — «Советская Азия», 1930, № 3—4; «Железнодорожное строительство в Маньчжурии и Китайско-Восточная железная дорога», — «Советская Азия», 1931, № 5—6.

[42] См. «Новый Восток», 1928, № 22, стр. 43, и «Проблемы Китая», 1931, № 6—7, стр. 233, где А. Я. Канторович выражал сомнение в том, что Япония в «ближайшие годы» рискнет на прямой захват Северо-Восточного Китая.

Более дальновидным оказался в данном случае В. Я. Аварин, который писал, что в маньчжурском вопросе наступает «критический период», что «положение весьма напряженно». Он подводил читателя к тому, что в ближайшее время неизбежно проявление международных противоречий в острейшей форме. Правда, В. Я. Аварин представлял это возможное проявление противоречий преимущественно в виде столкновения между Японией и США за Северо-Восточный Китай, а не в той форме, в какой оно в то время произошло — в форме захвата Северо-Восточного Китая Японией при попустительстве империалистов США и других стран. (В. Аварин. *Империализм в Маньчжурии. Этапы империалистической борьбы за Маньчжурию*. М., 1931, стр. 268, 281 и др.)

Вопросы японской агрессии в Китае стали в центре внимания А. Я. Канторовича после оккупации Северо-Восточного Китая. К 1932 г. относятся книги «Японский капитал в Маньчжурии», «Борьба за Тихий океан», «Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов» и несколько статей. К той же тематике примыкает книга «Очаг войны на Дальнем Востоке», вышедшая двумя годами позже [43].

Опыт и чутье международника подсказали А. Я. Канторовичу необходимость более детального знакомства с политикой американского империализма. Этого требовали и практические нужды советской внешней политики: поиски хотя бы временного и непрочного союзника против агрессивной Японии (недаром спустя менее десяти лет СССР, как известно, оказался в одном лагере с США во второй мировой войне).

Второй раз в жизни А. Я. Канторович садился за большое капитальное исследование. В первом случае задуманная работа «Китай в империалистическом окружении» не была написана, так как тема оказалась слишком огромной и не могла в то время быть глубоко изученной силами одного, тем более молодого автора, каким был А. Я. Канторович в середине 20-х годов. В совершенно ином положении находился он, когда задумал написать монографию «Америка в борьбе за Китай». Тема этой монографии была велика, но все же четко ограничена политикой одной страны, и автор в середине 30-х годов был ученым с огромным опытом, вполне подготовленным к решению задачи подобного масштаба.

Работы А. Я. Канторовича показывают, что он начал сосредоточиваться на теме о Соединенных Штатах примерно с 1933 г., т. е. с момента восстановления нормальных дипломатических отношений между СССР и США. В конце 1933 г. в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» (№ 11—12) уже была опубликована статья об экономических позициях США в Китае, в примечании к которой указывалось, что она представляет сокращенное изложение одной из глав подготовляемой книги «Америка в борьбе за Китай». Опубликовав таким образом материалы, очевидно, давно находившиеся у автора в мобилизационной готовности в связи с работой над прошлой темой — «Китай в империалистическом окружении», А. Я. Канторович затем, в 1934—1935 гг., напечатал ряд рецензий на книги американских авторов (как и при начале работы над прошлой темой, он, естественно, начинал с историографии); в это же время одна за другой выходят еще несколько статей, являющихся главами будущей книги. В 1934—1935 гг. А. Я. Канторович работал очень целеустремленно.

В вышедшей в 1935 г. монографии давался анализ политики США в Китае с момента ее зарождения до 1935 г. Не ставя перед собой задачу пересказывать содержание книги, коснемся лишь тех мыслей автора, которые представляются наиболее интересными до настоящего времени.

А. Я. Канторович показал, что с самого возникновения Соединенных Штатов Америки Китай играл для американского капитала, несмотря на тогдашнюю слабость США и удаленность от Китая, очень большую роль. Автор объяснял это тем, что торговля с Востоком, прежде всего с Китаем, играла роль столбовой дороги первоначального накопления капитала в США [44].

[43] См. рецензии: А. Казарина на книгу «Борьба за Тихий океан» («Молодая гвардия», 1932, кн. 10—11) и Л. Зархина на книгу «Очаг войны на Дальнем Востоке» («За большевистскую книгу», 1934, № 15).

[44] «Америка в борьбе за Китай», стр. 5.

Уже на первом этапе американской агрессии в Китае, достигшей апогея в 50-х годах XIX в., проявляются «те самые черты, которые характеризуют американскую политику на последующих ее этапах: довление будущего над настоящим, забота о будущей экспансии, стремление удержать расчищенным путь для этой последней... Америка, все еще провинциальная и к тому же беременная тягчайшим внутренним кризисом, помышляла все же сделать свои заявки» [45].

Эта черта, отмеченная А. Я. Канторовичем,— несоответствие аппетитов американского капитализма его реальным возможностям, вынуждавшее США прятаться за спину других держав или идти рядом с ними,— сказывалась в политике США в Китае вплоть до второй мировой войны. Только в период второй мировой войны и особенно после нее США, казалось, уже реально могли претендовать на роль монопольного империалистического агрессора в Китае. Ирония судьбы заключалась в том, что именно в этот момент столетние агрессивные планы США в Китае потерпели полный и окончательный крах.

А. Я. Канторович подчеркивал, что и на первом этапе политика США в отношении Китая отнюдь не была мирной. Хотя США играли в то время лишь роль «шакала при английском льве», их неизменное участие во всех агрессивных актах держав в Китае, начиная с «опиумных» войн, «лучше, чем что-либо, опровергает легенду об исключительных „добродетелях“ и „либерализме“ американской политики по отношению к Китаю. Поскольку единый фронт соблюдался европейскими державами, Америка всегда солидаризировалась в той или иной форме с их агрессивными действиями в Китае» [46].

60—70-е годы XIX в.— период, когда у власти в США оказалась республиканская партия, идеологи которой требовали в 50-х годах всемерной активизации агрессии против Китая,— были периодом фактического бессилия США в дальневосточных делах. Бурное развитие капитализма во внутренних районах США после победы Севера над Югом привело к тому, что силы, средства и внимание американского капитала отвлеклись в сторону внутренних капиталовложений. «Звезда „очевидной судьбы“, влекущей Америку к завоеваниям на Дальнем Востоке,— таков был стиль ораторских выступлений предшествовавшей эпохи,— как будто потухла в тот самый момент, когда у власти в США оказались открывшие ее политические астрологи» [47].

В конце XIX в. агрессия США в Китае вновь резко усилилась. А. Я. Канторович показал, в частности на материалах русских дипломатических архивов, активную деятельность представителей американского капитала в этот период. «Американский империализм родился без опоздания; наоборот, именно на его примере веяния и сдвиги новой эры сказались с особенной наглядностью» [48]. Выдвигается пресловутая доктрина «открытых дверей», происхождение которой, как считал А. Я. Канторович, было бесспорно английским [49], но которая официально была провозглашена США и стала знаменем их дальневосточной политики на долгие годы.

Тактика Теодора Рузвельта на Дальнем Востоке, как доказал

[45] Там же, стр. 31.
[46] Там же, стр. 56.
[47] Там же, стр. 43.
[48] Там же, стр. 77.
[49] Хотя в нашей последующей литературе тезис об английском происхождении доктрины «открытых дверей» как-то стушевывается, тезис этот представляется нам, как и А. Я. Канторовичу, вполне доказанным.

автор, отличалась грубыми просчетами. Переоценив опасность для США политики царской России и не видя возможности союза России с Японией, правительство Т. Рузвельта оказалось перед лицом единого фронта этих двух держав. А. Я. Канторович расценивал соглашение Рут — Такахира (1908 г.), эту «лебединую песнь» Т. Рузвельта, как явную неудачу США[50]. Подобным же образом оценивается в книге соглашение Лансинг — Исии (1917 г.).

Анализ соглашения Лансинг — Исии может служить одним из примеров сильных мест работы А. Я. Канторовича. В наши дни в научной литературе часто не дается четкой оценки этого соглашения[51]. Это не удивительно, так как соглашение состояло из двух, казалось бы, исключающих друг друга, частей. Вначале США признавали японские «специальные интересы в Китае», затем Япония клялась в верности принципу «открытых дверей». США и Япония толковали это соглашение каждый в свою пользу. При всей сложности вопроса А. Я. Канторович сумел провести сквозь все дипломатические хитросплетения ясную логическую нить, которая вела к следующим выводам: во второй части соглашения не содержалось по существу ничего нового, Япония и в прошлом не раз формально заявляла о своем якобы согласии с принципом «открытых дверей». Со стороны Японии не было в данном случае даже формальной уступки. «Новый момент содержался только в первой части соглашения, согласно которой Америка признавала наличие у Японии специальных интересов в Китае и особенно в сопредельных его частях. Термин «специальные интересы» не раз фигурировал уже применительно к Японии и Китаю в дипломатических документах. Он, в частности, содержался во всех трех договорах об англо-японском союзе (1902, 1905, 1911), равно как и во франко-японском соглашении 1907 г. До тех пор, однако, Америка воздерживалась от употребления этого термина и (если не считать ляпсуса, допущенного Брайаном в 1915 г. [52]) никогда не признавала за Японией соответствующих прав»[53]. А. Я. Канторович приводит также другие доводы: инициатором соглашения Лансинг — Исии была Япония; непосредственный политический эффект соглашения был «во всяком случае чрезвычайно неблагоприятен для американской политики»[54]. Он ссылается на свидетельства современников — Рейнша, Кудашева, Окума. Автору удалось убедительно доказать тезис, что соглашение Лансинг — Исии было моральным выигрышем Японии и проигрышем США, вопреки мнению В. Я. Аварина, писавшего, что «обмен нот от 2 ноября не дает никаких оснований для квалификации этого соглашения как успеха Японии...»[55].

А. Я. Канторович был также прав в споре с В. Я. Авариным по поводу реальных возможностей американского вывоза капитала в Китай в годы, предшествовавшие первой мировой войне. А. Я. Канторович утверждал, что и в данном случае аппетиты правящей верхушки

[50] «Америка в борьбе за Китай», стр. 176.
[51] См.: «Дипломатический словарь», т. 2, М., 1950, стр. 7; Г. Ефимов, *Очерки по новой и новейшей истории Китая*, изд. 2, М., 1951, стр. 200. — Более правильно, по нашему мнению, изложен этот вопрос в книге «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945)», М., 1951, стр. 240.
[52] Государственный секретарь США Брайан в 1915 г. в ноте по поводу пресловутого 21 требования Японии к Китаю признал за Японией «специальные интересы» в Китае.
[53] «Америка в борьбе за Китай», стр. 276.
[54] Там же, стр. 278.
[55] Там же, стр. 275.

США значительно превзошли ее реальные возможности вывоза капитала в Китай.

«Тов. Аварин,— писал он,— не прав, приписывая энергию американцев тому, что они „более, чем кто-либо, обладали капиталом“... США продолжали оставаться в основном страной импорта капитала... Мы опять-таки не можем согласиться с т. Авариным, когда он, характеризуя американский напор на Маньчжурию, говорит о „левиафанах Уолл-стрита, продолжавших преследовать захват намеченных колоний с упорством, свойственным монополистическому капиталу в эпоху империализма“. Эти „левиафаны“ были, как говорится, „сильнее зверя“ только у себя на родине; в Китае и на мировом рынке вообще они все еще представляли собой довольно скромную величину»[56].

Укажем еще на трактовку А. Я. Канторовичем результатов Вашингтонской конференции 1922 г. Внешне они выглядели как большая и безусловная победа США. Однако детальный анализ позволил автору расчленить Вашингтонские соглашения, показав, что успех американского империализма в политических вопросах был получен за счет уступки в военных вопросах. Наиболее реальное значение с политической точки зрения для США имела ликвидация англо-японского союза. Большим успехом США был также уход японцев из китайской провинции Шаньдун, хотя Япония сохраняла там за собой некоторые права и — это главное — японские позиции в Северо-Восточном Китае оставались непоколебленными. В военной же области США фактически должны были согласиться на сохранение японского военного господства в азиатских водах. Япония, как писал в 1925 г. цитируемый А. Я. Канторовичем немецкий журнал «Марине рундшау», получила «десятилетие передышки для укрепления своей военной мощи». «За это,— имел возможность в 1935 г. добавить А. Я. Канторович,— американский капитализм сейчас и расплачивается»[57].

Положительным моментом в книге А. Я. Канторовича было то, что он не делал основного упора, как в своих работах 1932—1934 гг., на англо-американские противоречия на Дальнем Востоке: отдельные фразы, еще сохранившиеся от нередкого для авторов 30-х годов догматического подхода к этому вопросу, по существу растворились в многочисленных фактах и мыслях, создававших у читателя твердое убеждение, что главным противоречием между империалистами на Тихом океане стало противоречие между Японией и США, что именно ему суждено стать осью будущей тихоокеанской войны.

В числе документов, доказывающих несовместимость империалистических интересов США и Японии в Китае, искусно анализировавшихся автором, можно упомянуть «доктрину Стимсона» 1932 г. и обмен письмами между министрами иностранных дел Японии и США в феврале — марте 1934 г. В последнем случае Япония в лице Хирота выразила пожелание о развитии «дружественных отношений» с США. Государственный секретарь Хэлл ответил в том же духе, а также добавил, что, как он надеется, «для всех стран, имеющих интересы на Дальнем Востоке», окажется возможным решить встающие перед ними вопросы «без ущерба для кого бы то ни было и с положительной и длительной выгодой для всех». А. Я. Канторович писал: «Это скромное на вид пожелание в действительности взрывало без остатка весь сложный японский маневр. Сущность этой, как и других аналогичных попыток

[56] Там же, стр. 197.
[57] Там же, стр. 359.

Японии, сводилась ведь к тому, чтобы добиться в любых формах такого сговора с США, который связывал бы последние по отношению к дальневосточным делам, но не связывал бы в этих делах Японию... Всякое двустороннее соглашение между Японией и США — будь то пакт о ненападении или об арбитраже — имело бы в этой обстановке именно такой эффект, либо оно, в силу своего практического значения, устранило бы возможность американского вмешательства и развязало бы руки японским экспансионистам. Многозначительное упоминание Хэлла относительно „всех стран, имеющих интересы на Тихом Востоке", одновременно декларировало неприемлемость для американского правительства подобного изолированного сговора с Японией и категорический отказ США рассматривать японскую агрессию в Азии как нечто, не касающееся их»[3].

В книге «Америка в борьбе за Китай» так же, как и в ряде статей А. Я. Кантеровича, большое место уделено американским дипломатическим материалам 1934—1935 гг., связанным с вопросом о характере американской заинтересованности США в дальневосточных делах. А. Я. Кантерович показал, что основная тенденция — «стремление монополистического капитала США к дальнейшему расширению своих позиций на Дальнем Востоке» — США, стремились всегда, чтобы сделать свои интересы гегемонистскими на Дальнем Востоке[4]. Автор справедливо подчеркивает, что американский империализм, будучи заинтересован в том, чтобы направить японскую агрессию против СССР, в то же время не был склонен к открытому разрыву с Японией, т. к. это помешало бы осуществлению американской экспансии в Китае[5].

Для А. Я. Кантеровича [illegible] характерно [illegible] Так, [illegible] Дальнем Востоке.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

целеустремленным в своей научной деятельности автор не повторял прежних ошибок, по-марксистски подходя к оценке внутренних причин японской агрессии, существующего строя в Китае и т. д.

Путь А. Я. Канторовича как ученого был неровен, но это был путь и многих его сверстников и коллег. Марксистско-ленинская наука в области международных отношений, как и в других областях, развивалась не в оранжерейных условиях: она мужала в борьбе с трудностями, прокладывала путь сквозь срывы и зигзаги, через преодоление чужих и своих ошибок.

Объективное изучение пройденного пути позволяет взять на вооружение не только достижения предшественников, но и опыт, приобретенный ими в процессе собственного развития. Вместе с тем это изучение повышает наше уважение к таким людям, как А. Я. Канторович, который был одним из зачинателей изучения с марксистско-ленинских позиций международных отношений Китая.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. А. Фридман. Иностранные монополии в египетской промышленности (до второй мировой войны) 3
А. С. Аветян. Из истории проникновения империалистических держав в добывающую промышленность Турции (1913—1914 гг.) 35
Б. М. Поцхверия. Турецко-американские разногласия по вопросу о развитии турецкой экономики 40
Джалиле Джалил. Курды и русско-турецкая война 1877—1878 гг. 54
Д. Р. Вобликов. Французская железнодорожная концессия в Эфиопии . . . 60
С. А. Кузьмин. «План Коломбо» и проблемы афро-азиатского экономического сотрудничества 75
В. В. Лопатов. К вопросу о развитии экономических связей Австралии со странами Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока 83
В. Б. Воронцов. Борьба за Таиланд в период войны на Тихом океане (1941—1945 гг.) 96
С. С. Хусеинов. К истории советско-китайских отношений в 1918 г. 107
В. Н. Барышников. Роль группировки Ляо Вэнь-и в агрессивных планах США на Тайване 119
Б. П. Гуревич. Политика России в опиумном вопросе в период англо-китайской войны 1839—1842 гг. 130
В. Н. Никифоров. Советский ученый-международник Анатолий Яковлевич Канторович 143

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ
№ 56
Международные отношения

Утверждено к печати Институтом народов Азии Академии наук СССР

Редакторы *И. М. Дижур, М. И. Штемпель*
Технический редактор Э. Ш. Язловская
Корректоры: М. Н. Гарбер М. З. Шафранская

Сдано в набор 25/IV 1963 г.
Подписано к печати 1/VIII 1963 г.
А-06725 Формат 70×108¹/16.
Печ. л. 10,0 Усл. п. л. 13,7.
Уч.-изд. л. 12,87. Тираж 1200 экз.
Зак. 621. Цена 75 коп.

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография Издательства восточной литературы,
Москва, К-45, Б. Кисельный пер. 4